

ВЕСЦІ

НАЦЫЯНАЛЬНАЙ АКАДЭМІІ НАВУК БЕЛАРУСІ

СЕРЫЯ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК. 2026. Т. 71, № 1

ИЗВЕСТИЯ

НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК БЕЛАРУСИ

СЕРИЯ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК. 2026. Т. 71, № 1

Журнал основан в январе 1956 г.

Выходит четыре раза в год

Учредитель – Национальная академия наук Беларусь

Журнал зарегистрирован в Министерстве информации Республики Беларусь,
свидетельство о регистрации № 394 от 18.05.2009

*Журнал рецензируется. Входит в Перечень научных изданий Республики Беларусь
для опубликования результатов диссертационных исследований,
включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)*

Главный редактор:

Александр Александрович Коваленя – Отделение гуманитарных наук и искусств
Национальной академии наук Беларусь, Минск, Беларусь

Редакционная коллегия:

А. И. Локотко – Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук
Беларусь, Минск, Беларусь (заместитель главного редактора)

М. С. Макрицкая – Издательский дом «Беларуская навука», Минск, Беларусь (ведущий редактор журнала)

Е. М. Бабосов – Институт социологии Национальной академии наук Беларусь, Минск, Беларусь

П. А. Водопьянов – Белорусский государственный технологический университет, Минск, Беларусь

В. Л. Гурский – Президиум Национальной академии наук Беларусь, Минск, Беларусь

А. Е. Гучок – Высшая аттестационная комиссия Республики Беларусь, Минск, Беларусь

В. В. Данилович – Постоянная комиссия по образованию, культуре и науке Палаты представителей Национального
собрания Республики Беларусь, Минск, Беларусь

Т. И. Довнар – Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

А. И. Жук – Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка, Минск, Беларусь

И. Л. Копылов – Филиал «Институт языкоznания имени Якуба Коласа» государственного научного учреждения
«Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларусь»,
Минск, Беларусь

А. Д. Король – Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

- В. Л. Лакиза** – Институт истории Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
Н. Л. Мысливец – Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
М. В. Мишникович – Международный университет МИТСО, Минск, Беларусь
П. Г. Никитенко – Институт экономики Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
И. В. Саверченко – Филиал «Институт литературоведения имени Янки Купалы» государственного научного учреждения «Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларусь», Минск, Беларусь
А. С. Шамрук – Филиал «Институт искусствоведения, этнографии и фольклора имени Кондрата Крапивы» государственного научного учреждения «Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларусь», Минск, Беларусь
В. Н. Ярмолинская – Филиал «Институт искусствоведения, этнографии и фольклора имени Кондрата Крапивы» государственного научного учреждения «Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларусь», Минск, Беларусь

Редакционный совет:

- А. Н. Булыко** – Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларусь, Минск, Беларусь
В. И. Васильев – Центр истории и теории культуры и академического сектора науки Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Научный и издательский центр «Наука» Российской академии наук», Москва, Россия
Г. Генчель – Институт славистики Университета Карла фон Осецкого, Ольденбург, Германия
С. Ю. Глазьев – Коллегия по интеграции и макроэкономике Евразийской экономической комиссии, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова», Москва, Россия
Е. К. Голаховска – Институт славистики Польской академии наук, Департамент лингвистики, Варшава, Польша
А. Е. Дайнеко – Белорусский республиканский фонд фундаментальных исследований, Минск, Беларусь
В. А. Ильин – Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук», Вологда, Россия
С. Л. Кандыбович – Российская академия образования, Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, Федеральная национально-культурная автономия белорусов России, Совет при Президенте Российской Федерации по межнациональным отношениям, Консультативный совет по делам белорусов зарубежья при МИД Республики Беларусь, Москва, Россия
С. П. Карпов – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова», Москва, Россия
Е. Миронович – Белостокский университет, Белосток, Польша
А. А. Сатыбалдин – Институт экономики Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан, Алматы, Казахстан
А. В. Смирнов – Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт философии Российской академии наук», Москва, Россия
Чжан Юянь – Институт мировой экономики и политики Китайской академии общественных наук, Пекин, Китай
Янг Хионг – Институт социологии Шанхайской академии социальных наук, Шанхай, Китай

Адрес редакции:

ул. Академическая, 1, к. 119, 220072, г. Минск, Республика Беларусь.
Tel.: + 375 17 272-19-19; e-mail: humanvesti@mail.ru
Сайт: vestihum.belnauka.by

ИЗВЕСТИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК БЕЛАРУСИ.

Серия гуманитарных наук. 2026. Т. 71, № 1.

Выходит на русском, белорусском и английском языках

Редактор *M. С. Макрицкая*
Компьютерная вёрстка *Ю. А. Агейчик*

Подписано в печать 13.01.2026. Выход в свет 29.01.2026. Формат 60×84 1/8. Бумага офсетная.

Печать цифровая. Усл. печ. л. 10,23. Уч.-изд. л. 11,3. Тираж 68 экз. Заказ 5.

Цена номера: индивидуальная подписка – 15,86 руб., ведомственная подписка – 35,17 руб.

Издатель и полиграфическое исполнение:

Республиканское унитарное предприятие «Издательский дом «Беларуская навука».

Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий № 1/18 от 02.08.2013. ЛП № 02330/455 от 30.12.2013. Ул. Ф. Скорины, 40, 220084, г. Минск, Республика Беларусь

PROCEEDINGS OF THE NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES OF BELARUS

HUMANITARIAN SERIES, 2026, vol. 71, no. 1

This journal was founded in 1956

Frequency 4 issues per annum

Founded by the National Academy of Sciences of Belarus

This journal is registered by the Ministry of Information of the Republic of Belarus,
Certificate of Registration no. 394 dd. 18 May 2009

*The journal is included in The List of Journals for Publication of the Results of Dissertation Research
in the Republic of Belarus and in the database of the Russian Scientific Citation Index (RSCI)*

E d i t o r - i n - C h i e f:

Aleksandr Aleksandrovich Kovalenya – Department of Humanities and Arts
of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

E d i t o r i a l B o a r d:

Aleksandr I. Lokotko – Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus (*Associate Editor-in-Chief*)

Marina S. Makritskaya – Belaruskaya Navuka Publishing House (*Lead Editor*)

Evgeny M. Babosov – Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

Pavel A. Vodopyanov – Belarusian State Technological University, Minsk, Belarus

Vasily L. Gurski – Presidium of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

Aleksandr E. Guchok – Higher Attestation Commission of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus

Vyacheslav V. Danilovich – Standing Commission on Education, Culture and Science of the House of Representatives of the National Assembly of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus

Taisiya I. Dovnar – Belarusian State University, Minsk, Belarus

Aleksandr I. Zhuk – Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank, Minsk, Belarus

Igor L. Kopylov – Branch “Institute of Linguistics named after Yakub Kolas” of the State Scientific Institution “Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus”, Minsk, Belarus

Andrei D. Korol' – Belarusian State University, Minsk, Belarus

Vadim L. Lakiza – Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

Nikolai L. Myslivets – Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

Mikhail V. Myasnikovich – International University MITSO, Minsk, Belarus

Petr G. Nikitenko – Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

Ivan V. Saverchenko – Branch “Institute of Literary Studies named after Yanka Kupala” of the State Scientific Institution “Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus”, Minsk, Belarus

- Alla S. Shamruk** – Branch “Institute of Art History, Ethnography and Folklore named after Kondrat Krapiva” of the State Scientific Institution “Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus”, Minsk, Belarus
- Veronika N. Yarmolinskaya** – Branch “Institute of Art History, Ethnography and Folklore named after Kondrat Krapiva” of the State Scientific Institution “Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus”, Minsk, Belarus

Editorial Council:

- Aleksandr N. Bulyko** – Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus
- Vladimir I. Vasilyev** – Center for the History and Theory of Culture and the Academic Sector of Science of the Federal State Budgetary Institution of Science «Science and Publishing Center “Nauka” of the Russian Academy of Sciences», Moscow, Russia
- Gerd Hentzschel** – Institute of Slavic Studies at the Karl von Ossietzky University, Oldenburg, Germany
- Sergey Yu. Glazyev** – Board for Integration and Macroeconomics of the Eurasian Economic Commission, Department of the Faculty of Public Administration of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Lomonosov Moscow State University”, Moscow, Russia
- Eva K. Golakhovska** – Institute of Slavic Studies of the Polish Academy of Sciences, Department of Linguistics, Warsaw, Poland
- Aleksey Ye. Daineko** – Belarusian Republican Foundation for Fundamental Research, Minsk, Belarus
- Vladimir A. Il'in** – Federal State Budgetary Institution of Science “Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences”, Moscow, Russia
- Sergey L. Kandybovich** – Russian Academy of Education, Ryazan State University named after S. A. Yesenin, Federal National-Cultural Autonomy of Belarusians of Russia, Council under the President of the Russian Federation for Interethnic Relations, Advisory Council on the Affairs of Belarusians Abroad under the Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Belarus, Moscow, Russia
- Sergey P. Karpov** – Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Lomonosov Moscow State University”, Moscow, Russia
- Evgeni Mironovich** – University of Białystok, Białystok, Poland
- Azimkhan A. Satybaev** – Institute of Economics of the Science Committee of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan, Almaty, Kazakhstan
- Andrei V. Smirnov** – Federal State Budgetary Institution of Science of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
- Zhan Yuyan** – Institute of World Economy and Politics of the Chinese Academy of Social Sciences, Beijing, China
- Yang Xiong** – Institute of Sociology of the Shanghai Academy of Social Sciences, Shanghai, China

Address of the Editorial Office:

1 Akademicheskaya Str., Room 119, 220072, Minsk, Republic of Belarus.
Tel.: + 375 17 272-19-19; e-mail: humanvesti@mail.ru
Website: vestihum.belnauka.by

PROCEEDINGS OF THE NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES OF BELARUS.

Humanitarian Series, 2026, vol. 71, no. 1.

Printed in Russian, Belarusian and English

Editor *M. S. Makritskaya*
Computer imposition *Yu. A. Aheichyk*

Signed to print on 13.01.2026. Published on 29.01.2026. Format 60×84¹/₈. Offset paper.
Digital printing. Printed sheets 10,23. Publisher's sheets 11,3. Circulation 68 copies. Order 5.
Number price: individual subscription – BYN 15.86, departmental subscription – BYN 35.17.

Publisher and printing execution:

Republican unitary enterprise “Publishing House “Belaruskaya Navuka”.

Certificate on the state registration of the publisher, manufacturer,

distributor of printing editions No. 1/18 dated August 2, 2013. License for the press no. 02330/455 dated December 30, 2013.

Address: F. Scorina Str., 40, 220084, Minsk, Republic of Belarus.

ЗМЕСТ

ФІЛАСOFІЯ І САЦЫЯЛОГІЯ

Зайцев Д. М. Изучение феномена паломничества в философии и частных науках	7
Ли Юнцзе. Театр как зеркало культуры: эстетические принципы и культурная специфика китайского национального театра	18
Соловей А. П. О роли наставничества в системе подготовки научных кадров высшей квалификации (на примере Республики Беларусь)	28

ГІСТОРЫЯ

Портнов Д. В. Поморская культура на территории Беларуси.....	39
--	----

МОВАЗНАЎСТВА

Басалыга П. С. Лексікаграфічны падыход да размеркавання біблейзмаў і рэлігійнай лексікі	46
---	----

МАСТАЦТВАЗНАЎСТВА, ЭТНАГРАФІЯ, ФАЛЬКЛОР

Мдивани Т. Г., Горбушина И. Л., Константинова Т. Л. Современное белорусское музыкоzнание: научные школы и направления исследований	53
--	----

ЛІТАРАТУРАЗНАЎСТВА

Лиденкова О. А. Образы и метафоры власти в современной исторической прозе Беларуси и Британии	65
---	----

ПРАВА

Шаро О. У. Теоретико-прикладные проблемы определения пределов конституционно-правового регулирования свободы творчества и преподавания в Республике Беларусь	74
--	----

РЭЦЭНЗІИ

Трафімава А. А. Жывым традыцыям адданасць	80
---	----

ВУЧОНЫЯ БЕЛАРУСІ

Евгений Михайлович Бабосов (К 95-летию со дня рождения).....	85
--	----

CONTENTS

PHILOSOPHY AND SOCIOLOGY

Zaitsev D. M. Pilgrimage ritual in ancient Greece: historical and culturological aspect.....	7
Li Yongjie. Theatre as a mirror of culture: aesthetic principles and cultural specificities of the Chinese national theatre	18
Solovei A. P. On the role of mentoring in the system of training highly qualified scientific staff (on the example of the Republic of Belarus).....	28

HISTORY

Portnov D. V. Pomeranian culture on the territory of Belarus	39
---	----

LINGUISTICS

Basalyga P. S. Lexicographic approach to distinguishing between biblical and religious vocabulary	46
--	----

ART HISTORY, ETHNOGRAPHY, FOLKLORE

Mdivani T. G., Gorbushina I. L., Konstantinova T. L. Contemporary Belarusian musicology: scientific schools and research directions.....	53
---	----

LITERARY SCIENCE

Lidenkova O. A. Images and metaphors of power in contemporary fiction of Belarusian and British authors	65
--	----

LAW

Sharo O. U. Theoretical and applied problems of determining the limits of constitutional regulation of freedom of creativity and teaching in the Republic of Belarus	74
---	----

REVIEVS

Trofimova A. O. Belonding to living traditions.....	80
--	----

SCIENTISTS OF BELARUS

Evgeny Mikhailovich Babosov (To the 95th anniversary Birt)	85
---	----

ФІЛАСОФІЯ І САЦЫЯЛОГІЯ
PHILOSOPHY AND SOCIOLOGY

УДК 2-175.6+1/3
<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2026-71-1-7-17>

Поступила в редакцию 06.11.2025
Received 06.11.2025

Д. М. Зайцев

Інститут філософії Національної академії наук Беларусі, Мінск, Беларусь

**ІЗУЧЕНІЕ ФЕНОМЕНА ПАЛОМНИЧЕСТВА
В ФІЛОСОФІЇ І ЧАСТНИХ НАУКАХ**

Аннотация. Исследуется процесс изучения феномена паломничества в философии и частных науках. Рассматриваются ключевые этапы трансформации философского дискурса: от онтологического и теологического понимания паломничества как метафоры человеческого существования до экзистенциально-феноменологических и герменевтических концепций, раскрывающих его как фундаментальный модус бытия-в-мире. Отмечается вклад феноменологии религии, экзистенциализма и философской антропологии в разработку концептуального аппарата для анализа паломнического опыта. Указывается, что философская рефлексия сыграла важную роль в переходе от сугубо религиозного понимания паломничества к его интерпретации как универсального антропологического феномена. Обосновывается, что теология и философия заложили фундаментальные смысловые основания для последующего междисциплинарного изучения феномена паломничества. Особое внимание уделяется современному научному синтезу, интегрирующему разнообразные измерения паломничества. Частные науки, такие как история, антропология, социология, география, экономика, демонстрируют, что паломничество – это многомерный феномен, который сложно свести к одной дисциплине. Это одновременно духовный путь (теология), исторический институт (история), ритуал (антропология), порождающий особые социальные связи (социология) в специфически организованном пространстве (география) и экономический драйвер (экономика). Утверждается, что именно синтез подходов философии, теологии, частных наук позволяет понять паломничество как уникальное явление человеческой культуры, находящееся на стыке веры, общества, экономики и территории.

Ключевые слова: паломничество, философия, теология, история, социология, антропология, география, экономика, исследования паломничества

Для цитирования: Зайцев, Д. М. Изучение феномена паломничества в философии и частных науках / Д. М. Зайцев // Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук. – 2026. – Т. 71, № 1. – С. 7–17. <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2026-71-1-7-17>

Dmitry M. Zaitsev

Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

STUDYING THE PHENOMENON OF PILGRIMAGE IN PHILOSOPHY AND SCIENCES

Abstract. This article explores the development and evolution of pilgrimage research in philosophy and the specific sciences. Key stages in the transformation of philosophical discourse are examined: from the ontological and theological understanding of pilgrimage as a metaphor for human existence to existential-phenomenological and hermeneutic concepts that reveal it as a fundamental mode of being-in-the-world. The contribution of the phenomenology of religion, existentialism, and philosophical anthropology to the development of a conceptual framework for analyzing the pilgrimage experience is noted. It is argued that philosophical reflection played a significant role in the transition from a purely religious understanding of pilgrimage to its interpretation as a universal anthropological phenomenon. It is argued that theology and philosophy laid the fundamental semantic foundations for the subsequent interdisciplinary study of the phenomenon of pilgrimage. Particular attention is given to contemporary scholarly synthesis integrating the diverse dimensions of pilgrimage. Specialized sciences such as history, anthropology, sociology, geography, and economics demonstrate that pilgrimage is a multidimensional phenomenon that is difficult to reduce to a single discipline. It is simultaneously a spiritual path (theology), a historical institution (history), a ritual (anthropology), generating unique social connections (sociology) in a specifically organized space (geography), and an economic driver (economics). It is argued that it is the synthesis of approaches from philosophy,

theology, and specialized science that allows us to understand pilgrimage as a unique phenomenon of human culture, located at the intersection of faith, society, economics, and territory.

Keywords: pilgrimage, philosophy, theology, history, sociology, anthropology, geography, economics, pilgrimage studies

For citation: Zaitsev D. M. Studying the phenomenon of pilgrimage in philosophy and sciences. *Vestsi Natsyyanal'noi akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2026, vol. 71, no. 1, pp. 7–17 (in Russian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2026-71-1-7-17>

Введение. На сегодняшний день исследование темы паломничества довольно актуально, поскольку благодаря её рассмотрению мы можем изучить ключевые процессы современности: от глобализации и цифровизации до поиска смысла и идентичности. Цель данного исследования – проследить основные векторы осмысливания феномена паломничества в философии и частных науках, выявить особенности и специфический вклад каждой из них в общее междисциплинарное поле исследований паломничества.

Паломничество представляет собой один из древнейших и наиболее сложных феноменов религиозной жизни, получивших разностороннее осмысливание в теологической и философской традициях. Теологический и философский дискурсы не только исторически предшествовали научному изучению паломничества, но и сформировали его базовые концептуальные модели и проблемное поле. Следует отметить, что систематическое научное осмысливание феномена паломничества в разных отраслях знания развивалось асинхронно. Генезис научного изучения паломничества представляет собой не единый линейный процесс, а совокупность параллельных и взаимо влияющих дисциплинарных историй, каждая из которых внесла уникальный вклад в формирование современного междисциплинарного поля исследований феномена паломничества, зачастую называемого в научном мире *pilgrimage studies*.

Основная часть. Наиболее древнее осмысливание паломничества берет начало в фундаментальных библейских нарративах, где центральное место занимает идея пути [1]. Описанная в Ветхом Завете практика восхождения (алии) в Иерусалим на праздники Пасхи, Пятидесятницы и Кущей (Втор. 16:16) закладывает основу сакральной географии. Одновременно формируется тема метафизического странничества. Патриархи живут как «пришельцы и странники» (Быт. 23:4), а исход евреев из Египта становится образом духовного пути всего народа Божьего.

Согласно мнению ряда мыслителей прошлого, жизнь в эпоху античности сама по себе была концептуализирована как путь (греч. ὁδός), а философ представлялся как вечный странник, ищащий истину. Например, неоплатоник Плотин разработал концепцию мистического возвращения души к Единому, что можно считать метафизическими прообразом паломничества [2].

В Новом Завете учение о христианине как о «страннике и пришельце» (1 Пет. 2:11) в этом мире, чье истинное гражданство – на Небесах (Фил. 3:20), становится экзистенциальной основой для понимания паломничества как внешнего выражения внутреннего духовного состояния.

В период патристики со стороны некоторых Отцов Церкви формируется обоснование необходимости духовных путешествий. Проповедуется защита онтологической значимости священного места. Святители Григорий Нисский, Кирилл Иерусалимский утверждали, что поскольку Бог во Христе воспринял и освятил человеческую природу, то и материальные места, связанные с Его жизнью, а также с подвигом святых, становятся проводниками благодати [3]. Это была радикальная антитеза платоническому спиритуализму и гностическим тенденциям, отрицавшим ценность материального мира. Согласно мысли христианского философа Августина Блаженного, паломничество стало центральной метафорой человеческого существования: человек – это странник, чье мирское бытие есть путь из земного «града» в Град Небесный [4]. Здесь паломничество обретает онтологический иteleологический статус, определяя природу и конечную цель человека.

Схоласт Фома Аквинский наряду с постом и молитвой включает паломничество в систему средств, способствующих исцелению души и принесению удовлетворения Богу. Его ценность измеряется трудностью и отказом от собственного мышления, приносимым паломником [5]. В рамках мистической философской традиции Бонавентура, автор «Пути души к Богу», интерпретирует паломничество как аллегорию внутреннего пути души через аскетические практики,

в первую очередь очищение, просвещение, мистическое соединение с Богом [6]. Акцент смещается с внешнего путешествия на внутреннее духовное делание.

Начиная с эпохи Возрождения отношение философов и богословов к паломничеству было неоднозначным и во многом трансформировалось под влиянием идей Реформации и Контрреформации. Паломничество отвергалось приверженцами протестантских течений как не основанное на прямом указании в Писании и как суеверная практика, умаляющая уникальную испупительную жертву Христа и веру как единственное средство спасения. Католические мыслители, напротив, полагали, что почитание святых мест и реликвий – прямое следствие воплощения и неотделимо от почитания самого Христа. Также и православные богословы в большей степени поддерживали духовные путешествия, считая их важным средством религиозной практики, укрепления веры и источником благочестия. Паломничество осмысливается как образ бытия Церкви, которая сама по себе есть «народ Божий в пути» к Царству Небесному. Такую точку зрения высказывает, в частности, богослов Оливье Клеман [7]. Путь паломника понимается как пространственная литургия, где такие элементы маршрута, как труд пути, поклонение святыням, общая молитва, составляют единый богослужебный акт.

Кардинальный перелом в философском изучении паломничества произошел в XX веке благодаря в первую очередь развитию феноменологии религии. Работы Рудольфа Отто «Священное» и Мирчи Элиаде «Священное и мирское» заложили концептуальные основания для анализа паломнического опыта. Рудольф Отто вводит категории *mysterium tremendum* (тайна, внушающая трепет) и *mysterium fascinans* (тайна, влекущая к себе), описывающие двойственную природу переживания священного в паломничестве [8]. Центральное понятие паломничества – святыня – стала пониматься как иерофания – место явления священного. Мирча Элиаде разработал концепцию сакрального пространства и сакрального времени. Для паломника путешествие представляет собой движение от профанного, хаотичного пространства к центру мира (*axis mundi*), где возможно восстановление изначальной гармонии и обновление времени через участие в вечном мифе [9]. Паломничество, таким образом, есть онтологическая необходимость – способ преодоления экзистенциальной потерянности в лишенном сакральности мире. Феноменология сместила акцент с внешней, ритуальной стороны паломничества на внутреннее содержание опыта встречи со Священным.

Экзистенциальная философия и герменевтика предложили свой взгляд на паломничество, но не как на метафору, а как на фундаментальный модус человеческого существования. Макс Шеллер, Хельмут Плеснер в русле философской антропологии интерпретировали паломничество как присущую человеку «эксцентричность», его сущностную неукорененность и постоянное стремление к трансценденции, к выходу за собственные пределы [10; 11]. Экзистенциалисты Сёрен Кьеркегор, Мартин Хайдеггер увидели в паломничестве практику радикального самоопределения. По их мнению, путь к святыне является аналогом «экзистенциального проекта». Это движение к собственной аутентичности [12; 13].

Представители герменевтики – Пол Рикёр, Ханс-Георг Гадамер – интерпретировали паломничество как практику понимания. Дорога становится пространством нарратива, истолкования знаков и символов, а сам паломник – интерпретатором своего опыта и традиции. Паломничество предстает как «герменевтический круг»: странник отправляется в путь с определенным предпопниманием, которое углубляется и трансформируется в процессе самого путешествия [14; 15].

Во второй половине XX – начале XXI века развитие философской мысли привнесло в изучение паломничества критический и деконструктивистский пафос. Представители критической теории и постколониальных исследований – Эдвард Сайд, Талал Асад – стали рассматривать паломничество как дискурсивную практику, тесно связанную с властью, идеологией и конструированием идентичности [16]. Анализу подверглось то, как традиционные маршруты и нарративы утверждают доминирование определенных культурных и религиозных моделей [17]. Жан Бодрийяр, представитель постмодернистской философии, предложил взгляд на современное паломничество как на симулякр – потребление заранее сконструированных образов и переживаний в условиях «утраты реального» [18].

Таким образом, генезис философского изучения паломничества представляет собой движение от метафизической метафоры к экзистенциально-феноменологической категории. Немаловажное значение для осознания данного феномена имел и критический анализ. Если изначально паломничество осмысливалось как аллегория жизненного пути к абсолютной цели, то философия XX века раскрыла его как уникальный способ бытия-в-мире, обладающий собственной онтологией, феноменологией и герменевтикой. Было сформировано смысловое ядро, без понимания которого научное изучение паломничества в социологии, антропологии и других дисциплинах рисковало бы свести его к совокупности социальных или экономических практик, утратив его глубинное содержание.

Философский подход осуществил ключевой сдвиг: он десакрализировал паломничество в узко конфессиональном смысле, но одновременно ресакрализировал его как универсальный антропологический опыт трансценденции, поиска смысла и конституирования собственной идентичности через движение и преодоление. Именно философия задалась вопросом не только о том, как устроено паломничество, но и о том, что оно означает для понимания природы человека и его места в мире. Она предоставила глубинный концептуальный фундамент, без которого междисциплинарное поле исследований паломничества осталось бы чисто описательным.

Паломничество, являясь одним из древнейших и наиболее устойчивых социально-религиозных феноменов, закономерно оказалось в поле зрения исторической науки. Однако его становление как объекта профессионального исторического исследования было длительным и нелинейным процессом. Генезис исторического изучения паломничества происходил от описательной истории событий и институтов к истории ментальностей, культурных практик и межкультурных взаимодействий. Первоначально научный интерес к паломничеству проявился в XIX в. в рамках церковной истории и медиевистики. Исследования таких ученых, как Л. фон Ранке, Ж. Мишле, а также специалистов по агиографии имели преимущественно фактографический и событийный характер. Рассматривались реконструкция маршрутов и хронология паломничеств известных лиц, изучение истории наиболее популярных паломнических центров в Иерусалиме, Риме, Сантьяго-де-Компостеле, сбор и публикация агиографических текстов и путеводителей. Что касается методологии исследований, то ключевым был историко-критический метод, направленный на установление достоверности источников, датировку событий и очищение от легенд. Паломничество анализировалось в большей степени как часть религиозной жизни эпохи, но не как самостоятельный социальный или культурный феномен. Ключевыми источниками стали Средневековые хроники, жития святых, документы папской канцелярии, отчеты о духовных путешествиях, к примеру, «Паломничество Эгерии».

В конце XX в. формируется история ментальностей. Фокус сместился на реконструкцию опыта, представлений и практик самих паломников. Историки Арон Гуревич, Жак Ле Гофф подобным образом исследовали картину мира средневекового человека. Паломничество стало изучаться как способ восприятия пространства и времени. Рассказы о духовных путешествиях начали анализироваться не только как источники информации, но и как литературные произведения, отражающие культурные коды и стереотипы эпохи [19; 20].

Рубеж XX–XXI вв. характеризуется интегративным подходом в исследованиях и рассмотрением истории паломничества в более широких контекстах. Духовные путешествия исследуются как каналы межкультурного обмена, передачи идей, художественных образцов и технологий в мире прошлого и настоящего, например, связи между Европой, Византией, Ближним Востоком в эпоху крестовых походов [21]. Активно начала изучаться гендерная история, специфика женского паломничества, его отражение в источниках, таких как маршруты св. царицы Елены, прп. Евфросинии Полоцкой, св. Бригитты Шведской. Историки серьезное внимание уделили выявлению общих моделей и специфик паломнических практик в разных религиозных традициях: христианстве, исламе, буддизме, индуизме. Таким образом они способствовали созданию глобальной истории паломничества.

Эволюция методологии позволила исторической науке раскрыть многогранность феномена паломничества как экономического института, формировавшего рынки и денежные отношения, как социальной практики, создававшей новые формы солидарности и временно нивелировавшей

сословные различия, как культурного механизма, обеспечивавшего трансфер знаний, идей и художественных форм, как ментальной конструкции, отражающей фундаментальные категории пространства, времени и сакрального в сознании человека прошлого.

Соответственно, историческая наука не просто накопила огромный массив эмпирических данных о паломничестве, но и обеспечила его глубокую контекстуализацию, без которой невозможно его полноценное понимание как неотъемлемого элемента исторического процесса. Она продемонстрировала, что, следя по дорогам паломников, можно прийти к пониманию самых разных аспектов жизни общества: от экономики и политики до глубинных пластов человеческого сознания.

Тема паломничества также привлекла внимание и антропологов, которые провели глубокий анализ данного феномена как ритуала, порождающего особые формы социальности и культурного опыта. Первоначально паломничество не выделялось антропологами в отдельный объект исследования, а рассматривалось в общем контексте изучения ритуалов, верований и культурных контактов. Антропологи Эдуард Тайлор и Джеймс Фрэзер применяли эволюционистский подход, упоминая паломничество в рамках сравнительного анализа ритуалов и мифов, часто интерпретируя его как пережиток архаических верований или форму «примитивной» религиозности [22; 23]. Бронислав Малиновский и Альфред Рэдклифф-Браун, сторонники функционализма, обратили внимание на социально-интегративную и психологическую функции ритуалов, что заложило основу для будущего анализа паломничества как механизма поддержания социальной солидарности и снижения тревоги [24; 25].

Фундаментальную теоретическую основу для всего последующего изучения паломничества в антропологии заложил французский этнограф Арнольд ван Геннеп в работе «Обряды перехода». Он предложил универсальную трехфазную модель структуры ритуалов, сопровождающих изменение статуса индивида или группы: сепарация, лиминальность, реинтеграция [26].

Наследие ван Геннепа было блестяще развито и применено в исследованиях паломничества британским антропологом Виктором Тэрнером и его женой Эдит Тэрнер. Их работы, в первую очередь «Image and Pilgrimage in Christian Culture», стали основополагающими текстами, поменявшими парадигму исследований. Они по праву считаются классикой антропологии паломничества. Основываясь на полевых исследованиях в таких центрах, как Лурд (Франция) и Чалма (Мексика), Тэрнеры расширили концепт лиминальности ван Геннепа и описали концепт коммунитас, представляющий собой спонтанное возникновение чувства общности и равенства среди паломников. Супруги Тэрнеры сместили фокус с сакрального центра цели паломничества на процесс путешествия и формируемые им особые социальные отношения [27].

Современная антропология акцентирует внимание на телесных практиках паломничества: ходьбе, усталости, боли, голоде, а также мультисенсорном опыте: звуках, запахах, тактильных ощущениях. Паломничество изучается как *embodied practice* (воплощенная практика), где тело является не только транспортным средством, но главным инструментом познания и трансформации. Детально исследуется роль материальных объектов в духовном путешествии: обуви, посохов, реликвий, сувениров. Эти объекты рассматриваются как активные участники процесса, формирующие опыт, память и социальные связи. Паломничество анализируется также как практика конструирования идентичности (личной, коллективной, национальной) и как инструмент политической легитимации или культурного сопротивления.

Соответственно, генезис антропологического изучения паломничества представляет собой движение от фрагментарных описаний в рамках более общих теорий к формированию самостоятельной и влиятельной исследовательской парадигмы, основанной на концепциях лиминальности и коммунитас, и далее – к её критическому переосмыслению и методологическому обогащению.

Вклад антропологии является определяющим для междисциплинарного поля паломнических исследований, так как именно антропология сместила акцент с теологической цели паломничества на социальный и культурный процесс пути, предложила универсальный концептуальный аппарат, применимый для сравнительного анализа паломнических традиций в разных культурах и религиях, гуманизировала предмет исследования, сделав фокусом исследования не институты, а живой опыт самих паломников, их телесные практики, эмоции и способы осмысления

своего путешествия, деконструировала однородный образ паломничества, показав его внутреннюю сложность, противоречивость и встроенность в системы власти и идеологии.

Антрапологический подход позволил раскрыть паломничество как комплексный культурный и социальный феномен, являющийся ключом к пониманию механизмов функционирования обществ и культур. Современная антропология паломничества продолжает развиваться, интегрируя новые методологические подходы, например, цифровую антропологию для изучения онлайн-паломничеств.

Генезис изучения паломничества в социологии отражает общую эволюцию дисциплины: от макротеорий, объясняющих интеграцию общества, к микроуровневым исследованиям практик и значений, а также к пониманию социальной жизни как арены постоянной борьбы и переговоров. Социология внесла уникальный вклад, показав, что паломничество является не просто религиозным актом, но социальным полем, где концентрированно проявляются ключевые социальные процессы.

Первые социологические интерпретации паломничества сформировались под влиянием работ Эмиля Дюркгейма, Толкотта Парсонса в рамках структурного функционализма. В этой парадигме паломничество анализировалось как важный социальный институт, выполняющий ряд функций для поддержания социального порядка и солидарности. Паломничество интерпретировалось как механизм укрепления коллективного сознания и религиозной идентичности, сплачивающий разрозненных индивидов вокруг общих символов и ценностей [28]. Также через ритуал паломничества общество регулировало отклоняющееся поведение, снижало социальную напряженность и предоставляло легитимные формы временного выхода из привычных социальных ролей. Паломничество рассматривалось и как социальная практика, подтверждающая или повышающая статус индивида в религиозной общине [29].

Мощный импульс развитию социологии паломничества дали работы уже упомянутых выше антропологов Виктора и Эдит Тэрнер. Их концепции лиминальности и коммунитас были немедленно восприняты социологами как инструмент для анализа социальной структуры. Социологи увидели в паломничестве не просто ритуал, а социальный процесс [27].

В конце XX века благодаря работам Джона Ида, Майкла Салну сформировалась критическая социологическая традиция, которая оспорила идеализированную модель коммунитас. Исследования этих авторов показали, что паломничество не отменяет, а часто воспроизводит и даже усиливает социальные, гендерные, классовые и этнические неравенства [30]. Также паломничество стало анализироваться как инструмент конструирования идентичности, к примеру, национальной, конфессиональной, легитимации политической власти и коммодификации, т. е. превращения религиозного опыта в товар.

Современная социология благодаря идеям Пьера Бурдье, Энтони Гидденса исследует паломничество не как единый акт, а как совокупность взаимосвязанных социальных практик, анализируя, как эти практики воспроизводят или трансформируют социальный порядок [31]. В теории структуризации паломничество рассматривается как сфера, где странники не являются пассивными продуктами структуры, но активно используют её ресурсы и правила, одновременно воспроизводя и изменяя саму эту структуру, например, создавая новые неформальные маршруты или правила поведения [32].

Социологи отмечают, что паломничество представляет собой динамическое социальное поле. В нём не только отражаются ключевые противоречия общества, но и непрерывно ведутся переговоры о смыслах и идентичностях, а также активно формируются новые социальные связи и коллективные представления.

Итак, социологический подход дополнил антропологические и исторические исследования, показав, что паломничество является не «вневременным» религиозным феноменом, а глубоко социальной практикой, укорененной в конкретных социально-экономических и политических контекстах. Это позволило раскрыть паломничество как комплексный социальный феномен, в котором воспроизводятся и трансформируются базовые социальные отношения, структуры власти и коллективные представления.

Паломничество как форма пространственной мобильности, направленной к духовным центрам, представляет собой классический объект географического исследования. Генезис географического изучения паломничества отражает общую эволюцию дисциплины от позитивистской парадигмы к гуманистической и социально-конструкционистской.

Изначально вклад географии в изучение паломничества заключался в его пространственной фиксации и систематизации. Основное внимание уделялось точному нанесению на карту маршрутов, важнейших святынь, монастырей, приютов и инфраструктуры паломничества. Это позволяло реконструировать исторические пути, например, святого Лаврентия в Европе или маршруты в Мекку, анализировать их связь с физико-географическими особенностями местности: рельефом, водными источниками, температурным режимом. В рамках географии религии паломничество изучалось как один из видов религиозного поведения, определяющий размещение и иерархию сакральных объектов на Земле.

Революцию в географическом изучении паломничества совершила культурная география, в частности, работы таких теоретиков, как И-Фу Тuan и Дэвид Софер. Они предложили принципиально иной взгляд на пространство, не как на объективную данность, а как на социальную и культурно сконструированный феномен [33; 34]. И-Фу Тuan разработал концепцию «места» и «пространства». Он ввел ключевое различие между абстрактным, однородным пространством и наполненным смыслами, персональным и эмоционально значимым местом [33]. Паломничество было переосмыслено как процесс трансформации пространства в место через его насыщение религиозными значениями, воспоминаниями и коллективными практиками. Географы, основываясь на идеях Мирчи Элиаде, начали исследовать, как определенные точки в физическом ландшафте наделяются статусом сакральных центров, становясь целью паломнического путешествия.

С конца XX века под влиянием социальной теории Пьера Бурдье, Анри Лефевра географические исследования паломничества сместились в сторону анализа пространственных практик и властных отношений. Паломническое пространство стало пониматься не как заранее данное, а как постоянно воспроизводимое и изменяемое через телесные практики паломников: ходьбу, молитву, поклонение, потребление. Саймон Коулман исследует феномен паломничества, объединяя географию, физиологию и нарративную теорию [35]. Географический подход во многом позволил понять, как пространственные практики конструируют религиозный опыт. Географы вслед за социологами начали изучать паломничество как арену конфликта интересов различных групп: религиозных институтов, государственных органов, местных сообществ, туристических компаний. В этой связи можно вспомнить напряженные ситуации вокруг храма Айя-София в Стамбуле или Храмовой горы в Иерусалиме.

Современная география паломничества развивается в русле нескольких новых направлений: география мобильности, сетевой анализ, виртуальное и воображаемое паломничество, нематериальное наследие. Паломничество исследуется в связке с туризмом, миграцией и номадизмом. Изучается не только физическое перемещение, но и сопутствующие ему потоки: капиталов, информации, образов. Анализируется география online-паломничества.

Соответственно, генезис географического изучения паломничества демонстрирует эволюцию от позитивистской фиксации пространственных форм к гуманистическому и социальному-конструкционистскому анализу процессов производства пространства и его смыслов. География внесла уникальный вклад в междисциплинарное поле паломнических исследований, предложив аппарат для анализа того, как пространство становится сакральным и как это сакральное пространство, в свою очередь, структурирует поведение, опыт и социальные взаимодействия людей. Географический подход позволил раскрыть паломничество как многомерный пространственный феномен, в котором взаимодействуют физическая среда, символические значения и социальные практики.

Паломничество относительно поздно стало предметом систематического экономического анализа. Но экономический подход позволил выявить и смоделировать сложные хозяйствственные механизмы, лежащие в основе, казалось бы, сугубо духовной практики, и показать её значимость для экономик разного уровня. Ученые Анри Пиренн, Фернан Бродель отмечали роль крупных

паломнических центров (Иерусалим, Сантьяго-де-Компостела, Рим, Мекка) в качестве узлов международной торговли, стимулировавших развитие транспортных путей, рынков и ярмарок. Паломнические пути выступали каркасом для экономической коммуникации. Потоки странников были мощным стимулом для развития инфраструктуры: гостиничного хозяйства, общественного питания, медицинских и финансовых услуг.

С середины XX века, с увеличением массового туризма и развитием экономики услуг, паломничество стало объектом прикладных экономических исследований. Сформировалось представление о паломничестве как о сложном экономическом кластере. Исследования показали, что для многих депрессивных, или периферийных, регионов (например, Уттар-Прадеш, где расположен священный центр Индии, север Испании, по которому пролегает путь Святого Иакова) паломничество стало ключевым фактором экономической ревитализации, диверсификации и развития малого бизнеса.

Благодаря исследованиям Лоренса Ианнакконе в области экономики религии паломничество стало рассматриваться как элемент религиозного рынка. Паломник выступает как потребитель религиозных услуг и опыта, а религиозные организации – как поставщики, конкурирующие за «души» и ресурсы верующих. Цена паломничества (а именно затраты времени, денег, усилий) анализируется как форма сигнализирования и устройства приверженности, повышающая ценность религиозного «товара» [36]. Паломничество также рассматривается как сфера столкновения экономических интересов различных групп: религиозных институтов, государства, местных бизнес-сообществ, самих паломников. Поведенческая экономика позволяет подвергнуть разбору иррациональные аспекты экономического поведения паломников.

Экономика впечатлений изучает паломничество как форму продажи впечатлений и трансформационного опыта. Здесь исследуется, как выстраивается цепочка создания ценности вокруг этого опыта, начиная от подготовки к путешествию и заканчивая потреблением сувениров как «материалных воспоминаний». Концепция «доверительных товаров» предполагает, что такие услуги, предлагаемые в паломничестве, как исцеление, отпущение грехов, духовная польза, относятся к категории «товаров», качество которых потребитель не может проверить даже после потребления. Экономистами активно исследуется проблема устойчивого развития паломнических центров, баланса между коммерческой эксплуатацией и сохранением аутентичности, духовной атмосферы и физической ёмкости экосистем.

Генезис экономического изучения паломничества демонстрирует переход от интуитивных наблюдений за его торгово-финансовыми аспектами к построению комплексных экономических моделей, объясняющих его природу и влияние. Вклад экономической науки в *pilgrimage studies* заключается в том, что она раскрыла паломничество как мощный катализатор регионального развития; специфический сектор, где материальное и духовное неразделимы; область экономического поведения, сочетающую рациональность с иррациональными мотивами; объект управления, где необходимо уравновешивать прибыльность, наследие и экологию.

Соответственно, экономический подход дополнил гуманитарные исследования, показав, что паломничество является не только духовным и культурным, но и полноценным экономическим феноменом, отражающим фундаментальные законы производства, распределения и потребления ограниченных ресурсов в условиях, когда главным товаром выступают вера, надежда и трансформационный опыт.

Заключение. Таким образом, паломничество – это многомерный феномен, который сложно свести к одной дисциплине. Изучение паломничества является ярким примером междисциплинарности, где теология, философия, частные науки исследуют свой специфический аспект этого комплексного феномена. Вместе они создают его целостную картину.

Генезис научного изучения паломничества представляет собой классический пример формирования междисциплинарной области знания через интеграцию методов и концептов из разных наук. Каждая дисциплина вносит свой уникальный вклад. Так, теология обеспечила глубину смысловой перспективы, выражение внутреннего духовного состояния человека, философия изучила паломничество как движение от метафизической метафоры к экзистенциально-феноменологической категории, история подвергла анализу важные для паломников события прошлого,

антропология предложила ключевую ритуально-символическую парадигму, социология добавила анализ социальных функций и отношений между властями, география раскрыла пространственное измерение опыта духовных путешествий, экономика проанализировала паломнические практики как индустрию. Интересные идеи в изучение феномена паломничества также привносят соответствующие исследования в области лингвистики, психологии.

Современные исследования феномена паломничества (*pilgrimage studies*) являются синтезирующим полем, где комплексный объект – паломничество – пытаются изучать целостно, во всем многообразии своих проявлений, как многоаспектный социокультурный феномен, используя специфические подходы, методологические принципы и ключевые концепции. Дальнейшее развитие этой области знания видится в усилении интегративных тенденций, применении компаративных исследований, охватывающих паломнические традиции всего мира [37].

Список использованных источников

1. Библия онлайн. – URL: <https://bible.by/> (дата обращения: 01.10.2025).
2. Плотин. Сочинения : Плотин в рус. пер. / Плотин. – СПб.: Алетейя; М.: Греко-лат. каб. Ю. А. Шигалина, 1995. – 672 с.
3. Святитель Кирилл, архиеп. Иерусалимский. Поучения огласительные и тайноводственные / архиеп. Иерусалимский, свт. Кирилл. – М.: Благовест, 2010. – 349 с.
4. Августин Аврелий, блаженный. О граде Божием: пер. с лат. / Аврелий Августин, блаженный. – М.: АСТ, 2023. – 1247 с.
5. Аквинский, Фома. Сумма теологии: в 5 т. / Фома Аквинский; пер. с лат. А. В. Апполонова. – Изд. 2-е, испр. – М.: URSS, 2013–2015. – Т. 2: Первая часть. Вопросы 65–119. – 2014. – 656 с.
6. Бонавентура. Путеводитель души к Богу / Бонавентура. – М.: Греко-лат. каб. Ю. А. Шигалина, 1993. – 189 с.
7. Клеман, О. Истоки: Богословие отцов Древней Церкви: тексты и comment.: пер. с фр. / О. Клеман. – М.: Путь, 1994. – 383 с.
8. Отто, Р. Священное: об иррациональном в идее божественного и его соотношении с рациональным / Р. Отто. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2008. – 270 с.
9. Элиаде, М. Священное и мирское / М. Элиаде; пер. с фр. Н. К. Гарбовского. – М.: Изд-во МГУ, 1994. – 144 с.
10. Шелер, М. О сущности философии: работы разных лет / М. Шелер. – М.; СПб.: Центр гуманитар. инициатив, 2020. – 355 с.
11. Плеснер, Х. Ступени органического и человек: Введение в философскую антропологию / Х. Плеснер; пер. с нем. – М.: РОССПЭН, 2024. – 368 с.
12. Кьеркегор, С. Страх и трепет / С. Кьеркегор; [пер. с дат.: Н. В. Исаева, С. А. Исаев]. – М.: Культур. революция, 2010. – 488 с.
13. Хайдеггер, М. Бытие и время / М. Хайдеггер; [пер. с нем. В. В. Бибихина]. – Харьков: Фолио, 2003. – 509 с.
14. Рикёр, П. Герменевтика и психоанализ. Религия и вера / П. Рикёр; [пер. с фр. И. С. Вдовина]. – М.: Искусство, 1996. – 270 с.
15. Гадамер, Х.-Г. Миф и разум / Х.-Г. Гадамер // Актуальность прекрасного: [пер. с нем.]. / Х.-Г. Гадамер. – М., 1991. – С. 92–99.
16. Сайд, Э. Ориентализм / Э. Сайд. – М.: Музей соврем. искусства «Гараж», 2021. – 558 с.
17. Асад, Т. Возникновение секулярного: христианство, ислам, модерность / Т. Асад; пер. с англ. Р. Сафонова. – М.: Новое лит. обозрение, 2020. – 373 с.
18. Бодрийяр, Ж. Симулякры и симуляции = Simulacres et simulation / Ж. Бодрийяр; [пер. с фр. А. Качалова]. – М.: Постум, 2015. – 239 с.
19. Гуревич, А. Я. Категории средневековой культуры / А. Я. Гуревич. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Искусство, 1984. – 350 с.
20. Ле Гофф, Ж. Цивилизация средневекового Запада: пер. с фр. / Жак Ле Гофф; общ. ред. Ю. Л. Бессмертного. – М.: Прогресс-Академия, 1992. – 374 с.
21. Sumption, J. Pilgrimage: an image of mediaeval religion / J. Sumption. – London: Faber & Faber, 1975. – 391 p.
22. Тайлор, Э. Первобытная культура / Э. Тайлор. – М.: Юрайт, 2025. – 742 с.
23. Фрэзер, Д. Золотая ветвь: исследование магии и религии / Д. Фрэзер; пер. М. Рыклин. – М.: Азбука, 2025. – 976 с.
24. Малиновский, Б. Магия, наука и религия / Б. Малиновский; [пер. с англ. А. П. Хомика; отв. ред. С. Л. Удовик]. – М.: Акад. проект, 2015. – 298 с.
25. Рэдклифф-Браун, А. Р. Структура и функция в примитивном обществе: очерки и лекции / А. Р. Рэдклифф-Браун; пер. с англ. – М.: Вост. лит., 2001. – 304 с.
26. Ван Геннеп, А. Обряды перехода: систематическое изучение обрядов / А. Ван Геннеп. – М.: Вост. лит., 1999. – 198 с.
27. Turner, V. Image and pilgrimage in Christian culture / V. Turner, E. Turner. – New York: Columbia Univ. Press, 2011. – 344 p.

28. Дюргейм, Э. Элементарные формы религиозной жизни / Э. Дюргейм // Социология: ее предмет, метод, предназначение: [сборник: пер. с фр.] / Э. Дюргейм. – М., 1995. – С. 174–462.
29. Парсонс, Т. Социальная система: [пер. с англ.] / Т. Парсонс. – М.: Акад. проект, 2018. – 529 с.
30. Eade, J. Contesting the sacred: the anthropology of Christian pilgrimage / J. Eade, M. J. Sallnow. – London: Routledge, 1991. – 158 p.
31. Бурдье, П. Практический смысл: [пер. с фр.] / П. Бурдье; общ. ред., пер. и послесл. Н. А. Шматко. – СПб.: Алетейя; М.: Ин-т эксперим. социологии, 2001. – 562 с.
32. Гидденс, Э. Устроение общества: Очерк теории структурации / Э. Гидденс; [пер. И. Тюрина]. – М.: Акад. проект, 2003. – 525 с.
33. Туан, И.-Ф. Пространство и место: перспектива переживания / И.-Ф. Туан. – М.: Прогресс-Традиция, 2020. – 336 с.
34. Sopher, D. E. Geography and pilgrimage: a review / D. E. Sopher // Geography Research Forum. – 1992. – Vol. 12. – P. 106–119.
35. Coleman, S. Powers of pilgrimage: religion in a world of movement / S. Coleman. – New York: New York Univ. Press, 2022. – 335 p. <https://doi.org/10.18574/nyu/9780814717288.001.0001>
36. Iannaccone, L. R. Introduction to the economics of religion / L. R. Iannaccone // Journal of Economic Literature. – 1998. – Vol. 36, № 3. – P. 1465–1495.
37. Зайцев, Д. М. Паломничество в современном мире: тенденции развития / Д. М. Зайцев // Феноменология мифа и религии и тенденции развития современного религиоведения: сб. науч. тр. / НАН Беларусь, Ин-т философии; под ред. Н. А. Никонович. – Минск, 2025. – С. 197–204.

References

1. *The Bible Online*. Available at: <https://bible.by/> (accessed 01.10.2025) (in Russian).
2. Plotin. *Works*. St. Petersburg, Aleteiya Publ.; Moscow, Greco-Latin cabinet, 1995. 672 p. (in Russian).
3. Sviatitel' Kirill, arkhiereiskop Ierusalimskii. *Catechetical and Mystery-Instructive Homilies*. Moscow, Blagovest Publ., 2010. 349 p. (in Russian).
4. Augustinus Aurelius. *On the City of God*. Moscow, AST Publ., 2023. 1247 p. (in Russian).
5. Thomae Aquinatis. *Summa theologiae: in 5 volumes Vol. 2. Part one. Questions 65–119*. Moscow, URSS Publ., 2014. 656 p. (in Russian).
6. Bonaventura. *The Soul's Guide to God*. Moscow, Greco-Latin cabinet, 1993. 189 p. (in Russian).
7. Kleman O. *Origins. Theology of the Fathers of the Ancient Church*. Moscow, Put' Publ., 1994. 383 p. (in Russian).
8. Otto R. *Das Heilige – Über das Irrationale in der Idee des Göttlichen und sein Verhältnis zum Rationalen*. München, Verlag Beck C. H., 1987. 230 p. (in German).
9. Eliade M. *The sacred and the profane*. Moscow, Moscow State University, 1994. 144 p. (in Russian).
10. Sheler M. *On the essence of philosophy: works of different years*. Moscow, St. Petersburg, Center for Humanitarian Initiatives, 2020. 352 p. (in Russian).
11. Plesner Kh. *Stages of the organic and man: Introduction to philosophical anthropology*. Moscow, ROSSPEN Publ., 2024. 368 p. (in Russian).
12. Kierkegaard S. *Fear and trembling*. Moscow, Kul'turnaya revolyutsiya Publ., 2010. 488 p. (in Russian).
13. Heidegger M. *Being and time*. Kharkov, Folio Publ., 2003. 509 p. (in Russian).
14. Riker P. *Hermeneutics and psychoanalysis. Religion and faith*. Moscow, Iskusstvo Publ., 1996. 270 p. (in Russian).
15. Gadamer Kh.-G. *Myth and reason. Aktual'nost' prekrasnogo* [The relevance of the beautiful]. Moscow, 1991, pp. 92–99 (in Russian).
16. Said E. *Orientalism*. Moscow, Museum of Contemporary Art «Garage», 2021. 558 p. (in Russian).
17. Asad T. *The emergence of the secular: christianity, islam, modernity*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2020. 373 p. (in Russian).
18. Baudrillard J. *Simulacres et simulation*. Moscow, Postum Publ., 2015. 239 p. (in Russian).
19. Gurevich A. Ya. *Categories of medieval culture*. 2nd ed. Moscow, Iskusstvo Publ., 1984. 350 p. (in Russian).
20. Le Goff J. *Civilization of the medieval west*. Moscow, Progress-Akademija Publ., 1992. 374 p. (in Russian).
21. Sumption J. *Pilgrimage: an image of mediaeval religion*. London, Faber & Faber, 1975. 391 p.
22. Tylor E. *Primitive culture*. Moscow, Yurait Publ., 2025. 742 p. (in Russian).
23. Frazer J. *The golden bough: a study of magic and religion*. Moscow, Azbuka Publ., 2025. 976 p. (in Russian).
24. Malinowski B. K. *Magic, science and religion and other essays*. Glencoe, Free Press, 1948. 327 p.
25. Radcliffe-Brown A. R. *Structure and function in primitive society: essays and lectures*. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2001. 304 p. (in Russian).
26. Van Gennep A. *Rites of passage: a systematic study of rites*. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 1999. 198 p. (in Russian).
27. Turner V., Turner E. *Image and pilgrimage in Christian culture*. New York, Columbia University Press, 2011. 344 p.
28. Durkheim E. *Elementary forms of religious life. Sociology: its subject, method, purpose*. Moscow, 1995, pp. 174–462 (in Russian).
29. Parsons T. *Social system*. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2018. 529 p. (in Russian).

30. Eade J., Sallnow M. J. *Contesting the sacred: the anthropology of Christian pilgrimage*. London, Routledge, 1991. 158 p.
31. Bourdieu P. *Le sens pratique* [The logic of practice]. Paris, Les Éditions de Minuit, 1980. 480 p. (in French).
32. Giddens E. *The structure of society: an essay on the theory of structuration*. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2003. 525 p. (in Russian).
33. Tuan I.-F. *Space and place: the perspective of experience*. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 2020. 336 p. (in Russian).
34. Sopher D. Geography and pilgrimage: a review. *Geography Research Forum*, 1992, vol. 12, pp. 106–119.
35. Coleman S. *Powers of pilgrimage: religion in a world of movement*. New York, New York University Press, 2022. 335 p. <https://doi.org/10.18574/nyu/9780814717288.001.0001>
36. Iannaccone L. R. Introduction to the economics of religion. *Journal of Economic Literature*, 1998, vol. 36, no. 3, pp. 1465–1495.
37. Zaitsev D. M. Pilgrimage in the modern world: development trends. *Fenomenologiya mifa i religii i tendentsii razvitiya sovremennoego religiovedeniya: sbornik nauchnykh trudov* [Phenomenology of myth and religion and trends in the development of modern religious studies: collection of scientific papers]. Minsk, 2025, pp. 197–204 (in Russian).

Информация об авторе

Зайцев Дмитрий Михайлович – кандидат философских наук, доцент. Институт философии, Национальная академия наук Беларусь (ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: mdizaj@tut.by. <https://orcid.org/0000-0002-7705-7561>

Information about the author

Dmitry M. Zaitsev – Ph. D. (Philos.), Associate Professor. Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganov Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). E-mail: mdizaj@tut.by. <https://orcid.org/0000-0002-7705-7561>

ISSN 2524-2369 (Print)

ISSN 2524-2377 (Online)

УДК 792.01

<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2026-71-1-18-27>

Поступила в редакцию 04.04.2025

Received 04.04.2025

Ли Юнцзе

Институт философии Национальной академии наук Беларусь, Минск, Беларусь

ТЕАТР КАК ЗЕРКАЛО КУЛЬТУРЫ: ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ И КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА КИТАЙСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ТЕАТРА

Аннотация. Статья посвящена исследованию китайского национального театра как уникального явления мировой культуры, отражающего эстетические принципы и культурную специфику Китая. Рассматриваются исторические источники, этапы развития и основные жанры китайского театра, такие как пекинская опера (цзинцзюй) и куньцзюй. Особое внимание уделено эстетическим принципам, включая символизм, ритмическую организацию, синтез искусств и ориентацию на традицию, а также их связи с философскими и религиозными учениями Китая. Анализируются влияние китайского театра на мировую театральную культуру и его роль в современном культурном пространстве. Подчеркивается значимость китайского театра как инструмента сохранения культурного наследия и межкультурного диалога.

Ключевые слова: китайский театр, пекинская опера, куньцзюй, эстетические принципы, культурная специфика, символизм, традиции, межкультурный диалог

Для цитирования: Ли Юнцзе. Театр как зеркало культуры: эстетические принципы и культурная специфика китайского национального театра / Ли Юнцзе // Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук. – 2026. – Т. 71, № 1. – С. 18–27. <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2026-71-1-18-27>

Li Yongjie

Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

THEATRE AS A MIRROR OF CULTURE: AESTHETIC PRINCIPLES AND CULTURAL SPECIFICITIES OF THE CHINESE NATIONAL THEATRE

Abstract. The article explores Chinese national theater as a unique phenomenon of world culture, reflecting the aesthetic principles and cultural specificity of China. It examines the historical origins, stages of development, and main genres of Chinese theater, such as Peking Opera (Jingju) and Kunqu. Special attention is paid to aesthetic principles, including symbolism, rhythmic organization, synthesis of arts, and orientation towards tradition, as well as their connection with Chinese philosophical and religious teachings. The influence of Chinese theater on world theatrical culture and its role in the modern cultural space are analyzed. The article emphasizes the importance of Chinese theater as a tool for preserving cultural heritage and fostering intercultural dialogue.

Keywords: Chinese theatre, Peking opera, kunqu, aesthetic principles, cultural specificity, symbolism, traditions, intercultural dialogue

For citation: Li Yongjie. Theatre as a mirror of culture: aesthetic principles and cultural specificities of the Chinese national theatre. *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2026, vol. 71, no. 1, pp. 18–27 (in Russian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2026-71-1-18-27>

Введение. Театр как форма искусства является одним из наиболее ярких и многогранных проявлений культуры, отражая эстетические, исторические и социальные особенности общества. В контексте китайского национального театра, который имеет тысячелетнюю историю, это утверждение приобретает особую значимость. Китайский театр, включая такие традиционные формы, как пекинская опера (цзинцзюй) (рис. 1), кукольный театр и региональные театральные жанры, представляет собой уникальный синтез искусства, философии и культурных традиций. Изучение эстетических принципов и культурной специфики китайского театра позволяет не только глубже понять его роль в формировании национальной идентичности, но и выявить его влияние на мировую театральную культуру.

Рис. 1. Пекинская опера

Fig. 1. Beijing Opera

Актуальность исследования обусловлена растущим интересом к культурному наследию Китая в условиях глобализации и межкультурного диалога. Китайский театр как важный элемент национальной культуры остается недостаточно изученным в контексте его эстетических и культурных особенностей. Понимание специфики китайского театра позволяет не только сохранить его уникальность, но и способствует его интеграции в мировое культурное пространство. Кроме того, исследование театра как «зеркала культуры» помогает раскрыть глубинные связи между искусством, историей и философией Китая, что имеет важное значение для культурологии, искусствоведения и междисциплинарных исследований.

Цель исследования – анализ эстетических принципов и культурной специфики китайского национального театра, а также выявление его роли как отражения культурных и исторических особенностей китайского общества. Основными задачами являются следующие: изучить исторические истоки и этапы развития китайского национального театра; проанализировать основные эстетические принципы, лежащие в основе театрального китайского искусства; выявить культурную специфику китайского театра, включая его связь с философией, религией и традициями; рассмотреть влияние китайского театра на мировую театральную культуру и его роль в современном культурном пространстве. Для достижения поставленных целей и задач в исследовании используются следующие методы: исторический анализ, сравнительный анализ, семиотический анализ, культурологический анализ, искусствоведческий анализ.

Основная часть. Китайский национальный театр представляет собой уникальное и многогранное явление мировой культуры, чья история насчитывает тысячелетия. Его истоки уходят корнями в древние ритуальные практики, народные обряды и сказания, постепенно трансформируясь и обогащаясь на протяжении различных исторических эпох. Изучение этого богатого пути позволяет не только понять эволюцию театрального искусства в Китае, но и проникнуть в глубины китайской культуры, мировоззрения и эстетики.

Самые ранние зачатки китайского театрального искусства можно обнаружить в шаманских ритуалах и обрядах Древнего Китая, зародившихся еще в неолите. Эти ритуалы, проводимые для общения с духами, обеспечения урожая и благополучия племени, включали в себя элементы пения, танцев, музыки и масок. Шаманы, выступавшие посредниками между миром людей и миром духов, использовали телодвижения, голосовые модуляции и символические предметы для

создания драматического действия. С течением времени эти ритуальные представления теряют свою первоначальную сакральную функцию и начинают обретать более развлекательный и эстетический характер, закладывая фундамент для будущих театральных форм.

В эпоху династии Чжоу (XI–III вв. до н. э.) происходило дальнейшее развитие предтеатральных форм. Придворные музыканты и танцоры, известные как «Юйжэнь» (优人), исполняли музыкальные и танцевальные номера при императорском дворе [1, с. 64]. Эти представления, хотя еще и не являлись театром в полном смысле слова, включали в себя элементы повествования, костюмов и грима. Особую роль играли песни и баллады, в которых рассказывалось о мифах, легендах и исторических событиях. Фольклорные традиции, праздничные гуляния и религиозные фестивали также способствовали сохранению и развитию элементов драматического искусства в народной среде.

Первые формы комического представления, которые можно считать непосредственными предшественниками китайского театра, появляются в период династии Хань (III в. до н. э. – III в. н. э.). Это так называемое «цанцзюнь си» (参军戏), или «представление адъютанта Цао». Данный жанр представлял собой комическую сценку, в которой два актера высмеивали чиновников и общественные нравы. «Цанцзюнь си» характеризовался импровизационным диалогом, комическими ситуациями и элементами пародии. Хотя до нас не дошли тексты этих представлений, однако исторические источники свидетельствуют о его популярности и важной роли в развитии китайской драматической традиции [2, с. 38].

Настоящий расцвет китайского театра приходится на эпохи Сун (X–XIII вв.) и Юань (XIII–XIV вв.). В эти периоды формируются основные жанры китайской драмы – «цзацзюй» (杂剧) и «наньси» (南戏). «Цзацзюй», или «северная драма», достигает своего пика в эпоху Юань. Это был зрелый драматический жанр с четкой структурой, включавший в себя четыре акта (реже больше), музыку, пение, танцы и диалоги. Сюжеты «цзацзюй» были разнообразны – исторические хроники, легенды, бытовые истории, детективные рассказы [3, с. 2]. Выдающимися драматургами эпохи Юань являлись Гуань Ханьцин (关汉卿), автор знаменитой пьесы «Обида Доу Э» (窦娥冤), Ван Шифу (王实甫), создавший романтическую драму «Западный флигель» (西厢记), и Ма Чжиоань (马致远), известный своими трагическими пьесами. «Цзацзюй» отличался ярким языком, динамичным действием и сильным социальным звучанием [4, с. 7].

Параллельно с «цзацзюй» на юге Китая развивался жанр «наньси», или «южная драма». «Наньси» отличался более свободной структурой, меньшим количеством действующих лиц и большим вниманием к лирическим и романтическим сюжетам. В «наньси» активно использовались народные мелодии и диалекты, что делало его более близким к широкой публике. Хотя «наньси» не достиг такой литературной высоты, как «цзацзюй», тем не менее он оказал значительное влияние на дальнейшее развитие китайского театра, в том числе на формирование куньцзюй.

Эпохи Мин (XIV–XVII вв.) и Цин (XVII–XX вв.) ознаменованы дальнейшей эволюцией китайского театра и появлением новых жанров. Куньцзюй (昆曲), зародившийся в регионе Куньшань в эпоху Мин, стал символом рафинированного и элегантного театрального искусства. Куньцзюй отличался сложной музыкальной структурой, изысканным вокалом, грациозными танцами и литературно-утонченными текстами [5, с. 3]. Тан Сяньцзу (汤显祖) (рис. 2), величайший драматург эпохи Мин, создал шедевры куньцзюй, такие как «Пионовая беседка» (牡丹亭), которые по сей день считаются вершинами китайской драматургии [6, с. 32]. Куньцзюй долгое время оставался театром для элиты и интеллектуалов, отличаясь высоким художественным уровнем и сложностью восприятия для массового зрителя.

В эпоху Цин на базе различных региональных жанров оперы и под влиянием куньцзюй формируется цзинцзюй (京剧), известный на Западе как пекинская опера. Цзинцзюй стала квинтесценцией китайского театрального искусства, синтезировав в себе пение, речь, пантомиму, акробатику и боевые искусства. Отличительными чертами цзинцзюй являются стилизованный грим, костюмы, жесты и движения, а также символический реквизит. Система амплуа в цзинцзюй строго регламентирована и включает в себя четыре основных типа персонажей: шэн (生) – мужские роли, дань (旦) – женские роли, цзин (净) – роли мужчин с ярким гримом, чоу (丑) – комические

Рис. 2. Тан Сяньцзу

Fig. 2. Tan Syanczu

роли [7, с. 49]. Музыкальное сопровождение цзинцзюй основано на ударных и струнных инструментах, создающих ритмическую и мелодическую основу для представления. Цзинцзюй быстро завоевала популярность по всему Китаю и стала символом национального театра. Получив поддержку императорского двора и широкое признание публики.

Помимо цзинцзюй и куньцзюй в Китае существовало и продолжает существовать огромное количество региональных оперных жанров (地方戏), каждый из которых обладает своими уникальными особенностями в музыке, языке, костюмах и стиле исполнения. Среди них можно выделить юэцзюй (越剧) из провинции Чжэцзян, хуанмэйси (黄梅戏) из провинции Аньхой, чуанцзюй (川剧) из провинции Сычуань и многие другие. Эти региональные жанры отражают культурное разнообразие Китая и вносят свой вклад в богатую китайскую театральную традицию [8, с. 17].

В XX в. китайский театр испытал значительное влияние западной культуры и политических изменений. В начале века появляются первые попытки создания «говорящей драмы» (话剧), ориентированной на западные модели и отличающейся отсутствием пения и стилизации, характерных для традиционной оперы [9, с. 204]. В период культурной революции (1966–1976 гг.) традиционный театр подвергся гонениям и ограничениям, а на первый план вышли революционные оперы и пропагандистские спектакли.

В постмодернистский период наблюдается возрождение интереса к традиционным формам театра, в том числе к цзинцзюй и куньцзюй. Вместе с тем продолжает развиваться и современная драма, экспериментирующая с новыми формами и темами. Китайский театр сегодня представляет собой динамично развивающуюся сцену, сочетающую в себе богатое историческое наследие и стремление к современности. Сохраняя верность своим корням, китайский национальный театр продолжает оставаться важной частью культурной идентичности Китая и ценным вкладом в мировое театральное искусство.

Важно углубиться в анализ фундаментальных эстетических принципов, определяющих уникальность и художественную ценность китайского театрального искусства. Эти принципы, сформировавшиеся на протяжении веков под влиянием философских, религиозных и культурных традиций Китая, лежат в основе цзинцзюй или куньцзюй, а также современных театральных экспериментов. Понимание этих принципов позволяет не только оценить зрелищность китайского театра, но и раскрыть его глубокое культурное и философское содержание.

Первым и, пожалуй, наиболее фундаментальным эстетическим принципом китайского театра являются символизм и условность. В отличие от западного театра, стремящегося к реалистическому воспроизведению действительности, китайский театр сознательно отказывается от натурализма. Здесь все – от грима и костюмов до жестов и декораций – имеет символический характер

и подчинено строгим условностям. Например, цвет грима несет определенное смысловое значение: красный цвет традиционно ассоциируется с преданностью и храбростью, черный – с честностью и прямотой, белый – с коварством и хитростью. Костюмы, богато украшенные вышивкой и орнаментами, не только указывают на социальный статус и характер персонажа, но и сами по себе являются произведениями искусства, несущими определенную символику. Сценические действия также подчинены условности: движения актеров стилизованы, жесты гиперболизированы, а пантомимические элементы играют важную роль в повествовании. Пространство сцены также условно: простой стул может символизировать гору, стол – мост, а взмах рукавом – ветер. Эта система символов и условностей, понятная искушенному зрителю, позволяет создавать многослойное и многозначительное театральное пространство, где реальность трансформируется и обогащается художественным вымыслом.

Вторым важнейшим принципом являются ритмическая организация и музыкальность. Китайский театр – это в первую очередь музыкальный театр. Музыка не является здесь лишь сопровождением драматического действия, а представляет собой неотъемлемую часть самого театрального языка. Ритм и мелодия пронизывают все элементы спектакля: от пения и декламации до движений актеров и использования ударных инструментов. Музыкальная структура спектакля строится на основе определенной системы мелодий и ритмов, которые жестко регламентированы и передаются из поколения в поколение. Ударные инструменты (гонг, барабаны, тарелки) играют ключевую роль в создании ритмической основы спектакля, подчеркивая кульмиационные моменты, задавая темп и динамику действию. Пение актеров, при котором используются различные вокальные техники и стили, является не просто передачей текста, а выражением эмоционального состояния персонажа и важным средством художественной выразительности. Ритмическая организация распространяется и на пластику актеров: движения, жесты, позы – все подчинено определенному ритму, создавая гармоничное и эстетически выверенное целое. Таким образом, музыкальность и ритмическая организация являются не только украшением, но и структурообразующим элементом китайского театра, определяющим его уникальную эстетику.

Третьим принципом, тесно связанным с предыдущими, являются синтез искусств и целостность театрального действия. Китайский театр представляет собой синтетическое искусство, объединяющее в себе элементы драмы, музыки, танца, пантомимы, акробатики, вокала, костюма, грима и декоративно-прикладного искусства. Все эти элементы не существуют изолированно, а органично переплетаются и взаимодействуют, создавая целостное и многогранное художественное впечатление. Актер китайского театра должен быть мастером во всех этих областях, демонстрируя виртуозное владение не только актерским мастерством, но и вокалом, танцем, акробатикой и искусством грима. Спектакль, таким образом, представляет собой не просто драматическое повествование, а комплексное художественное произведение, воздействующее на зрителя на различных уровнях восприятия – визуальном, аудиальном и эмоциональном. Эта целостность достигается за счет строгой канонизации всех элементов театрального языка и подчинения их единой художественной цели – созданию выразительного и эстетически совершенного театрального зрелища.

Четвертым важным принципом является культ мастерства и виртуозности исполнения. В китайском театре огромное значение придается техническому совершенству исполнения. Актер должен обладать не только талантом, но и пройти многолетнюю строгую школу обучения, осваивая сложные техники пения, танца, акробатики и актерской игры. Виртуозность исполнения ценится не как самоцель, а как средство достижения художественной выразительности и эмоционального воздействия на зрителя. Актерское мастерство в китайском театре основано на строгой системе тренировок, включающей физические упражнения, вокальные практики, изучение канонических движений и жестов, а также глубокое понимание символики и условностей театрального языка. Именно благодаря высокому уровню мастерства актеров китайский театр способен создавать впечатляющие и эмоционально насыщенные спектакли, даже при минималистическом сценическом оформлении. В центре внимания оказывается не столько реалистичное изображение действительности, сколько виртуозная игра актера, способного посредством своего мастерства передать всю гамму человеческих чувств и переживаний.

Наконец, пятым, но не менее важным принципом, можно назвать ориентацию на традицию и культурное наследие. Китайский театр глубоко укоренен в традиционной культуре Китая и является важным средством сохранения и передачи культурного наследия. Репертуар классического китайского театра в основном состоит из произведений, основанных на исторических хрониках, легендах, мифах и литературных произведениях, отражающих ключевые ценности и мировоззрение китайской цивилизации. В сюжетах спектаклей часто затрагиваются темы морали, этики, социальных отношений, патриотизма и героизма, транслируя традиционные конфуцианские, даосские и буддийские ценности. Приверженность традициям проявляется не только в репертуаре, но и в сохранении канонических форм, техники исполнения, музыкальных стилей и символики. В то же время китайский театр не является застывшей формой искусства. На протяжении веков он постоянно эволюционировал и адаптировался к изменяющимся социальным и культурным условиям, сохраняя при этом свою уникальную эстетическую идентичность [9, с. 2].

Таким образом, эстетические принципы китайского театрального искусства, основанные на символизме, ритмической организации, синтезе искусств, культе мастерства и ориентации на традицию, представляют собой уникальную и самобытную художественную систему. Эти принципы, сформировавшиеся в процессе многовековой культурной эволюции, определяют неповторимый облик китайского театра, делая его не только зрелищным и увлекательным, но и глубоко содержательным и культурно значимым явлением мирового театрального искусства. Дальнейшее изучение этих принципов позволяет не только расширить понимание китайской культуры, но и обогатить наше восприятие театрального искусства в целом, демонстрируя многообразие форм художественного выражения и возможности театра как мощного инструмента культурной коммуникации и трансляции ценностей.

Что касается вопроса культурной специфики китайского театра, необходимо отметить, что он представляет собой уникальное явление, глубоко укорененное в философских, религиозных и традиционных устоях китайской цивилизации. В отличие от западного театра, который исторически развивался в рамках античной драмы и христианской традиции, китайский театр формировался под влиянием конфуцианства, даосизма, буддизма, а также богатого фольклора и ритуальных практик. Эта синкретическая основа обусловила его эстетические принципы, тематику, структуру и даже функции в обществе.

Одним из основополагающих учений китайской культуры, оказавшим колossalное влияние на театр, является конфуцианство. Его эстетико-философская система, акцентирующая важность социальной гармонии, иерархии, морального совершенствования и почитания предков, пронизывает многие аспекты театрального искусства. Пьесы часто демонстрируют конфуцианские добродетели: Жень (仁 – человеколюбие), И (義 – справедливость), Ли (禮 – ритуал, этикет), Чжи (智 – мудрость), Синь (信 – честность). Нередко в центре повествования оказываются истории о верности долгу, сыновней почтительности, преданности государю, моральном выборе между личными желаниями и общественным благом [10, с. 146]. Персонажи, как правило, четко разделяются на положительных и отрицательных, воплощая идеалы и антиидеалы конфуцианской этики. Более того, сам театр в конфуцианском обществе воспринимался как инструмент морального воспитания, способствующий распространению правильных ценностей и укреплению социальной стабильности. Представления могли служить своеобразными «живыми уроками истории», или «иллюстрированными трактатами» по конфуцианским доктринаам.

Вторым важным философским течением, оставившим глубокий след в истории китайского театра, является даосизм. В отличие от рационалистического конфуцианства даосизм подчеркивает гармонию с природой, спонтанность, интуицию, постижение Дао (пути) через созерцание и отказ от искусственности. Даосистское влияние проявляется в символизме, метафоричности и абстрактности китайского театра. Сценическое пространство часто условно, минималистично, намекая на бескрайность мира и возможность трансформации. Движения актеров могут быть стилизованными, текучими, имитирующими природные явления или животных, подчеркивая единство человека и космоса. Даосистская философия также отражается в темах поиска бессмертия, обретения внутренней гармонии, освобождения от мирских привязанностей и слияния с природой. В некоторых пьесах герои могут обращаться к даосским практикам, стремясь к духовному просветлению или обретению сверхъестественных способностей [11, с. 109].

Буддизм, пришедший в Китай из Индии, также оказал значительное влияние на формирование китайского театра. Буддийские концепции кармы, реинкарнации, страдания как неотъемлемой части жизни, стремления к нирване и сострадания к живым существам нашли отражение в драматургии и иконографии театра. Буддийские мотивы часто переплетаются с конфуцианскими и даосскими, создавая уникальный синкретический культурный пласт. В театральных представлениях могут появляться буддийские божества, монахи, сюжеты о перерождениях, испытаниях на пути к просветлению или о кармической расплате за грехи. Буддийское милосердие и сострадание могут проявляться в отношениях между персонажами или в общем моральном посыле пьесы. Некоторые жанры театра, такие как теневой театр, имеют корни в буддийских ритуальных практиках и изначально использовались для распространения буддийских учений.

Помимо философии и религии китайский театр неразрывно связан с традициями и фольклором. Он впитал в себя элементы древних ритуальных танцев, песен, мифов, легенд и народных сказок. Многие сюжеты театральных постановок основаны на исторических событиях, народных преданиях о героях, богах и духах. Использование традиционных музыкальных инструментов, костюмов, грима, символики цвета и движений подчеркивает связь театра с культурным наследием народа. Традиционный китайский театр не стремится к реалистичному отображению действительности, а скорее использует условные формы и символические средства выражения. Акробатика, боевые искусства, жестикуляция, мимика и вокал развивались в течение веков, формируя уникальный язык театрального искусства, понятный и близкий зрителю, воспитанному в традиционной китайской культуре.

Особое внимание следует уделить музыкальной составляющей китайского театра. Музыка не является лишь аккомпанементом к действию, а выступает как равноправный элемент спектакля, несущий важную смысловую и эмоциональную нагрузку. Различные музыкальные стили и инструменты используются для создания определенной атмосферы, выражения эмоций персонажей, подчеркивания драматических моментов и ритмизации действия. Перкуссия играет ключевую роль, задавая ритм и динамику спектакля. Специфические мелодии и вокальные техники, различающиеся в разных жанрах театра, также являются важной частью культурной специфики.

Таким образом, китайский театр представляет собой сложное и многогранное явление, культурная специфика которого обусловлена глубокой связью с философскими и религиозными традициями Китая, а также богатым фольклором и историческим наследием. Он не только развлекает, но и обучает, воспитывает, транслирует культурные ценности и способствует укреплению национальной идентичности. Изучение этой уникальной театральной традиции позволяет лучше понять глубинные основы китайской культуры и ее вклад в мировое искусство.

Продолжая разговор о культурной самобытности китайского театра, логично обратиться к вопросу о его влиянии на мировую театральную культуру и его роли в современном культурном пространстве. Несмотря на свою историческую обособленность и ориентацию на внутреннюю аудиторию, китайский театр, особенно начиная с XX в., оказал заметное и постоянно растущее воздействие на развитие мирового театрального искусства. Первые эпизодические знакомства западной публики с китайским театром, в основном через гастроли отдельных трупп и описания путешественников, начались еще в XVIII–XIX вв., вызывая интерес своей экзотичностью и несходством с европейскими сценическими традициями. Однако систематическое и глубокое проникновение элементов китайской театральной эстетики в мировой театр началось в XX столетии во многом благодаря интересу авангардных режиссеров и теоретиков, искавших альтернативные пути развития театрального языка в противовес реализму и натурализму. Значительную роль в этом процессе сыграли философские и эстетические идеи, почерпнутые из восточных культур, включая китайскую, которые вдохновляли таких реформаторов театра, как Бертолт Брехт и Антонен Арто. Бертолт Брехт, в частности, изучал пекинскую оперу, восхищаясь ее условностью, отстраненностью актерской игры и использованием повествовательных приемов, что нашло отражение в его концепции «эпического театра». Арто в свою очередь в своем «театре жестокости» стремился к созданию чувственного, ритуализированного театра, близкого по духу архаичным формам, и китайский театр, с его акцентом на движение, символику и невербальные средства выразительности, служил для него одним из источников вдохновения [12, с. 71].

В современном глобализированном мире влияние китайского театра становится все более ощутимым и многогранным. Увеличение международных культурных обменов и фестивалей, интерес к азиатским культурам, а также активное продвижение китайской культуры на международной арене способствуют распространению и популяризации различных форм китайского театра. Пекинская опера, куньцю, шанхайская опера, кантонская опера и другие региональные жанры регулярно гастролируют по всему миру, привлекая зрителей своей виртуозностью, эстетической утонченностью и экзотическим колоритом. Современные китайские режиссеры и драматурги в свою очередь активно взаимодействуют с мировым театральным процессом, создавая синтетические постановки, в которых традиционные элементы китайского театра соединяются с современными сценическими технологиями и драматургическими приемами. Примером может служить постановка «Сон в Красном тереме» в Шанхайской опере, которая сочетает традиционную оперную форму с современными визуальными эффектами и адаптированным либретто, что делает ее более доступной для международной аудитории. Кроме того, китайский театр оказывает влияние на мировую театральную педагогику. В частности, техника движения, акробатика и боевые искусства, которые являются неотъемлемой частью китайской сценической традиции, все чаще инкорпорируются в программы театральных школ по всему миру.

Влияние китайского театра на мировую театральную культуру проявляется не только в прямом заимствовании элементов, но и в более тонком, опосредованном воздействии на театральную эстетику и сценические техники. Китайский театр, с его акцентом на стилизацию, символизм и условность, предложил мировому театру альтернативу реалистическому отображению действительности. Принципы условного сценического пространства, минималистские декорации, экспрессивный грим и костюмы, символическая жестикуляция и движения, а также музыкально-ритмическая организация спектакля, разработанные в китайском театре на протяжении веков, обогатили палитру выразительных средств современного театра. Под влиянием китайского театра в мировом театре усилился интерес к невербальным формам выражения, физическому театру, синтезу различных видов искусств на сцене. Например, техника «меиланьфанг», разработанная великим мастером пекинской оперы Мэй Ланьфаном, с ее утонченной пластикой, символическим использованием веера и платков, оказала влияние на развитие современного танцевального театра и перформанса. Акцент китайского театра на ритм и музыку в спектакле способствовал также развитию музыкального театра и мюзиклов в западной традиции, где музыка стала рассматриваться не только как аккомпанемент, но и как неотъемлемая часть драматического действия.

В современном культурном пространстве китайский театр играет важную роль не только как источник эстетического обогащения для мировой театральной культуры, но и как инструмент межкультурного диалога и взаимопонимания. Представления китайского театра, с их уникальным культурным кодом и философским содержанием, открывают западной публике окно в мир китайской цивилизации, позволяя лучше понять ее ценности, традиции и мировоззрение. В условиях глобализации, когда культурное разнообразие становится все более ценным, китайский театр предлагает альтернативный взгляд на мир, отличный от западной парадигмы, способствуя развитию поликультурного театрального пространства. В то же время китайский театр сам испытывает влияние мировых театральных тенденций, что приводит к появлению новых форм и жанров, сочетающих традиционные элементы с современными сценическими решениями. Этот процесс взаимообогащения и взаимодействия способствует динамичному развитию как китайского, так и мирового театра, делая его более релевантным и интересным для современного зрителя. В будущем можно ожидать дальнейшего усиления влияния китайского театра на мировую театральную культуру, особенно в контексте растущей роли Китая на международной арене и увеличения культурных обменов между странами. Китайский театр, сохраняя свою уникальную культурную самобытность, продолжает вносить ценный вклад в мировое искусство, обогащая его эстетическое разнообразие и способствуя межкультурному диалогу.

Заключение. Китайский национальный театр, обладая тысячелетней историей, представляет собой уникальное явление мировой культуры, синтезирующее в себе искусство, философию и традиции. Его эстетические принципы, такие как символизм, ритмическая организация, синтез искусств, культивирование мастерства и ориентация на традицию, формируют неповторимый худо-

жественный язык, отличающийся от западных театральных традиций. Эти принципы не только определяют внешнюю форму театрального представления, но и раскрывают глубинные культурные и философские основы китайской цивилизации. Символизм, проявляющийся в гриме, костюмах, жестах и декорациях, позволяет передавать сложные идеи и эмоции через условные формы, создавая многослойное художественное пространство. Ритмическая организация, основанная на музыке и движении, придает спектаклю гармоничность и динамику, делая его не просто зрелищем, но и глубоким эмоциональным переживанием. Синтез искусств, объединяющий драму, танец, музыку, акробатику и визуальные искусства, превращает китайский театр в целостное художественное явление, воздействующее на зрителя на всех уровнях восприятия.

Культурная специфика китайского театра глубоко укоренена в конфуцианских, даосских и буддийских ценностях, а также в богатом фольклоре и историческом наследии Китая. Конфуцианство, с его акцентом на моральные добродетели, социальную гармонию и почитание традиций, нашло отражение в тематике и структуре многих пьес, где герои часто сталкиваются с моральными дилеммами и демонстрируют образцовое поведение. Даосизм, с его стремлением к гармонии с природой и космосом, проявляется в символичности и метафоричности театрального языка, а также в темах духовного поиска и трансформации. Буддизм, с его концепциями кармы, реринкарнации и сострадания, обогатил театр философской глубиной и моральными уроками, которые находят отклик у зрителей. Фольклорные мотивы, исторические легенды и мифы, вплетенные в сюжеты спектаклей, делают китайский театр хранителем культурной памяти и национальной идентичности.

Это свидетельствует о том, что китайский театр является не только зрелищным искусством, но и важным инструментом передачи культурных ценностей, воспитания и укрепления национальной идентичности. Через театральные представления зрители знакомятся с историей, традициями, моральными принципами и философскими идеями, которые формируют основу китайской культуры. Театр становится своего рода «живым учебником», который не только развлекает, но и обучает, воспитывает и вдохновляет. Особенно важна его роль в сохранении и популяризации белорусского языка, фольклора и традиций, что особенно актуально в условиях глобализации и культурной унификации.

Влияние китайского театра на мировую культуру, особенно в XX и XXI вв., проявляется в обогащении театрального языка, развитии новых форм сценического искусства и усилении межкультурного диалога. Такие реформаторы театра, как Бертольт Брехт и Антонен Арто, находили в китайском театре источник вдохновения для своих экспериментов с условностью, символикой и ритмической организацией спектакля. Современные театральные режиссеры и актеры по всему миру активно используют элементы китайского театра, такие как стилизованные движения, символический грим и костюмы, а также синтез различных видов искусств. Это способствует созданию новых театральных форм, которые сочетают традиционные и современные элементы, делая театр более разнообразным и интересным для зрителей.

Современный китайский театр, сохраняя традиции, активно взаимодействует с глобальными тенденциями, создавая синтетические постановки, которые находят отклик у международной аудитории. Примером могут служить современные интерпретации классических пьес, где традиционные элементы сочетаются с современными технологиями, такими как видеопроекции, световые эффекты и цифровые декорации. Такие постановки не только привлекают внимание молодого поколения, но и способствуют популяризации китайской культуры за рубежом. Кроме того, китайский театр активно участвует в международных фестивалях и культурных обменах, что способствует укреплению межкультурного диалога и взаимопонимания между народами.

Список использованных источников

1. Кучера, С. Специфические названия музыкальных мелодий и чиновников в Древнем Китае / С. Кучера // Общество и государство в Китае. – 2011. – Т. 41, № 1. – С. 63–80.
2. Хуан, Я. Хэнаньский театр в контексте истории развития китайского традиционного театра / Я. Хуан // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. – 2016. – № 58. – С. 37–45.
3. Ван Пэйи. Генезис и современное состояние региональных видов традиционного китайского сценического искусства: автореф. дис. ... канд. искусствоведения: 17.00.09 / Ван Пэйи; Бел. гос. ун-т культуры и искусств. – Минск, 2016. – 14 с.

4. Жуковец, В. В. Китайская драматургия в Беларуси: «режим ожидания» / В. В. Жуковец // Белорусско-китайский культурный и образовательный диалог: история, современное состояние, перспективы: сб. науч. ст. / под науч. ред. Н. Н. Хмельницкого. – Минск, 2016. – С. 8–18.
5. Будаева, Т. Б. Истоки пекинской оперы: музыкальная драма куньцюй / Т. Б. Будаева // Общество и государство в Китае. – 2015. – Т. 45, № 2. – С. 402–409.
6. Будаева, Т. Б. Китайская музыкальная драма «куньцюй»: краткий обзор истории и особенностей жанра / Т. Б. Будаева // Актуальные проблемы высшего музыкального образования. – 2016. – № 3 (41). – С. 30–36.
7. Никитенко, О. Б. Пекинская опера как жанровая парадигма китайского национального театра / О. Б. Никитенко, Сюй Цзянъ // Актуальные проблемы высшего музыкального образования. – 2018. – № 1 (47). – С. 48–52.
8. У Цзинь. Китайская традиционная национальная опера / У Цзинь // Интерактивная наука. – 2018. – № 8 (30). – С. 16–17. <https://doi.org/10.21661/r-472985>
9. Сю, Т. Китайская народная опера как феномен национального искусства / Т. Сю // Этносоциум и межнациональная культура. – 2023. – № 3 (177). – С. 203–207.
10. Ху, Я. Китайская опера как нематериальное культурное наследие Китая / Я. Ху // Общество: философия, история, культура. – 2015. – № 4. – С. 25–31.
11. Цзоу Хун. Эволюция содержания понятия ритуала «ли» в китайской литературе / Цзоу Хун // Гуманитарный вектор. – 2011. – № 2 (26). – С. 145–149.
12. Серова, С. А. Китайский театр – эстетический образ мира / С. А. Серова // Культурология. – 2008. – № 2 (45). – С. 108–116.
13. Шарыпина, Т. А. Концепция «Документального эпоса» русского авангарда и становление театральной практики Бертольта Брехта / Т. А. Шарыпина // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. – 2016. – № 3 (156). – С. 67–73.

References

1. Kuchera S. Specific names of musical melodies and officials in ancient China. *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae = Society and State in China*, 2011, vol. 41, no. 1, pp. 63–80 (in Russian).
2. Huang Ya. The Henan theatre in the context of the history of Chinese traditional theatre. *V mire nauki i iskusstva: voprosy filologii, iskusstvovedeniya i kul'turologii* [In the World of Science and Art: Issues of Philology, Art History, and Cultural Studies], 2016, no. 3 (58), pp. 37–45 (in Russian).
3. Van Peyi. *Genesis and current state of regional types of traditional Chinese Xiqu*. Abstract of Ph. D. diss. Minsk, 2016. 14 p. (in Russian).
4. Zhukovets V. V. Chinese Drama in Belarus: “Waiting Mode”. *Belorussko-kitaiskii kul'turnyi i obrazovatel'nyi dialog: istoriya, sovremennoe sostoyanie, perspektivy: sbornik nauchnykh statei* [Belarusian-Chinese cultural and educational dialogue: history, current state, prospects: collection of scientific articles]. Minsk, 2016, pp. 8–18 (in Russian).
5. Budayeva T. B. Origins of the Peking Opera: the musical drama Kunqu. *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae = Society and State in China*, 2015, vol. 45, no. 2, pp. 402–409 (in Russian).
6. Budaeva T. B. Chinese musical drama Kunq: brief survey of history and peculiarities of the genre. *Aktual'nye problemy vysshego muzykal'nogo obrazovaniya = Actual Problems of High Musical Education*, 2016, no. 3 (41), pp. 30–36 (in Russian).
7. Nikitenko O. B., Xu J. Beijing opera as a genre paradigm of Chinese National Theatre. *Aktual'nye problemy vysshego muzykal'nogo obrazovaniia = Actual Problems of High Musical Education*, 2018, no. 1 (47), pp. 48–52 (in Russian).
8. Wu Jin. Chinese traditional national opera. *Interaktivnaya nauka = Interactive Science*, 2018, no. 8 (30), pp. 16–17 (in Russian). <https://doi.org/10.21661/r-472985>
9. Xu T. Chinese folk opera as a phenomenon of national art. *Etnosotsium i mezhnatsional'naya kul'tura = Etnosocium (Multinational Society)*, 2023, no. 3 (177), pp. 203–207 (in Russian).
10. Hu Y. L. Chinese opera as an intangible cultural heritage of China. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura = Society: Philosophy, History, Culture*, 2015, no. 4, pp. 25–31 (in Russian).
11. Zou Hong. The evolution of the notion li (confucian) in Chinese literature. *Gumanitarnyi vektor = Humanitarian Vector*, 2011, no. 2 (26), pp. 145–149 (in Russian).
12. Serova S. A. Chinese theatre – an aesthetic image of the world. *Kul'turologiya* [Culturology], 2008, no. 2 (45), pp. 108–116 (in Russian).
13. Sharypina T. A. On conceptual ideas of “documentary epos” in Russian avant-garde and evolvement of Bertolt Brecht’s theatrical practice. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta = Proceedings of Petrozavodsk State University*, 2016, no. 3 (156), pp. 67–73 (in Russian).

Информация об авторе

Ли Юнциэ – аспирант. Институт философии, Национальная академия наук Беларусь (ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: 1454527205@qq.com

Information about the author

Li Yongjie – Postgraduate student. Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganova Str., Bldg 2, 220072 Minsk, Belarus). E-mail: 1454527205@qq.com

ISSN 2524-2369 (Print)

ISSN 2524-2377 (Online)

УДК 001.89-057.4:005.963.2:303.425.2(476)

<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2026-71-1-28-38>

Поступила в редакцию 18.09.2025

Received 18.09.2025

А. П. Соловей

Институт социологии Национальной академии наук Беларусь, Минск, Беларусь

О РОЛИ НАСТАВНИЧЕСТВА В СИСТЕМЕ ПОДГОТОВКИ НАУЧНЫХ КАДРОВ ВЫСШЕЙ КВАЛИФИКАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ)

Аннотация. Статья посвящена изучению института научного наставничества как одного из механизмов воспроизведения и укрепления интеллектуального кадрового потенциала страны. Цель исследования – выявить роль наставничества и отдельных аспектов его функционирования в системе подготовки научных кадров высшей квалификации. Научно-практическая значимость исследования заключается в получении уникальных социологических данных, необходимых для разработки научно обоснованных рекомендаций, имплементация которых позволит повысить эффективность научного наставничества и подготовки научных кадров высшей квалификации. Методология исследования базируется на таких концептуальных подходах социологического дискурса, как теория обмена, символический интеракционизм, понимающая социология, феноменологическая социология и социальный конструкционизм. Методы сбора эмпирических данных – анкетный опрос, экспертный опрос с помощью интервью. По результатам комплексного социологического исследования, проведенного в 2024 г., установлено, что большинство соискателей ученых степеней ощущают поддержку со стороны коллектива своего института и могут обратиться к коллегам за профессиональной помощью при необходимости. Среди выявленных условий, которые сопряжены с научным наставничеством и детерминируют подготовку докторантов, помощь научного руководителя занимает лидирующую позицию. По мнению большинства респондентов, в их организации в той или иной степени реализуются все задачи научного наставничества в рамках подготовки научных кадров высшей квалификации. При этом в наименьшей степени реализуются две задачи научного наставничества: создание и развитие научных школ; формирование успешных ролевых моделей ученых в науке. Более половины соискателей ученых степеней указали, что институт научного наставничества влияет на показатели воспроизводства кадрового потенциала науки Республики Беларусь. Результаты, полученные в ходе научно-исследовательской работы, свидетельствуют о необходимости дальнейшего повышения роли института научного наставничества как одного из ключевых факторов подготовки научных кадров высшей квалификации для обеспечения кадровой безопасности государства в научной сфере.

Ключевые слова: ученые, наука, институт наставничества, роль и задачи научного наставничества, подготовка научных кадров, соискатели ученых степеней, эффективность взаимодействия с наставником, проблемы и противоречия в развитии института наставничества

Для цитирования: Соловей, А. П. О роли наставничества в системе подготовки научных кадров высшей квалификации (на примере Республики Беларусь) / А. П. Соловей // Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук. – 2026. – Т. 71, № 1. – С. 28–38. <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2026-71-1-28-38>

Alesia P. Solovei

Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

ON THE ROLE OF MENTORING IN THE SYSTEM OF TRAINING HIGHLY QUALIFIED SCIENTIFIC STAFF (ON THE EXAMPLE OF THE REPUBLIC OF BELARUS)

Abstract. The research is devoted to the study of the institute of scientific mentoring as one of the mechanisms for the reproduction and strengthening of the country's intellectual human resources potential. The purpose of the work is to identify the role of mentoring and individual aspects of its functioning in the system of training highly qualified scientific personnel. The scientific and practical significance of the study lies in obtaining unique sociological data necessary for the development of scientifically based recommendations, the implementation of which will improve the efficiency of scientific mentoring and training of highly qualified scientific personnel. The research methodology is based on such conceptual approaches of sociological discourse as exchange theory, symbolic interactionism, understanding sociology, phenomenological sociology and social constructionism. The methods of collecting empirical data are questionnaire survey, expert survey by interview method. Comprehensive sociological research conducted in 2024 found that most degree seekers feel support by their institute staff and can ask colleagues for professional help if necessary. Among the identified conditions that are associated with scientific mentoring and determine the preparation of dissertations, the assistance of a scientific supervisor occupies leading position.

According to the majority of respondents, their organization implements to one degree or another all the tasks of scientific mentoring within the framework of training highly qualified scientific personnel. At the same time, two tasks of scientific mentoring are least implemented: creation and development of scientific schools; formation of successful role models of scientists in science. More than half of applicants for academic degrees indicated that the institution of scientific mentoring influences the indicators of reproduction of human resources potential of science in the Republic of Belarus. The results obtained during the research work indicate the need to further enhance the role of the institute of scientific mentoring as one of the key factors in the training of highly qualified scientific personnel to ensure the personnel security of the state in the scientific sphere.

Keywords: scientists, science, institute of mentoring, role and tasks of scientific mentoring, training of scientific personnel, applicants for academic degrees, effectiveness of interaction with a mentor, problems and contradictions in the development of the institute of mentoring

For citation: Solovei A. P. On the role of mentoring in the system of training highly qualified scientific staff (on the example of the Republic of Belarus). *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2026, vol. 71, no. 1, pp. 28–38 (in Russian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2026-71-1-28-38>

Введение. Проблематика наставничества как социального феномена, выявление форм наставничества в современном обществе и различных его сферах являются актуальными исследовательскими и практическими задачами для различных государственных направлений по расширению возможностей преемственности опыта между поколениями. Одной из тематик исследования наставничества является его изучение в научной сфере, включая роль наставничества в подготовке научных кадров высшей квалификации. Квалифицированные научные кадры – необходимый социальный и кадровый ресурс обеспечения научно-технологической безопасности государства. Значимость исследования различных аспектов функционирования института наставничества детерминируется Программой совершенствования научной сферы Республики Беларусь, согласно которой институт научного наставничества должен стать важным компонентом деятельности по созданию и развитию научных школ, а также подпрограммой 6 «Научно-ориентированное образование» государственной программы «Образование и молодежная политика на 2021–2025 гг.» [1; 2]. Наличие института научного наставничества в научно-исследовательской организации является одним из факторов, который способствует повышению кадрового потенциала организации, эффективности исследовательской деятельности ученых в целом.

Научное наставничество охватывает два основных направления: профессиональную (в том числе должностную) и психосоциальную поддержку. Первая предполагает помочь в квалификационном и карьерном развитии, включая сопровождение научной карьеры, развитие исследовательских навыков, установление профессиональных контактов. Вторая включает эмоциональную и мотивационную поддержку, рост уверенности и ролевое моделирование [3, с. 79]. Роль научного наставничества может рассматриваться посредством структурно-функциональной оптики в парсонианской аналитической схеме AGIL (Adaptation, Goal Attainment, Integration, Latency) [4]. В соответствии с ней научное наставничество выполняет функции адаптации, интеграции нового члена научного коллектива в сложившуюся социокультурную среду организации и структурного подразделения, а также определение целей, трансляцию наличного профессионального и социального опыта, необходимых для успешной трудовой деятельности в данной научной организации. Исходя из определения наставничества (менторства) как «помощи одного человека другому в совершении значимых переходов на иной уровень знаний, профессиональных навыков или мышления» [5, с. 4–5], применительно к научной сфере наставничество направлено прежде всего на передачу теоретических знаний, исследовательских практических навыков (методов и методик), способствующих генерированию новых научных идей, адаптацию в научном коллективе молодых исследователей для повышения кадрового потенциала науки.

Роль наставничества в научной деятельности соискателя ученой степени, на наш взгляд, состоит в следующем: 1) формирование интереса к научному поиску; 2) информирование об общественной значимости научного труда, престижности и перспективности профессии ученого; 3) личный пример наставника (наставник как значимый «Другой» для соискателя ученой степени); 4) заинтересованность в будущем молодом ученом; 5) профессиональная адаптация в науке посредством включения в научный коллектив и структурное подразделение научной организации,

знакомство с профессиональной этикой и корпоративной культурой научного сообщества, традициями и нормами научного коллектива; 6) профессиональная помощь (выбор научного направления, темы диссертации); 7) передача знаний и понимания области (предмета) выбранного научного направления; 8) создание благоприятных условий для работы над диссертационным исследованием; 9) оказание консультативной помощи соискателю ученой степени на протяжении всего процесса написания диссертации; 10) помощь в преодолении предвзятого отношения к соискателю ученой степени со стороны научного сообщества, авторитетных ученых; 11) решение конфликтных ситуаций на рабочем месте; 12) продвижение научной карьеры молодых ученых (в том числе помощь соискателю ученой степени при выходе на защиту диссертационной работы); 13) формирование успешных ролевых моделей мужчин и женщин ученых в науке; 14) создание и развитие научных школ.

Актуальность и возможности социологического исследования роли научного наставничества методологическими и методическими средствами социологического знания обусловлены рядом факторов. Во-первых, значением института наставничества в профессиональной и социальной адаптации молодых специалистов – молодых ученых в научном коллективе. Во-вторых, потенциалом наставничества (менторства) при реализации научно ориентированного образования (в работе аспирантуры и докторантуры). В-третьих, снижением эффективности деятельности указанных видов научно ориентированного образования в последние годы: повышением среднего возраста соискателей, защитивших кандидатскую и докторскую диссертации, снижением доли лиц, защитивших диссертацию в пределах установленного срока обучения [6, с. 94–95]. В-четвертых, необходимостью дальнейшего совершенствования института наставничества в современных реалиях в научных институциях и организациях.

Результаты и их обсуждение. По результатам целевого комплексного социологического исследования, проведенного в июне – декабре 2024 г., рассмотрим ключевые аспекты функционирования института научного наставничества и его роль в системе подготовки научных кадров высшей квалификации и повышении интеллектуального потенциала страны. В ходе исследования методом анкетного опроса были опрошены аспиранты и докторанты (в том числе соискатели); сотрудники, которые окончили аспирантуру / докторантуру, но еще не защитили диссертационную работу, представляющие академическую и вузовскую науку Республики Беларусь. Опрос проводился в 49 организациях Национальной академии наук Беларуси и 33 высших учебных заведениях Республики Беларусь, реализующих программы первой и второй ступени научно ориентированного образования ($N = 1050$). Также были проведены экспериментные опросы методом социологического интервью с представителями административного корпуса, руководителями аспирантуры / докторантуры, наставниками (научными руководителями / консультантами) соискателей ученой степени, имеющими опыт подготовки научных кадров высшей квалификации (кандидатов и/или докторов наук) академической и вузовской науки ($N = 66$). Методология исследования, интерпретация и операционализация понятия «научное наставничество» базируются на теоретико-методологических положениях структурно-функционального подхода Т. Парсонса и Р. Мертона [7; 8], теории обмена (Дж. Хоманс) [9], теории символического интеракционизма (Дж. Г. Мид, Г. Блумер) [10; 11], понимающей социологии (М. Вебер) [12], феноменологической социологии (А. Шюц, Г. Гарфинкель) [13; 14], а также социального конструкционизма П. Бергера и Н. Лукмана [15]. Интеграция методологического аппарата данных концептуальных подходов позволила не только исследовать структурные элементы функционирования научного наставничества и его роль в системе подготовки научных кадров высшей квалификации, но и получить уникальные социологические данные качественного характера для разработки научно-практических рекомендаций по повышению роли научного наставничества в системе подготовки научных кадров высшей квалификации для обеспечения государственной кадровой безопасности в научной сфере.

Поддержка со стороны научного сообщества и коллектива, непосредственных коллег и наставников позволяет начинающим исследователям чувствовать себя более уверенными в научной среде, сконцентрироваться на генерировании новых идей, а также стимулирует продолжать научный поиск даже в случае снижения мотивации или трудовых неудач. Результаты анкетного

опроса показали, что подавляющее большинство соискателей ученых степеней ощущают поддержку со стороны коллектива своего института. При необходимости могут обращаться за помощью по научной работе к своим коллегам 92,7 % респондентов (в том числе 59,6 % ответили: да, всегда, 33,1 % – скорее да). Только 7,3 % участников опроса не могут обратиться за данной помощью (в том числе 0,6 % ответили: нет, никогда, 6,7 % – скорее нет) [16, с. 64]. Более того, важность поддержки опытных коллег в процессе профессионального становления и квалификационного развития соискателя ученой степени подтверждается ее значимостью среди факторов повышения творческой активности, эффективности научной деятельности соискателя ученой степени и успешной защиты его диссертационной работы. Условия, связанные с научным наставничеством и влияющие на подготовку диссертационных работ, по мнению респондентов, ранжируются следующим образом: помочь научного руководителя – 50,4 %; заинтересованность научного руководителя / ученого совета / совета по защите диссертаций – 39,9 %; поддержка со стороны научного сообщества – 21,2 %; развитая система научного наставничества – 14,0 %; наличие научной школы – 13,6 %.

Оценка степени реализации задач научного наставничества в организации в рамках подготовки научных кадров высшей квалификации позволяет охарактеризовать не только общий уровень функционирования института научного наставничества, но и определить его проблемные моменты, требующие дальнейшей консолидации усилий администраторов науки, наставников и соискателей ученых степеней. Данная оценка, с одной стороны, отражает фактическое функционирование различных аспектов института научного наставничества, с другой – субъективное мнение одного из ключевых акторов наставничества (соискателя ученой степени) относительно реализации задач научного наставничества исходя из его профессионального и личного опыта [16, с. 65]. Средняя оценка эффективности взаимодействия с наставником / научным руководителем / консультантом по десятибалльной шкале (где 1 – «абсолютно неэффективна», 10 – «эффективна в полной мере») является достаточно высокой – 8,23 балла. Оценка эффективности взаимодействия с наставником зависит от сектора науки и научного статуса соискателя ученой степени. Представители вузовской науки в среднем выше оценили эффективность своего взаимодействия с научным наставником, чем представители академического сектора науки: 8,52 и 7,90 балла соответственно. Докторанты и аспиранты оценили эффективность своего взаимодействия с наставником выше, чем соискатели ученой степени, окончившие докторантуру и аспирантуру, но пока не защитившие диссертационные работы, – 9,06 и 8,75; 7,87 и 7,32 балла соответственно. Респондентам было предложено оценить, в какой мере реализуются задачи научного наставничества в их организации в рамках подготовки научных кадров высшей квалификации, исходя из их профессионального опыта (табл. 1).

Таблица 1. Оценка соискателями ученой степени реализации задач научного наставничества, %

Table 1. Assessment of the implementation of scientific mentoring tasks by applicants for an academic degree, %

Задачи научного наставничества	Полностью реализуются	Скорее реализуются	Скорее не реализуются	Полностью не реализуются	Затрудняюсь ответить
Адаптация соискателя ученой степени в трудовом научном коллективе (в том числе освоение корпоративной культуры организации, культуры поведения в профессиональной научной среде)	39,2	45,3	7,3	2,2	5,5
Информирование об общественной значимости научного труда и перспективности профессии ученого	34,8	40,6	13,7	4,7	6,1
Моральная поддержка обучаемого (соискателя)	37,4	41,0	12,7	4,1	4,8
Оказание консультативной помощи соискателю ученой степени в процессе написания диссертации	47,9	39,2	7,5	2,1	3,3

Окончание табл. 1

Задачи научного наставничества	Полностью реализуются	Скорее реализуются	Скорее не реализуются	Полностью не реализуются	Затрудняюсь ответить
Повышение коммуникативного уровня организации	29,3	45,2	12,3	2,8	10,4
Повышение профессионального уровня организации (защита диссертаций)	38,1	43,0	8,6	2,7	7,6
Помощь в получении дополнительных знаний	36,5	44,7	12,1	2,5	4,1
Помощь в преодолении предвзятого отношения к соискателю ученой степени со стороны научного сообщества, авторитетных ученых	27,2	37,7	13,7	4,8	16,6
Помощь при выходе на защиту диссертационной работы	42,6	35,8	7,5	2,2	11,8
Продвижение научной карьеры молодых ученых	34,2	40,6	9,9	3,6	11,7
Решение конфликтных ситуаций на рабочем месте	34,8	40,0	9,3	2,9	13,1
Создание благоприятных условий для работы над диссертацией	33,7	43,2	12,6	4,7	5,9
Создание и развитие научных школ	22,9	35,9	18,5	5,1	17,5
Формирование успешных ролевых моделей ученых в науке	21,8	34,4	15,8	5,3	22,7

Анализ данных, представленных в табл. 1, позволяет заключить, что, по мнению более половины респондентов, в той или иной мере реализуются все задачи научного наставничества в их организации в рамках подготовки научных кадров высшей квалификации. Наиболее полно реализуются такие задачи, как оказание консультативной помощи соискателю ученой степени в процессе написания диссертации – 87,1 %; адаптация соискателя ученой степени в трудовом научном коллективе (в том числе освоение корпоративной культуры организации, культуры поведения в профессиональной научной среде) – 84,5 %; помощь в получении дополнительных знаний – 81,2 %; повышение профессионального уровня организации (защита диссертаций) – 81,1 %. В наименьшей степени реализуются такие задачи научного наставничества, как создание и развитие научных школ (58,8 %); формирование успешных ролевых моделей ученых в науке (56,2 %) [16, с. 65–66].

Одной из важных составляющих изучения функционирования института научного наставничества является оценка различных аспектов взаимодействия соискателя ученой степени и его непосредственного наставника (табл. 2). Во многом от степени удовлетворенности научной коммуникацией и взаимодействием с научным наставником зависят передача знаний и опыта, эффективность подготовки диссертационного исследования, успешная защита работы и выстраивание последующей научной карьеры соискателя.

Таблица 2. Степень удовлетворенности аспектами взаимодействия с наставником / научным руководителем / консультантом, %

Table 2. Degree of satisfaction with aspects of interaction with a mentor / supervisor / consultant, %

Аспекты взаимодействия	Полностью удовлетворен(а)	Скорее удовлетворен(а)	Скорее не удовлетворен(а)	Полностью не удовлетворен(а)	Затрудняюсь ответить
Установление контакта, построенного на доверии и взаимопонимании	67,1	23,9	5,0	1,6	2,4
Совместное определение темы диссертационной работы, ее структуры и плана работы	62,4	25,5	7,5	2,2	2,4
Контроль профессионального роста / работы над диссертацией	52,5	30,5	10,7	2,8	3,5

Окончание табл. 2

Аспекты взаимодействия	Полностью удовлетворен(а)	Скорее удовлетворен(а)	Скорее не удовлетворен(а)	Полностью не удовлетворен(а)	Затрудняюсь ответить
Профессиональная помощь и поддержка по мере необходимости	61,9	26,1	6,8	2,5	2,7
Получение результата – выход на защиту диссертации / защита диссертации	45,6	26,5	9,3	5,0	13,6
Установление профессиональной дружбы	56,3	27,6	5,2	2,7	8,2
Личный бренд и академическая репутация наставника	64,8	21,4	3,7	2,1	8,0
Взаимодействие с наставником / научным руководителем / консультантом в целом	62,6	26,3	5,8	2,1	3,2

Большинство респондентов в целом удовлетворены («полностью удовлетворен(а) + скорее удовлетворен(а)») различными аспектами взаимодействия со своим научным наставником. Установлением контакта, построенного на доверии и взаимопонимании, удовлетворено абсолютное большинство респондентов – 91,0 %. Совместным определением темы диссертационной работы, ее структуры и плана, профессиональной помощью и поддержкой по мере необходимости удовлетворены 87,9 и 88,0 %, при этом каждый десятый не удовлетворен данными аспектами – 9,7 и 9,3 % соответственно. Установлением профессиональной дружбы и взаимодействием с наставником / научным руководителем / консультантом удовлетворены 83,9 и 88,9 %, не удовлетворены – по 7,9 %. Личным брендом и академической репутацией наставника удовлетворены 86,2 %, не испытывают удовлетворенности только 5,8 %. Участники опроса в достаточно высокой степени удовлетворены контролем профессионального роста / работы над диссертацией и получением результатом – выходом на защиту диссертации / защитой диссертации – 83,0 и 72,1 %. При этом доля тех, кто не удовлетворен данными аспектами, выше всего по выборке – каждый седьмой – 13,5 и 14,3 %. Научный статус соискателя ученой степени оказывает влияние на удовлетворенность аспектами взаимодействия с научным наставником¹ (табл. 3).

Таблица 3. Степень удовлетворенности аспектами взаимодействия с наставником / научным руководителем / консультантом в зависимости от научного статуса соискателя, %

Table 3. Degree of satisfaction with aspects of interaction with a mentor / supervisor / consultant depending on the scientific status of the applicant, %

Аспекты взаимодействия	Аспирант(ка)		Окончил(а) аспирантуру		Докторант(ка)		Окончил(а) докторантуру	
	уд.	неуд.	уд.	неуд.	уд.	неуд.	уд.	неуд.
Установление контакта, построенного на доверии и взаимопонимании	93,5	4,2	86,6	10,7	100	–	85,5	10,4
Совместное определение темы диссертационной работы, ее структуры и плана работы	91,7	6,5	82,2	15,1	95,5	1,5	83,3	12,5
Контроль профессионального роста / работы над диссертацией	89,8	7,9	71,5	23,3	100	–	75,0	16,7
Профессиональная помощь и поддержка по мере необходимости	91,6	6,3	81,9	14,3	100	–	81,2	14,6
Получение результата – выход на защиту диссертации / защита диссертации	76,9	6,9	61,6	27,1	90,9	–	68,8	18,8
Установление профессиональной дружбы	86,4	5,4	79,2	11,8	93,9	1,5	75,0	14,6
Личный бренд и академическая репутация наставника	90,2	3,0	79,1	10,5	95,5	1,5	83,4	6,3
Взаимодействие с наставником / научным руководителем / консультантом в целом	92,9	4,4	82,2	13,4	100	–	81,2	14,6

¹ Гипотеза подтвердилась при помощи критерия согласия Пирсона (χ^2 Пирсона), где $\chi^2 = 51,854$, $\chi^2 = 62,024$, $\chi^2 = 94,408$, $\chi^2 = 65,686$, $\chi^2 = 131,419$, $\chi^2 = 40,015$, $\chi^2 = 67,742$, $\chi^2 = 78,763$, sig = 0,000, sig = 0,001, $p < 0,05$.

Среди докторантов и аспирантов доля тех, кто удовлетворен аспектами взаимодействия со своим научным наставником, выше, чем среди окончивших аспирантуру / докторантuru, но еще не защитивших диссертацию. Следует отметить, что 100 %-ная удовлетворенность отмечается среди докторантов такими аспектами их взаимодействия с наставником, как установление контакта, построенного на доверии и взаимопонимании; контроль профессионального роста / работы над диссертацией; профессиональная помощь и поддержка по мере необходимости; взаимодействие с наставником / научным руководителем / консультантом в целом. Среди тех, кто окончил аспирантуру и докторантuru, но пока не защитил диссертацию, наблюдается самая высокая доля тех, кто не удовлетворен получением результатата – выходом на защиту диссертации / защитой диссертации – 27,1 и 18,8 % соответственно, а также контролем профессионального роста / работы над диссертацией – 23,3 и 16,7 % соответственно.

С целью получения информации качественного характера соискателям ученой степени был задан вопрос о *критериях оценки эффективности* работы наставника / научного руководителя / консультанта. На данный вопрос ответили большинство респондентов – 77,5 % (в том числе 75,1 % – представители академической науки, 79,6 % – вузовской), каждый пятый не ответил на поставленный вопрос (19,9 %) и лишь 2,6 % затруднились с ответом. По мнению участников опроса, эффективность работы научного наставника проявляется в следующих основных аспектах: 1) количество защищенных учеников («желание наставника помочь защитить диссертацию»); 2) количество учеников и последователей, создание научных школ («желание реализовать научные идеи в своем ученике – оставить после себя тех, кто будет продолжать твоё дело, идеи»); 3) моральная и профессиональная поддержка соискателя («аспирант сохраняет заинтересованность в процессе исследования, верит в свои силы, способен довести диссертацию до защиты»; «в поддержании высокого уровня мотивации соискателя ученой степени осуществлять научную деятельность»; «выбор правильного алгоритма написания диссертации, в уверенности соискателя в себе и своей работе»); 4) видимый результат соискателя: количество статей, написанных за годы сотрудничества; участие в научных работах и программах; выступления на конференциях; 5) доступность консультаций и помощи («своевременная реакция на просьбы, вопросы аспиранта»; «профессиональный диалог»); 6) заинтересованность в защите диссертационной работы своего обучаемого; 7) качество и полнота участия в научной деятельности аспиранта; 8) профессионализм и компетентность («в использовании актуальных методов исследования и литературных источников, в предотвращении методических ошибок в исследовании»); 9) создание условий и благоприятного морально-профессионального климата для развития соискателя; повышение его профессионального уровня и др.

Исходя из основных функций института научного наставничества, роли наставника в целом в профессиональном становлении соискателя ученой степени, данный институт непосредственным образом детерминирует уровень воспроизведения научных кадров высшей квалификации. Следует отметить, что более половины респондентов ответили положительно на вопрос: «На Ваш взгляд, влияет ли институт научного наставничества на показатели воспроизведения кадрового потенциала науки Республики Беларусь?» – 54,4 % (в том числе 51,6 % – представители академической науки, 56,7 % – вузовской). Однако значительная доля респондентов считает, что институт научного наставничества не оказывает влияния на показатели воспроизведения кадрового потенциала науки Республики Беларусь – 41,7 % (в том числе 45,6 % – представители академической науки, 38,3 % – вузовской). Затруднились ответить на поставленный вопрос 4,0 %.

Анализ информации качественного характера на открытый вопрос о том, каким образом влияет институт наставничества на показатели воспроизведения кадрового потенциала науки Республики Беларусь, позволил выделить основные группы данного влияния: 1) преемственность поколений в науке (передача знаний и опыта, формирование научных школ); 2) мотивация на науку; 3) профессиональная поддержка. Представители *академического сектора науки* отмечали такие варианты, как «в республике сложились научные школы в различных областях науки, за счет института научного наставничества может быть осуществлена передача накопленных знаний и практических навыков для реализации кадрового потенциала»; «без научного наставничества нельзя подготовить необходимое количество кадров»; «наставник вкладывает в ученика

знания и включает в коллективные работы, что способствует его росту»; «в жизни любого ученого может быть кризис, когда он готов уйти из науки, наставник может поддержать»; «помогает молодежи успешно реализовываться в выбранном направлении науки» и др. В свою очередь представителями *вузовского сектора* были указаны такие ответы, как «институт наставничества аккумулирует потенциальных ученых и помогает в результатах научных исследований»; «без наставничества кадровый потенциал замедляет темп»; «без научного наставничества не смогла бы полностью погрузиться в науку, найти столько времени и сил; сомневалась бы в себе»; «большее количество соискателей хочет заниматься наукой»; «если ученые не будут обучать своих учеников, то научные кадры иссякнут; у хорошего наставника должны быть последователи (люди вдохновленные, заинтересованные)»; «возникает преемственность, развитие коллегиальных отношений»; «создает условия для продвижения современных научных идей; способствует развитию научной школы» и др.

Изучив опыт работы научных руководителей (наставников), подготовивших кандидатов и/или докторов наук, были выявлены проблемы и противоречия в развитии института наставничества, которые могут оказывать непосредственное влияние на подготовку научных кадров высшей квалификации в условиях необходимости обеспечения научно-технологической безопасности страны и конкурентоспособности кадрового научного потенциала.

Абсолютное большинство опрошенных *экспертов-наставников НАН Беларуси* отметили наличие определенных проблем, противоречий, существующих в функционировании института наставничества академического сектора науки, в том числе отсутствие мотивации у молодежи для выбора научной сферы; недостаточное количество времени у научных руководителей на работу с аспирантами; падение престижа науки, невысокая значимость научной работы; отток кадров в более высокооплачиваемые отрасли; превалирование интереса к соискательству; нехватка научных лидеров; поколенческие проблемы («возрастной разрыв» между соискателем и наставником); краткосрочность выполняемых научных проектов и др. Большинство опрошенных *экспертов из числа руководящего состава организаций НАН Беларуси* (представители администраций научных учреждений и руководители отделов аспирантуры) также отметили наличие некоторых проблем и противоречий в развитии института наставничества: общее состояние научной сферы – проблемы ее востребованности, престижа, оплаты труда; недостаток наставников, сокращение их числа; «возрастной разрыв», возникший в 1990-е гг.; сокращение желающих поступить в аспирантуру; неформализованность института наставничества; проблема ответственности / заинтересованности научного руководителя; высокая загрузка потенциальных наставников; проблемы личностного плана – взаимоотношения с наставником; несовпадение формального руководителя и наставника и др.

Эксперты-наставники вузовского сектора отечественной науки среди проблем научного наставничества выделяют отсутствие отдельного финансирования научной школы; недостаток материально-технической базы; одновременную загруженность образовательной и научной деятельностью; большой объем документооборота. *Представители администрации университетской науки* (проректоры по научной работе, руководители отдела научно ориентированного образования) к проблемным аспектам рассматриваемого социального института отнесли демотивацию поступать в аспирантуру; формальные ограничения в требованиях в руководстве соискателей по отношению к научным руководителям; недостаток коммуникаций в системе «наставник–ментор»; старение кадров (наставников); отсутствие заинтересованности, мотивации наставника и др.

Заключение. Проанализировав некоторые ключевые аспекты функционирования института научного наставничества и его роль в системе подготовки научных кадров высшей квалификации, можно сделать следующие основные выводы.

Во-первых, наставничество в научной деятельности обеспечивает прежде всего профессиональную адаптацию, поддержку и помочь соискателю ученой степени, способствует высокому уровню трудовой мотивации, научной самореализации, а также формированию успешных «ролевых моделей ученых», развитию научных школ и преемственности поколений в науке.

Во-вторых, в результате социологического исследования было выявлено, что абсолютное большинство соискателей ученых степеней могут обращаться за помощью по научной работе

к своим коллегам при необходимости. Среди лиц, осваивающих первую и вторую ступени научно ориентированного образования, доля тех, кто удовлетворен аспектами взаимодействия со своим научным наставником, выше, чем среди тех, кто окончил аспирантуру / докторантuru, но еще не защитил диссертацию.

В-третьих, более половины опрошенных считают, что институт научного наставничества оказывает влияние на показатели воспроизведения кадрового потенциала науки Республики Беларусь. При этом значительная доля респондентов (41,7 %) указала, что институт наставничества не оказывает такого влияния. Наиболее важными условиями успешной защиты диссертации, связанными с институтом научного наставничества, являются помочь научного руководителя и заинтересованность акторов системы защиты диссертаций в соответствующей работе.

В-четвертых, анализ мнений экспертов академического и вузовского секторов белорусской науки показал, что ключевыми проблемными аспектами функционирования научного наставничества в академической и вузовской науке являются следующие: сокращение числа наставников; «возрастной разрыв» между наставником и учеником; отсутствие мотивации, интереса у молодых людей к поступлению в аспирантуру; отсутствие необходимого количества времени у наставников для передачи опыта; недостаточное финансирование научных исследований.

Таким образом, система функционирования института научного наставничества как форма поддержки и обеспечения профессиональной адаптации и развития научной карьеры ученого – один из эффективных механизмов воспроизведения научных кадров высшей квалификации. Преемственность поколений в научной сфере является важным условием проведения фундаментальных и прикладных исследований, укрепления и развития научного кадрового потенциала и научно-технологической безопасности государства. Институт научного наставничества в целом, а также главные продуценты научного знания – ученые (исследователи, научные сотрудники) выступают значимыми акторами популяризации науки, рекрутации прежде всего научной молодежи и кооптации новых поколений исследователей, подготовки научных кадров высшей квалификации и закрепления их в науке. Все это будет способствовать обеспечению устойчивого развития отечественной научной отрасли в условиях современных вызовов и кадровой конкурентоспособности в научно-технологической сфере на международном уровне.

Рекомендации. Результаты научно-исследовательской работы могут быть использованы в практической деятельности органов государственного управления наукой, руководством научных учреждений, организациями, обеспечивающими получение высшего и научно ориентированного образования, а также средствами массовой информации для популяризации профессии ученого и роли научного наставника в обществе с целью дальнейшего совершенствования системы подготовки и рекрутации научных кадров высшей квалификации. В качестве возможных мер дальнейшего изучения и развития института научного наставничества могут быть предложены следующие рекомендации.

Во-первых, организация социологического мониторинга с целью изучения роли научного наставничества, удовлетворенности различными аспектами и эффективностью взаимодействия соискателя ученой степени и наставника, выявления трудностей в процессе научной коммуникации наставника и менти, решения возникающих конфликтных ситуаций; проведение фундаментальных и прикладных сравнительных исследований, связанных с ролью научного наставничества в системе подготовки научных кадров высшей квалификации вузовского, академического и отраслевого секторов науки.

Во-вторых, совершенствование подготовки научных наставников, создание соответствующих курсов для обучения ученых, которые мотивированы на наставническую деятельность.

В-третьих, целенаправленная работа по популяризации успешных ролевых моделей наставников в науке, для привлечения новых генераций ученых и повышения престижа профессии ученого в целом.

В-четвертых, привлечение в качестве наставников большего количества женщин-ученых для формирования успешного «ролевого образа женщины-ученого» с целью транслирования опыта профессиональной самореализации женщин-ученых, что будет способствовать выбору девушками и женщинами науки в качестве профессиональной сферы самореализации.

В-пятых, осуществление сравнительного международного социологического исследования роли наставничества в системе подготовки научных кадров высшей квалификации Союзного государства России и Беларуси, стран СНГ для разработки дорожной карты эффективного функционирования института научного наставничества и обмена профессиональным опытом в условиях современных вызовов.

Благодарности. Статья подготовлена в рамках реализации НИР «Роль наставничества в системе подготовки научных кадров высшей квалификации в условиях цифровизации белорусского общества» при поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований (договор № Г23М-022 от 2 мая 2023 г.), научный руководитель – А. П. Соловей.

Acknowledgments. This article was prepared as part of the research project “The Role of Mentoring in the System of Training Highly Qualified Scientific Personnel in the Context of the Digitalization of Belarusian Society” with the support of the Belarusian Republican Foundation for Fundamental Research (agreement no. G23M-022 dated May 2, 2023). Supervisor – A. P. Solovei.

Список использованных источников

1. Программа совершенствования научной сферы Республики Беларусь: утв. постановлением НАН Беларуси, Гос. ком. по науке и технологиям Респ. Беларусь от 24 дек. 2013 г. № 5/25 // Национальная академия наук Беларуси. – URL: <http://nasb.gov.by/reference/razvitie/programma.pdf> (дата обращения: 12.08.2025).
2. О Государственной программе «Образование и молодежная политика» на 2021–2025 годы: постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 29 янв. 2021 г. № 57 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: http://pravo.by/upload/docs/op/C22100057_1612386000.pdf (дата обращения: 12.08.2025).
3. The science of effective mentorship in STEMM / ed.: A. Byars-Winston, M. L. Dahlberg. – Washington: The Nat. Academies Press, 2019. – XXVIII, 288 p. <https://doi.org/10.17226/25568>
4. Parsons, T. Working papers in the theory of action / T. Parsons, R. F. Bales, E. Shils. – New York: Free Press, 1953. – 269 p.
5. Megginson, D. Mentoring in action: a practical guide / D. Megginson, D. Clutterbuck. – 2nd ed. – London: Kogan Page, 2006. – 267 p.
6. О состоянии и перспективах развития науки в Республике Беларусь по итогам 2022 года: аналит. докл. / Гос. ком. по науке и технологиям Респ. Беларусь, НАН Беларуси; под ред. С. В. Шлычкова, В. Г. Гусакова. – Мн.: Бел. ин-т систем. анализа и информ. обеспечения науч.-техн. сферы, 2023. – 298 с.
7. Parsons, T. The social system / T. Parsons. – Glencoe: Free Press, 1952. – 575 p.
8. Merton, R. K. Social theory and social structure / R. K. Merton. – New York: Free Press, 1968. – 702 p.
9. Homans, G. C. Social behavior: its elementary forms / G. C. Homans. – New York: Harcourt, Brace & World, 1961. – 404 p.
10. Mead, G. H. Mind, self, and society / G. H. Mead. – 2nd ed. – Chicago: Univ. of Chicago Press, 1937. – 401 p.
11. Blumer, H. Symbolic interactionism: perspective and method / H. Blumer. – Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1969. – 208 p.
12. Вебер, М. Понимающая социология / М. Вебер; пер. с нем. М. Левиной – М.: ACT, 2021. – 480 с.
13. Schutz, A. The phenomenology of the social world / A. Schutz. – Evanston: Northwestern Univ. Press, 1967. – XXXVI, 255 p.
14. Garfinkel, H. Studies in ethnomethodology / H. Garfinkel. – Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1967. – 288 p.
15. Berger, P. L. The Social construction of reality: a treatise in the sociology of knowledge / P. L. Berger, T. Luckmann. – New York: Doubleday & Co, 1966. – 249 p.
16. Соловей, А. П. Институт научного наставничества: мнение соискателей ученых степеней Республики Беларусь / А. П. Соловей // Наука и инновации. – 2025. – № 6. – С. 63–68.

References

1. Program for improving the scientific sphere of the Republic of Belarus: resolution of the National Academy of Sciences of Belarus, State Committee for Science and Technology of the Republic of Belarus, December 24, 2013, no. 5/25 // *National Academy of Sciences of Belarus*. Available at: <http://nasb.gov.by/reference/razvitie/programma.pdf> (accessed 12.08.2025) (in Russian).
2. About the State Program “Education and Youth Policy” for 2021–2025: resolution of the Council of Ministers of the Republic of Belarus, January 29, 2021, no. 57. *National Legal Internet Portal of the Republic of Belarus*. Available at: http://pravo.by/upload/docs/op/C22100057_1612386000.pdf (accessed 12.08.2025) (in Russian).
3. Byars-Winston A., Dahlberg M. L. (eds.). The science of effective mentorship in STEMM. Washington, The National Academies Press, 2019. XXVIII, 288 p. <https://doi.org/10.17226/25568>
4. Parsons T., Bales R. F., Shils E. *Working papers in the theory of action*. New York, Free Press, 1953. 269 p.
5. Clutterbuck D., Megginson D. *Mentoring in action: a practical guide*. 2nd ed. London, Kogan Page, 2006. 267 p.
6. Shlychkov S. V., Gusakov V. G. (eds.). *On the state and prospects for the development of science in the Republic of Belarus based on the results of 2022: analytical report*. Minsk, Belarusian Institute of Systems Analysis and Information Support for Scientific and Technical Spheres, 2023. 298 p. (in Russian).

7. Parsons T. *The social system*. Glencoe, Free Press, 1952. 575 p.
8. Merton R. K. *Social theory and social structure*. New York, Free Press, 1968. 702 p.
9. Homans G. C. *Social behavior: its elementary forms*. New York, Harcourt, Brace & World, 1961. 404 p.
10. Mead G. H. *Mind, self, and society*. 2nd ed. Chicago, University of Chicago Press, 1937. 401 p.
11. Blumer H. *Symbolic interactionism: perspective and method*. Englewood Cliffs, Prentice-Hall, 1969. 208 p.
12. Weber M. *Understanding sociology*. Moscow, AST Publ., 2021. 480 p. (in Russian).
13. Schutz A. *The phenomenology of the social world*. Evanston, Northwestern University Press, 1967. XXXVI, 255 p.
14. Garfinkel H. *Studies in ethnomethodology*. Englewood Cliffs, Prentice-Hall, 1967. 288 p.
15. Berger P. L., Luckmann T. *The social construction of reality: a treatise in the sociology of knowledge*. New York, Doubleday & Company, 1966. 249 p.
16. Salavei A. P. Institution of scientific mentoring: opinion of the academic degree applicants in the Republic of Belarus. *Nauka i innovatsii = Science and Innovation*, 2025, no. 6, pp. 63–68 (in Russian).

Информация об авторе

Соловей Алеся Петровна – научный сотрудник отдела региональной социологии. Институт социологии, Национальная академия наук Беларусь (ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: alesia.salaviej@gmail.com. <https://orcid.org/0009-0002-4197-922X>

Information about the author

Alesia P. Solovei – Researcher of the Department of regional sociology. Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganov Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). E-mail: alesia.salaviej@gmail.com. <https://orcid.org/0009-0002-4197-922X>

ГІСТОРЫЯ

HISTORY

УДК 903.2(476)«637»
<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2026-71-1-39-45>

Поступила в редакцию 06.10.2025
Received 06.10.2025

Д. В. Портнов

Інститут истории Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

ПОМОРСКАЯ КУЛЬТУРА НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ

Аннотация. Статья посвящена комплексной систематизации и интерпретации материалов поморской культуры на территории Беларуси, сведения о которых имеют разрозненный характер. На основе анализа расположения памятников выделены два основных микрорегиона расселения – Брестский и Пинский. Определена специфика восточной периферии культуры, выраженная в доминировании подклешевых и ящичных погребений при отсутствии лицевых урн. Делается вывод об аллохтонном характере населения, а в качестве ключевой научной проблемы, вытекающей из проведенного анализа, обозначается вопрос об определении роли поморского субстрата в процессе формирования зарубинецкой культуры.

Ключевые слова: поморская культура, ранний железный век, археология Беларуси, Западное Полесье, подклешевые погребения

Для цитирования: Портнов, Д. В. Поморская культура на территории Беларуси / Д. В. Портнов // Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук. – 2026. – Т. 71, № 1. – С. 39–45. <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2026-71-1-39-45>

Dmitriy V. Portnov

Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

POMERANIAN CULTURE ON THE TERRITORY OF BELARUS

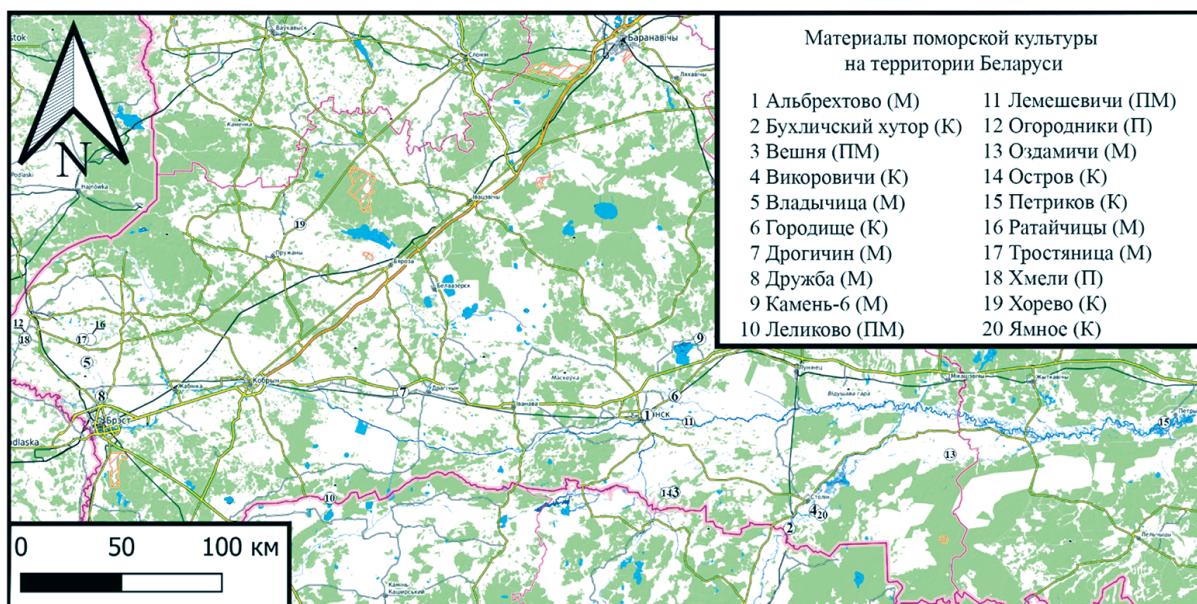
Abstract. This article focuses on the comprehensive systematization and interpretation of materials from the Pomeranian culture found on the territory of Belarus, information about which has previously been scattered. Based on a spatial analysis of the sites, two primary micro-regions of settlement are identified: the Brest and Pinsk areas. The study defines the specific characteristics of the culture's eastern periphery, which is marked by the dominance of bell-graves (cloche graves) and cist-graves alongside the absence of face-urns. The paper concludes that the population was allochthonous in nature and highlights a key scientific problem stemming from the analysis: the question of determining the role of the Pomeranian substrate in the formation of the Zarubintsy culture.

Keywords: Pomeranian culture, Early Iron Age, archaeology of Belarus, Western Polesia, bell-graves (cloche graves)

For citation: Portnov D. V. Pomeranian culture on the territory of Belarus. *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2026, vol. 71, no. 1, pp. 39–45 (in Russian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2026-71-1-39-45>

Введение. Территория Западного Полесья в раннем железном веке долгое время оставалась своего рода *locus inexploratus* в белорусской археологии. После исчезновения в регионе памятников тшинецкой культурной общности около XI в. до н. э. [1, с. 339] и вплоть до появления здесь в V в. до н. э. носителей поморской культуры образуется подлинный *vacuum historicum* – хронологическая лакуна продолжительностью почти в семь столетий. Вопрос о культурно-исторических процессах, происходивших в это время, остается открытым [2–4], что и определяет актуальность любых новых исследований по данному периоду.

Данное исследование основывается на материалах поморской культуры, обнаруженных на территории Беларуси. Хотя эти сведения были систематизированы автором в рамках диссертацион-

Карта памятников поморской культуры на территории Беларуси: М – могильник; П – поселение; ПМ – подъемный материал; К – керамика поморского типа с многослойных памятников

Map of Pomeranian culture sites on the territory of Belarus: M – Grave field; П – settlement; ПМ – surface finds; К – Pomeranian-type ceramics from multi-layered sites

ного исследования, в формате научной статьи они представляются широкой научной общественностью впервые. Основная задача исследования – анализ источников базы, определение специфики белорусских памятников и их места в общем ареале поморской культуры.

Проблема заключается в том, что за все время исследований было выявлено лишь около 20 объектов (рисунок), которые можно связать с данной культурной группой. Это количество резко контрастирует с сотнями памятников, известных на территории Польши. Такая ограниченность источников базы, а также тот факт, что за пределами своего основного ареала поморская культура теряет наиболее яркие черты (например, лицевые урны), привели к тому, что данная проблематика долгое время находилась на периферии научных интересов.

Таким образом, несмотря на фрагментарность источников базы, комплексный анализ и систематизация даже имеющихся материалов позволяют отметить основные контуры присутствия поморской культуры на территории Беларуси, выявить ее локальную специфику и обозначить ключевые проблемы для будущих исследований.

Основная часть. Основой для исследования послужил свод памятников поморской культуры на территории Беларуси, составленный автором в процессе подготовки диссертационной работы. В этот каталог вошли 20 объектов, информация о которых была извлечена из опубликованных научных работ, архивных отчетов и музейных коллекций. Следует отметить, что большинство этих памятников было открыто в середине XX века, а сведения о них имеют разрозненный характер. Критическая верификация и систематизация этих данных позволили сформировать единую источниковую базу, которая и легла в основу представленного ниже анализа.

Анализ расположения 20 объектов, включенных в каталог, выявляет неравномерный и четко структурированный характер расселения носителей поморской культуры на территории Беларуси. Вместо дисперсного или сплошного освоения региона памятники образуют два отчетливых ареала концентрации, разделенных значительной территорией, на которой находки поморского типа на сегодняшний день практически отсутствуют.

Эта биполярная структура позволяет выделить два основных микрорегиона, которые условно можно обозначить как **Брестский** (в западной части исследуемой территории) и **Пинский** (в восточной). Помимо этих двух ядер существует несколько памятников, расположенных за их пределами, которые имеют ключевое значение для понимания потенциальных путей миграции

и определения перспективных зон для будущих полевых работ. Последовательное рассмотрение этих групп позволяет выявить как общие черты, так и локальную специфику поморского населения в Западном Полесье.

Брестский микрорегион является *locus classicus* для изучения такого культурного явления, как поморская культура на территории Беларуси. Именно здесь, в бассейнах рек Лесная и Пульва, были сделаны первые находки, введенные в научный оборот еще в межвоенный период К. Салевичем, а позднее дополненные исследованиями Ю. В. Кухаренко [5; 6] и обобщенные в работах В. Б. Никитиной, включая ее диссертационное исследование [7–9]. Всего в пределах этой группы зафиксировано 6 памятников, 4 из которых подвергались раскопкам разной степени детальности.

Наиболее значимым и информативным объектом является могильник Тростяница. Исследования здесь выявили как минимум два типа погребальных конструкций: ящичное захоронение и подклешевое. Ящичное погребение представляло собой каменную конструкцию размером $2 \times 0,40 - 0,95$ м, внутри которой находилось 5 сосудов, но прах содержался лишь в одном [5, с. 10–11]. Второе, подклешевое, погребение содержало скопление кальцинированных костей, над которым располагался сосуд-клеш. Именно в этом комплексе были найдены ключевые датирующие артефакты: железные фибула и кольцо [5, с. 11–12]. Фибула, относящаяся к раннелатенскому духцовскому типу, позволяет датировать погребение периодом LtB (420–260 гг. до н. э.).

Важной особенностью памятника является наличие 22 ям, интерпретация которых остается дискуссионной. В их заполнении, помимо поморских материалов, присутствует керамика, которую ряд исследователей связывают с культурой штрихованной керамики (КШК) или культурами лесной зоны Восточной Европы [10, с. 97]. Эта ситуация указывает на сложные культурные контакты в регионе, хотя вопрос о путях и механизмах этих взаимодействий требует дальнейшего изучения.

Другие памятники региона изучены слабее. Могильники в Ратайцах и Владычице известны по случайным находкам, сделанным в 1920–1930-х гг. Конструкции, вероятно, ящичного типа были разрушены, а материал частично утрачен [11, с. 167–170]. Могильник Скорбичи (совр. д. Дружба), исследованный Ю. В. Кухаренко и В. Б. Никитиной, также является многослойным. Здесь было выявлено, как минимум, два разрушенных подклешевых погребения [6, с. 20; 7, с. 11]. Особое значение для этого памятника имеет недавняя находка в его окрестностях деревянного челна, радиоуглеродные даты которого (480–210 гг. до н. э.) совпадают с периодом бытования поморской культуры, что делает его важным хронологическим репером для всего региона [12, с. 72, 78].

Единственное исследованное поселение в этом микрорегионе – Кусичи (совр. д. Огородники). Здесь на площади 50 м² были открыты остатки наземного жилища неправильно-прямоугольной формы ($4,5 \times 4,0$ м) с каменной обкладкой по периметру и двумя очагами внутри. Материальный комплекс представлен преимущественно фрагментами керамики поморского типа [7, с. 4–6]. Еще один памятник, поселение Хмели, известен лишь по подъемному материалу и требует дальнейшей верификации [7, с. 6–7].

Таким образом, материалы Брестской группы свидетельствуют о наличии здесь небольшой, но устойчивой поселенческой сети. Погребальный обряд (ящичные и подклешевые захоронения) и датирующие материалы (фибула духцовского типа) соответствуют II–III fazam развития поморской культуры.

Пинский микрорегион, охватывающий бассейны рек Горынь, Пина, Припять, Стыр и Ясьльда, представляет собой значительно более сложную для анализа группу памятников. Интерес к этой территории как к возможному ареалу распространения поморской культуры возник в 1960-е гг. по инициативе Ю. В. Кухаренко [6; 13]. Однако, в отличие от Брестской группы, большинство из 9 объектов, относимых к этому региону, было открыто позднее и, что важно, не в ходе целенаправленных поисков, а опосредованно, при исследовании памятников других эпох. Этот факт, а также характер находок обусловливают необходимость критического подхода к источниковой базе.

Наиболее достоверные свидетельства происходят с памятника Городище (Пинский р-н), исследованного В. С. Вергей. Здесь, в заполнении позднейшей средневековой ямы, были обнаружены

крупные фрагменты толстостенного подклешевого сосуда с характерным орнаментом в виде налепных валиков с пальцевыми защипами. Хотя контекст находки нарушен, сама типология керамики позволяет уверенно связывать ее с поморской традицией [14, с. 5]. Другим важным объектом является могильник в Альбрехтово (г. Пинск), где в 1963 г. было зафиксировано случайное открытие урнового погребения, а последующие шурфовочные работы выявили культурный слой с аналогичной керамикой [13, с. 111].

В то же время большинство остальных памятников требует дальнейшей верификации. На могильнике Камень-6, по данным В. Ф. Исаенко, неолитический слой был поврежден урновыми погребениями поморского типа, однако ни их точное местоположение, ни сам керамический материал не были опубликованы [15; 16]. Для целого ряда объектов (Остров, Вешня, Лемешевичи, Викоровичи, Ямное, Бухличский хутор) принадлежность к поморской культуре была определена позднее, в ходе лабораторной обработки коллекций подъемного материала, собранного при изучении многослойных поселений. Информация об этих находках часто имеет краткий, упоминательный характер [17–21], что не позволяет на данном этапе уверенно судить о масштабах и характере поморского присутствия на этих памятниках.

Таким образом, Пинский микрорегион, несмотря на большее число формально выявленных объектов, характеризуется высокой степенью научной неопределенности. Достоверно зафиксировано наличие здесь подклешевых и урновых погребений, однако отсутствие надежных датирующих материалов и контекста для большинства находок не позволяет сделать далекоидущих выводов. Важной особенностью региона является его расположение на стыке с ареалом мицградской культуры, что ставит вопрос о характере взаимоотношений этих двух культурных образований, но для его решения необходимы дальнейшие целенаправленные исследования.

Помимо двух описанных ареалов существует 5 памятников, расположенных в значительном отрыве от них, в центральной части Западного Полесья и восточнее. Эти объекты имеют ключевое значение, поскольку они указывают на потенциально более широкое распространение поморской культуры и маркируют перспективные зоны для будущих поисков.

К наиболее важным из них относятся могильники Дрогичин и Оздамичи. На первом, исследованном Ю. В. Кухаренко и В. Б. Никитиной, было открыто пять погребений, включая подклешевое, урновое и три ямных, что демонстрирует разнообразие погребальной обрядности [5, с. 2–6]. Второй могильник в Оздамичах, открытый В. С. Вергей, важен в первую очередь благодаря находке фрагментов раннелатенской фибулы духцовского типа [22, с. 3–4]. Наличие идентичного хронологического маркера в Брестском регионе (могильник Тростяница) и здесь, в центральной части Полесья, позволяет выдвинуть *propositio cautiously* об относительно одновременном и быстрым освоении поморским населением всей территории Юго-Западной Беларуси.

Самым восточным пунктом на сегодняшний день является многослойное поселение Петриков (Гомельская обл.), где В. С. Вергей и В. Г. Белевцом была выделена немногочисленная, но типологически выразительная поморская керамика, находящая прямые аналогии материалам из Пинской группы (Городище) [23, с. 170]. Памятники же Хорево и Леликово известны лишь по упоминаниям об обнаружении в их коллекциях поморской керамики Л. Д. Поболем и В. С. Вергей, и их статус требует дополнительной верификации [18, с. 78; 19, с. 8–9; 6, с. 21].

Таким образом, наличие памятников в «разрыве» между Брестским и Пинским регионами, а также далеко на востоке свидетельствует о том, что существующая картина расселения является неполной и отражает скорее степень археологической изученности территории, нежели реальные границы поморского освоения. Центральная часть Западного Полесья, таким образом, представляет собой наиболее перспективную зону для целенаправленных разведок, которые могут в будущем существенно дополнить и изменить наши представления о масштабах присутствия поморской культуры на территории Беларуси.

Анализ материалов, происходящих с территории Беларуси, позволяет выделить ряд локальных особенностей, отличающих восточную периферию поморской культуры от ее центральных областей. Наиболее ярко эта специфика проявляется в погребальном обряде. На белорусских памятниках абсолютно доминируют подклешевые и ящичные погребения, в то время как лицевые урны – наиболее известный и выразительный маркер культуры – практически отсутствуют.

Кроме того, все исследованные на данный момент захоронения являются индивидуальными. Коллективные «семейные» гробницы, столь характерные для Балтийского Поморья, здесь пока не выявлены. Это может свидетельствовать об определенных отличиях в социальной структуре или о более слабом влиянии тех культурных импульсов, которые привели к появлению лицевых урн в ядре культуры.

Проблемы хронологии также имеют свою специфику. Из-за бедности инвентаря датировка большинства комплексов остается затруднительной. Основными хронологическими реперами на сегодняшний день служат единичные находки фибул духцовского типа (Тростяница, Оздамичи), относящие присутствие поморского населения ко II–III fazam по периодизации С. Чопека (V–III вв. до н. э.). Важным дополнением к ним является радиоуглеродная дата по челну из окрестностей могильника Скорбичи, которая в целом подтверждает этот хронологический диапазон.

Поморское население на территории Беларуси не существовало в вакууме. Пространственный анализ показывает, что ареал его расселения тесно соседствовал и, вероятно, пересекался с памятниками милоградской культуры и культуры штрихованной керамики (КШК). Наличие «чужеродной» керамики в заполнении ям на могильнике Тростяница является прямым свидетельством этих контактов. Характер этого взаимодействия (торговля, культурный обмен, конфронтация) остается неясным и представляет собой одну из ключевых проблем для будущих исследований. Решение этого вопроса позволит понять, какое место занимали пришлые поморские группы в сложной этнокультурной мозаике раннего железного века на территории Беларуси.

Заключение. Комплексный анализ доступных на сегодняшний день материалов поморской культуры, предпринятый в рамках данного исследования, позволяет сделать ряд ключевых выводов.

Во-первых, присутствие этого населения на территории Беларуси не было сплошным, а имело четкую bipolarную структуру с концентрацией памятников в двух микрорегионах – Брестском и Пинском. Наличие значительной, но археологически слабоизученной территории между ними свидетельствует не столько о границах расселения, сколько о недостаточной степени исследованности региона.

Во-вторых, белорусские материалы демонстрируют ряд локальных особенностей. Ключевой из них является специфика погребального обряда, где доминируют подклещевые и ящичные захоронения при практическом отсутствии лицевых урн и коллективных семейных гробниц. Это позволяет характеризовать поморское население на восточной периферии как носителя несколько редуцированного, по сравнению с ядром культуры, варианта традиций. Имеющиеся хронологические маркеры указывают на то, что освоение региона началось не ранее V в. до н. э. и, вероятно, было достаточно быстрым, а сам характер культуры носил аллохтонный характер.

Наконец, ключевой научной проблемой, вытекающей из данного исследования, является вопрос об исчезновении поморской культуры на территории Беларуси. Имеющиеся данные позволяют датировать этот процесс концом III в. до н. э. Эта дата хронологически точно совпадает с появлением в регионе зарубинецкой культуры, на что обращал внимание еще Ю. В. Кухаренко [24]. Этот процесс следует рассматривать не в изоляции, в отличие от свойственного предшествующей исследовательской традиции изолированного подхода, а в контексте глобальных перемен, происходивших в это время в Центральной Европе, – масштабной миграции ясторфских племен, которая привела к распаду поморской общности на ее основных территориях. Таким образом, вопрос о конкретных механизмах трансформации поморского субстрата и его роли в генезисе зарубинецкой культуры становится центральным для понимания этнокультурных процессов раннего железного века в Западном Полесье и требует дальнейших целенаправленных полевых исследований.

Спісок іспользоўваних істочнікоў

1. Крывальцэвіч, М. М. Тышненская культура / М. М. Крывальцэвіч // Археология Беларусі: у 4 т. / НАН Беларусі, Ін-т гісторыі. – Мн., 1997. – Т. 1: Каменны і бронзавыя вякі / навук. рэд.: М. М. Чарняўскі, А. Г. Калечыц. – С. 330–339.
2. Крывальцэвіч, М. М. Праблема перыядызацыі і храналогіі эпохі бронзы на тэрыторыі Паўднёвой Беларусі / М. М. Крывальцэвіч // Гістарычна-археалагічны зборнік / НАН Беларусі, Ін-т гісторыі. – Мн., 2006. – Вып. 22. – С. 39–52.

3. Крывальцэвіч, М. М. З даследаванняў позняга перыяду эпохі бронзы на поўдні Беларусі / М. М. Крывальцэвіч // *Zmierzch kompleksu trzciniecko-komarowskiego. Krztałtowanie się nowej rzeczywistości kulturowej w śródowej i młodziej epoce brązu* / Inst. Archeologii UMCS; pod red. H. Taras. – Lublin, 2006. – S. 123–131.
4. Крывальцэвіч, М. М. Праблематыка археалогіі бронзавага веку Палесся ў працах Уладзіміра Фёдаравіча Ісаенкі / М. М. Крывальцэвіч // *Матэрыялы па археалогіі Беларусі: зб. навук. арт.* / НАН Беларусі, Ін-т гісторыі. – Мн., 2019. – Вып. 30: *Даследванні беларускіх старажытнасцей*. – С. 92–103.
5. Кухарэнко, Ю. В. Отчет о полевых исследованиях за 1962 г. / Ю. В. Кухарэнко, В. Б. Никитина. – М., 1963. – 75 л. – Архив Ин-та истории НАН Беларуси. ФАНД. Апр. № 179.
6. Кухарэнко, Ю. В. Памятники железного века на территории Полесья / Ю. В. Кухарэнко. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – 70 с. + 46 л.
7. Никитина, В. Б. Отчет о полевых исследованиях за 1963 г. / В. Б. Никитина. – М., 1964. – 27 л. – Архив Ин-та истории НАН Беларуси. ФАНД. Апр. № 212.
8. Нікіціна, В. Б. Помнікі паморскай культуры на тэрыторыі БССР / В. Б. Нікіціна // Весці Акадэміі навук БССР. Серыя грамадскіх навук. – 1964. – № 2. – С. 69–77.
9. Никитина, В. Б. Поморская культура: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.00 / Никитина Валентина Брониславовна. – М., 1964. – 520 л.
10. Белявец, В. Г. Грунтовы могільнік у Трасцяніцы – невядомыя вынікі раскопак палескай экспедыцыі 1962 г. / В. Г. Белявец // *Гістарычна-археалагічны зборнік* / НАН Беларусі, Ін-т гісторыі. – Мн., 2004. – Вып. 19. – С. 87–114.
11. Salewicz, K. Nowe wykopaliska w pow. Brzeskim / K. Salewicz // *Z otchłani wieków*. – 1937. – R. 12, z. 7–8. – S. 166–170.
12. Ашэйчык, В. У. Рэшткі драўлянага чоўна з-пад в. Скорбічы (Дружба) у Беларускім Пабужжы / В. У. Ашэйчык, В. Г. Белявец // Часопіс Беларускага дзяржаўнага ўніверсітета. Гісторыя. – 2020. – № 3. – С. 72–82. <https://doi.org/10.33581/2520-6338-2020-3-72-82>
13. Кухарэнко, Ю. В. Из разведок в Полесье / Ю. В. Кухарэнко // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии / АН СССР. – М., 1966. – Вып. 107: Археологические памятники раннего железного века. – С. 111–113.
14. Вергей, В. С. Отчет о полевых исследованиях в Пинском районе Брестской области в 1987 г. / В. С. Вергей. – Мн., 1988. – 95 л. – Архив Ин-та истории НАН Беларуси. ФАНД. Апр. № 1091.
15. Исаенко, В. Ф. Отчет о полевых исследованиях за 1982 г. / В. Ф. Исаенко. – Мн., 1983. – 50 л. – Архив Ин-та истории НАН Беларуси. ФАНД. Апр. № 795.
16. Исаенко, В. Ф. Работы в Полесье / В. Ф. Исаенко // Археологические открытия 1982 года: сб. ст. / АН СССР, Ин-т археологии; отв. ред. Б. А. Рыбаков. – М., 1984. – С. 357–358.
17. Вергей, В. С. Западный ареал милоградской культуры / В. С. Вергей // Гістарычна-археалагічны зборнік / Ін-т гісторыі АН Беларусі. – Мн., 1995. – Вып. 7. – С. 83–100.
18. Вяргей, В. С. Помнікі паморскай культуры на Беларусі / В. С. Вяргей // Археология Беларусь: у 4 т. / НАН Беларусі, Ін-т гісторыі. – Мн., 1999. – Т. 2: Жалезні век і ранніе сярэднявеччя / навук. рэд.: В. І. Шадыра, В. С. Вяргей. – С. 75–85.
19. Исаенко, В. Ф. Отчет о полевых исследованиях за 1963 г. / В. Ф. Исаенко. – Мн., 1964. – 134 л. – Архив Ин-та истории НАН Беларуси. ФАНД. Апр. № 160.
20. Исаенко, В. Ф. Отчет о полевых исследованиях за 1964 г. / В. Ф. Исаенко. – Мн., 1965. – 92 л. – Архив Ин-та истории НАН Беларуси. ФАНД. Апр. № 233.
21. Поболь, Л. Д. Славянские древности Белоруссии: свод археологических памятников раннего этапа зарубинецкой культуры – с середины III в. до н. э. по начало II в. н. э. / Л. Д. Поболь. – Мн.: Наука и техника, 1974. – 423 с.
22. Вяргей, В. С. Справаздача аб палявых даследаваннях у Столінскім раёне ў зоне будаўніцтва проціпаводковых дамбаў каля в. Цераблічы, Аздамічы, Кароцічы / В. С. Вяргей. – Мн., 1998. – 32 л. – Архіў Ін-та гісторыі НАН Беларусі. ФАНД. Апр. № 1662.
23. Белявец, В. Г. Матэрыялы жалезнага веку з селішча Петрыкаў-2 / В. Г. Белявец, В. С. Вяргей // История вещей – история и вещи: к 60-летнему юбилею И. О. Гавритухина / Рос. акад. наук, Ин-т археологии; отв. ред. А. М. Обломский. – М., 2020. – С. 168–183. – (Раннеславянский мир. Археология славян и их соседей; вып. 20).
24. Кухарэнко, Ю. В. Зарубинецкая культура / Ю. В. Кухарэнко. – М.: Наука, 1964. – 67 с. – (Свод археологических источников / АН СССР, Ин-т археологии; под общ. ред. Б. А. Рыбакова; вып. Д 1–19).

References

1. Kryval'tsevich M. M. Trzciniec culture. *Archaeology of Belarus: in 4 volumes. Vol. 1. Stone and Bronze Ages*. Minsk, 1997, pp. 330–339 (in Belarusian).
2. Kryval'tsevich M. The issues of periodization and chronology of Bronze Age on the territory of southern Belarus. *Gistarychna-arkhealagichny zbornik = Historical-Archaeological Collection*. Minsk, 2006, iss. 22, pp. 39–52 (in Belarusian).
3. Kryval'tsevich M. M. From the studies of the late period of the Bronze Age in the south of Belarus. *Zmierzch kompleksu trzciniecko-komarowskiego. Krztałtowanie się nowej rzeczywistości kulturowej w śródowej i młodzej epoce brązu*. Lublin, 2006, pp. 123–131 (in Belarusian).
4. Kryval'tsevich M. M. Problems of the Bronze Age archaeology of Polissia in the works of Vladimir Fyodorovich Isaenko. *Materyyaly pa arkheologii Belarusi: zbornik navukovykh artykulau. Vyp. 30: Dasledvanni belaruskikh starazhytnastsei*

- [Materials on the archaeology of Belarus: collection of scientific articles. Issue 30. Studies of Belarusian antiquities]. Minsk, 2019, pp. 92–103 (in Belarusian).
5. Kukharenko Yu. V., Nikitina V. B. Report on field research in 1962. Moscow, 1963. 75 p. *Archive of the Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus*. FAND, no. 179 (in Russian).
 6. Kukharenko Yu. V. *Iron Age sites on the territory of Polissia*. Moscow, Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1961. 116 p. (in Russian).
 7. Nikitina V. B. Report on field research in 1963. Moscow, 1964. 27 p. *Archive of the Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus*. FAND, no. 212 (in Russian).
 8. Nikitsina V. B. Sites of the Pomeranian culture on the territory of the BSSR. *Vestsi Akademii navuk BSSR. Seryya gramadskikh navuk* [Proceedings of the Academy of Sciences of the BSSR. Social Sciences Series], 1964, no. 2, pp. 69–77 (in Belarusian).
 9. Nikitina V. B. *Pomeranian culture*. Ph. D. Thesis. Moscow, 1964. 520 p. (in Russian).
 10. Beliavets V. G. Flat bureal field near Trastsianitsa – the unknown results of archaeological expedition to Palessie in 1962. *Gistarychna-arkhealagichny zbornik = Historical-Archaeological Collection*. Minsk, 2004, iss. 19, pp. 87–114 (in Belarusian).
 11. Salewicz K. Nowe wykopaliska w pow. Brzeskim. *Z otcłaniami wieków*, 1937, vol. 12, iss. 7–8, pp. 166–170 (in Polish).
 12. Asheichyk V. U., Beliavets V. G. The remains of a prehistoric dugout from Skorbičy (Družba) Village in the Buh River region. *Chasopis Belaruskaga dzyarzhaunaga universiteta. Gistoryya = Journal of the Belarusian State University. History*, 2020, no. 3, pp. 72–82 (in Belarusian). <https://doi.org/10.33581/2520-6338-2020-3-72-82>
 13. Kukharenko Yu. V. From explorations in Polissia. *Kratkie soobshcheniya o dokladakh i polevykh issledovaniyakh Instituta arkeologii. Vyp. 107. Arkheologicheskie pamyatniki rannego zheleznogo veka* [Brief communications of the Institute of Archaeology. Iss. 107. Archaeological monuments of the early Iron Age]. Moscow, 1966, pp. 111–113 (in Russian).
 14. Vergei V. S. Report on field research in the Pinsk district of the Brest region in 1987. Minsk, 1988. 95 p. *Archive of the Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus*. FAND, no. 1091 (in Russian).
 15. Isaenko V. F. Report on field research in 1982. Minsk, 1983. 50 p. *Archive of the Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus*. FAND, no. 795 (in Russian).
 16. Isaenko V. F. Work in Polissia. *Arkheologicheskie otkrytiya 1982 goda: sbornik statei* [Archaeological discoveries of 1982: collection of articles]. Moscow, 1984, pp. 357–358 (in Russian).
 17. Vergei V. S. The western area of the Milograd culture. *Gistarychna-arkhealagichny zbornik = Historical-Archaeological Collection*. Minsk, 1995, iss. 7, pp. 83–100 (in Russian).
 18. Vyargei V. S. Sites of the Pomeranian culture in Belarus. *Archaeology of Belarus: in 4 volumes. Vol. 2. Iron Age and Early Middle Ages*. Minsk, 1999, pp. 75–85 (in Belarusian).
 19. Isaenko V. F. Report on field research in 1963. Minsk, 1964. 134 p. *Archive of the Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus*. FAND, no. 160 (in Russian).
 20. Isaenko V. F. Report on field research in 1964. Minsk, 1965. 92 p. *Archive of the Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus*. FAND, no. 233 (in Russian).
 21. Pobel' L. D. *Slavic antiquities of Belarus: a collection of archaeological monuments of the early stage of the Zarubintsy culture – from the middle of the 3rd century BC to the beginning of the 2nd century AD*. Minsk, Nauka i tekhnika Publ., 1974. 423 p. (in Russian).
 22. Vyargei V. S. Report on field research in the Stolin district in the zone of construction of anti-flood dams near the villages of Tereblichy, Ozdamichy, Korotichy. Minsk, 1998. 32 p. *Archive of the Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus*. FAND, no. 1662 (in Belarusian).
 23. Beliavets V. G., Viarhej V. S. Iron Age materials from the settlement of Petrikov-2. *The history of things – history and things: on the 60th anniversary of I. O. Gavritukhin. Early Slavic world. Archaeology of the Slavs and their neighbors. Issue 20*. Moscow, 2020, pp. 168–183 (in Belarusian). <https://doi.org/10.25681/IARAS.2020.978-5-94375-325-1.168-183>
 24. Kukharenko Yu. V. *The Zarubintsy culture. Collection of archaeological sources. Issue D 1–19*. Moscow, Nauka Publ., 1964. 67 p. (in Russian).

Інформація об авторе

Портнов Дмитрий Валерьевич – аспирант, младший научный сотрудник отдела археологии первобытного общества. Институт истории, Национальная академия наук Беларусь (ул. Академическая, 1, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: dpartnou@gmail.com. <https://orcid.org/0009-0002-7490-3117>

Information about the author

Dmitriy V. Portnov – Postgraduate student, Junior Researcher of the Department of Prehistoric Archaeology. Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus (1 Akademicheskaya Str., Minsk 220072, Belarus). E-mail: dpartnou@gmail.com. <https://orcid.org/0009-0002-7490-3117>

МОВАЗНАЎСТВА
LINGUISTICS

УДК 811.161.3'37:27:23
<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2026-71-1-46-52>

Паступіў у рэдакцыю 30.09.2025
Received 30.09.2025

П. С. Басалыга

*Цэнтр даследавання беларускай культуры, мовы і літаратуры Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі,
Мінск, Беларусь*

**ЛЕКСІКАГРАФІЧНЫ ПАДЫХОД ДА РАЗМЕЖАВАННЯ БІБЛЕІЗМАЎ
І РЭЛІГІЙНАЙ ЛЕКСІКІ**

Аннотация. Обоснована необходимость чёткого разграничения религиозной лексики и библеизмов, а также аргументировано создание толкового словаря библеизмов белорусского языка. Выделены существенные дифференциальные черты религиозных и библейских языковых единиц на нескольких языковых уровнях. Представлены взаимоотношения названных единиц в языке посредством моделирования. Показаны расхождения значений отдельных слов, общих для религиозной и библейской семиотической систем, а также продемонстрированы новые значения и оттенки значений библеизмов в фактическом материале.

Ключевые слова: библеизм, религиозная лексика, лексикография, семантика

Для цитирования: Басалыга, П. С. Лексікаграфічны падыход да размежавання біблеізмаў і рэлігійнай лексікі / П. С. Басалыга // Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук. – 2026. – Т. 71, № 1. – С. 46–52. <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2026-71-1-46-52>

Polina S. Basalyga

*Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus,
Minsk, Belarus*

**LEXICOGRAPHIC APPROACH TO DISTINGUISHING BETWEEN BIBLICAL
AND RELIGIOUS VOCABULARY**

Abstract. The article identifies the main differences between biblical and religious vocabulary in terms of differences in their semiotic systems. By comparing the meanings of lexemes in religious and explanatory dictionaries and in actual use, the semantic differences between biblical and religious units in different worldviews are shown. Using modeling, the commonality of semantically similar fields is revealed. An algorithm is presented to identify whether a lexeme belongs to religious or biblical discourses. The essential reasons for the need for lexicographic study of biblical vocabulary in the modern Belarusian language are identified.

Keywords: biblicism, religious vocabulary, lexicography, semantics

For citation: Basalyga P. S. Lexicographic approach to distinguishing between biblical and religious vocabulary. *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2026, vol. 71, no. 1, pp. 46–52 (in Belarusian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2026-71-1-46-52>

Уводзіны. Мова – глабальная семіятычная сістэма, унутры якой знаходзяцца падсістэмы са сваімі семіётыкамі, нават калі знакі ў іх фармальна падобныя паміж сабой. Семіятычныя прасторы Святога Пісьма, рэлігіі і наіўнай свядомасці перасякаюцца роўна так, як і адрозніваюцца. Не сакрэт, што першаапостальская царква не ведала большасці тых адзінак, якія цяпер у рэлігійным хрысціянскім дыскурсе з'яўляюцца ключавымі¹. Для лексікаграфіі пытанне размежавання рэлі-

гійнай і біблейскай лексікі бачыцца істотным з прычыны моўна-філасофскіх адрозненняў гэтых лексіка-семантычных палёў (ЛСП) і практычнай неабходнасці выводзіць дэфініцыі ўказанных адзінак. З улікам факта навуковых розначытанняў такіх паняццяў, як *біблейская, рэлігійная і царкоўная лексіка*, неабходна абазначыць крытэрыі адрознення біблейскіх і рэлігійных адзінак. Вырашэнне праблемы функцыянальна-стылістычных памет таксама залежыць ад адказу на пытанні: наколькі адrozніваюцца і наколькі падобныя ў лексікаграфічным аспекте біблейскія і рэлігійныя лексемы?

У такой жа ступені значным з'яўляецца факт наяўнасці ў беларускім мовазнаўстве слоўнікаў рэлігійной лексікі і адсутнасці такіх выданняў з біблейзамі¹. Сярод беларускамоўных лексіка-графічных выданняў, што маюць у фокусе рэлігійную лексіку, назавём «Рэлігійны слоўнік стара-беларускай мовы» І. Будзько (2003), «Кароткі царкоўнаславянска-беларускі слоўнік праваслаўнай лексікі» С. Гордун (2022), «Энцыклапедычны слоўнік рэлігійной лексікі беларускай мовы» У. Завальнюка, М. Прыгодзіча і В. Раманцэвіч (2013). Адзначым, што ў рэестр гэтага энцыклапедычнага слоўніка ўвайшла міфалагічная (*вампір, Зюзя, лары і пад.*), філософская (*агнастыцызм, дуалізм, піфагарэізм і пад.*) лексіка і тая, што не мае дачынення да хрысціянства (*ведызм, зорастрызм, ісламізм, крышнаіты і пад.*).

Біблія з'яўляецца найаўтарытэтнейшым тэкстам у хрысціянскіх канфесіях, і, нягледзячы на герменеўтычныя адrozненні разумення гэтага тэксту, асноўныя біблейскія адзінкі маюць патрэбу ў іх лексікаграфаванні асобным выданнем, адрасаваным не толькі вернікам. Пад біблейскай лексікай тут разумеюцца не толькі лексемы, якія функцыянуюць выключна ў тэкстах Бібліі, а тыя, што ўжываюцца і ў секулярызаваных дыскурсах. Навуковая і культурная каштоўнасць у стварэнні лексікаграфічнага выдання па біблейзамах заключаецца ў захаванні менавіта біблейской сутнасці іх значэнняў. На наш погляд, крыніца з біблейскімі лексемамі, фраземамі, выказваннямі і нават ЗФА зможа данесці да сучаснага чалавека не толькі арфаграфічна і стылістычна правільныя варыянты гэтых адзінак, але і іх першасную семантыку.

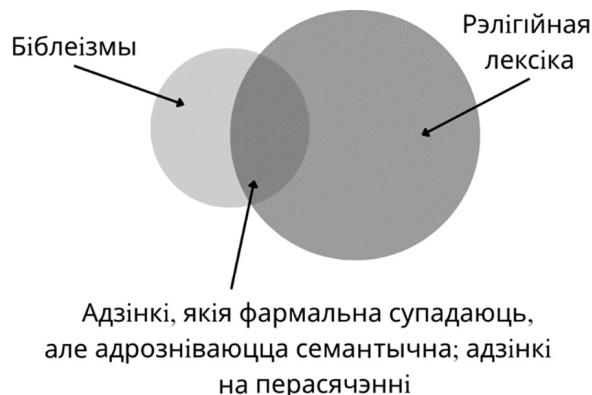
Асноўная частка. Сувязі біблейскіх і рэлігійных адзінак у практыцы маўлення прасцей за ўсё ўбачыць у стылістычным аспекте, а менавіта ў канфесійным стылі. Яшчэ ў пачатку 1990-х гг. У. В. Аніченка ўказаў на спалучэнне ў ім (паводле даследчыка – канфесіянальным стылі) моўных сродкаў розных стыляў [2, с. 89]. Тэкст Бібліі, у прыватнасці асобных яе Кніг (гістарычныя, паэтычныя, павучальныя і пад.), стылістычна разнастайны (парайён. Кнігі Другазаконня і Песні Песняў). Такі стан рэчаў зноў жа ўплывае на разнароднасць біблейзаму: яны ўваходзяць у нашмат большую колькасць стыляў, чым толькі канфесійны. Фактычны матэрыял² ужывання біблейзаму у сучаснай беларускай мове пацвярджае гэта.

Моўнымі адзнакамі канфесійнага стылю, паводле меркавання лінгвістаў, з'яўляюцца «стажытныя геаграфічныя назвы рэлігійнага характару» [3, с. 55]: *Іардан, мора Галілейскае, Віфлем, Галгофа* і інш. Гэтыя онімы фігуруюць у Бібліі і непасрэдна датычацца біяграфіі Іісуся Хрыста – у адпаведных кантэкстах яны з'яўляюцца біблейзамі (захоўваюць сувязь з біблейскім сюжэтам, а не толькі ўжываюцца ў гістарычным, геаграфічным дыскурсах). Да такіх жа моўных адзінак адносяцца «уласныя назвы – імёны святых і іншых біблейскіх асоб» [3, с. 55] (імёны кананізаваных царквой людзей і антрапонімы біблейскіх герояў), «назвы свят» [3, с. 55], сярод якіх могуць быць і біблеймы (*Пасха і свята праснакаў*), і назвы рэлігійных свят (*Покрыў Найсвяцейшай Багародзіцы*). Акрамя таго, прыкметамі стылю з'яўляюцца біблейскія (*срэбралюбства, памазанік*), рэлігійныя (*усячэнная, баганосны*) і тыя лексемы, што ўваходзяць у лексіка-семантычныя палі і рэлігіі, і біблейзаму (*анёл-праведнік, многаміласцівы, прароцства, Марыя*) [3, с. 55–58]. Значыць, адзінкі біблейскага паходжання з'яўляюцца часткай утваральных сродкаў канфесійнага стылю, што ўказвае на цесную сувязь рэлігійных і біблейскіх адзінак.

Адзначым, што біблейская лексіка ў слоўніках і вучэбных дапаможніках мае паметы *уст., кніжн. або высок.*, аднак выбраны фактычны матэрыял свядчыць і пра іншую канатацуно біблейскай

¹ «Біблейзм – моўная / маўленчая адзінка біблейскага паходжання, семантычна звязаная з біблейскім вобразам ці сюжэтам, якая ўжываецца ў маўленні або зафіксавана ў лексікаграфічнай крыніцы» [1, с. 60].

² Нацыянальны корпус беларускай мовы (Беларускі N-корпус) (<https://bnkorpus.info/index.html>).

Семантычная сущесенасць біблейской і рэлігійной лексікі

Semantic correlation of biblical and religious vocabulary

лексікі. Так, рэлігійныя і біблейскія лексемы могуць мець харктар узвышанаасці і кніжнаасці, а могуць ужывацца без такой канатацыі; могуць быць храналагічна маркіраванымі, а могуць актыўна функцыянуваць у сучаснай мове. Пэўная частка біблейсамаў усё ж знайшла сваё адлюстраванне ў тлумачальных слоўніках па прычыне іх частотнаасці ў маўленні, аднак праз іх недастатковую лексікаграфічную распрацаванасць іх дэфініцыі або паметы могуць разыходзіцца з рэальным функцыянуваннем. У ТСБЛМ (2022), напр., слова *дзесяціна* (у 2-м знач.) з'яўляецца гістарызмам, што супярэчыць сучаснай практицы маўлення «*кожны вернік павінен строга выконваць пяць царкоўных правілаў... прычаинчыца на Вялікодзень, плаціць дзесяціну на царкоўныя патрэбы*» («Звязда», 2017), «*Сабе адкладай дзесяціну*» («Звязда», 2017).

На лексічным узроўні можна вывесці выключна біблейскую, выключна рэлігійную і агульную лексіку. Прывкладам агульнай для лексіка-семантычных палёў Бібліі і рэлігіі з'яўляюцца лексемы *малітва*, *Пасха*, *святар*, *храм*, *пост*, *спакуса*, *псалом*, *хрысціяне* і інш. Да біблейской лексікі адносяцца слова *Армагедон*, *садукей*, *ерыхонская труба*, *левіяфан*, *Скінія*, *сёмая пячатка*, *каўчэг запавету*; да рэлігійнай – *хросныя бацькі*, *акафіст*, *ікона*, *архімандрит*, *экзарх*, *Пацярык*, *Служэбнік*, *Сімвал веры*. Частка рэлігійных лексем паходзіць з Бібліі, аднак далёка не ўсе. Для адмежавання рэлігійнай лексемы ад біблейской, на нашу думку, неабходна выявіць наяўнасць гэтай адзінкі ў тэксце Бібліі, паширанасць ужывання ў рэлігійным дыскурсе і супаставіць яе значэнні ў тэксце Святога Пісьма (біблейскія слоўнікі, напр., БЭБ, БС) і ў рэлігійным кантэксце (слоўнікі рэлігійной лексікі). Адзінкі, біблейскае паходжанне якіх не можа быць даказана тэксцам Святога Пісьма, але якія часткова захоўваюць біблейскую семантыку, знаходзяцца на перасячэнні біблейскага і рэлігійнага семантычных палёў (малюнак): *анёл-ахоўнік*, *сем смяротных грахоў* і інш. Тэкст Бібліі змяшчае лексему *анёл (ангел)* і выраз *грэх да смерці*, аднак у ім няма выразаў *анёл-ахоўнік* і *сем смяротных грахоў*.

Зона семантычнага несупадзення фармальна аднолькавых лексем невялікая ў парыўнанні з двумя ЛСП, якія не перасякаюцца. Выразна бачна адрозненне дэфініцый такіх адзінак пры лексікаграфічным аналізе. Да прывкладу, тлумачэнне дзеясловаў *спавядальнік* – *спавядальніца* ў біблейскім слоўніку змяшчае спасылкі не толькі на біблейскія вершы, якія ўказваюць на прызнанне грахоў перад святаром, але і прызнанне іх адзін перад адным (Іакава 5:16), наўпрост перад Богам (Псалтыр 31:5; Даніїла 9:4–5). У той жа час рэлігійныя слоўнікі фіксуюць толькі ўказанне на прызнанне грахоў перад святаром / духоўнікам. Присутнасць святара з'яўляецца неабходнай умовай споведзі ў строга рэлігійным значэнні (РССМ, ЭСРЛ). Падобных прывкладаў дастатковая колькасць, каб адзначыць, што часта фармальна аднолькавыя адзінкі ў Бібліі і адзінкі ў рэлігійным дыскурсе адрозніваюцца семантычна (параўн. ніжэй табл. 1–3, а таксама *блаславенне (благаславенне)*, *пост*, *хрышчэнне*, *царква* і інш.). У тлумачальных слоўніках дэфініцыі такіх адзінак часта маюць рэлігійны харктар; біблейскае значэнне можа ўпускніцца. Парыўн.: *хрышчэнне* – *рэлігійны абрад прыніція како-н. у лік веруючых хрысціянскай рэлігіі*; *малітва* – *тэкст, які чытаюць веруючыя*, *калі звяртаюцца да Бога ці святых* (ТСБМ); *асанна* – *у царкоўным багаслужэнні*:

узнёслася ўслаўленне, хвалебны вокліч у малітве; уваскрэсіць – у рэлігійных уяўленнях: вярнуць да жыцця таго, хто памёр; ажывіць (ТСБЛМ, 2022).

Біблія як цэласная семіятычная сістэма мадэлюе многія адзінкі для хрысціянскай рэлігійнай семіятычнай сістэмы, пачынаючы ад лексікі і завяршаючы разнастайнымі рэлігійнымі жанрамі, прызначанымі тлумачыць біблейскі тэкст або ўзятымі са Святога Пісьма (псалом, малітва). У інт-ралінгвістычных тэрмінах Біблія – сістэма «невытворных» адзінак розных узору́ніяў для ўтварэння «вытворных» рэлігійных (ЛСП якіх большае па аб’ёме (малюнак)). Працэс стварэння і развіцця ЛСП «Рэлігія» ідзе толькі ў адным кірунку – ад Бібліі, і ніяк не наадварот, што істотна для лінгвістыкі і, у прыватнасці, для герменеўтыкі і лексікаграфіі.

Часамі ў гісторыі хрысціянства статусы Святога Пісьма і Паданняў былі няроўнымі, «догматы і царкоўныя ўставы былі другаснымі і залежнымі ад Бібліі, аднак... фактычна засланялі сабой Біблію» [4, с. 164]. Гэта адлюстравалася ў сціранні межаў і ў многіх сучасных лексікаграфічных выданнях паміж тэрмінам уласна рэлігіі і лексемай біблейскага паходжання. Біблейская адзінкі ў такіх выданнях часта тлумачацца метамовай рэлігіі ці адной канфесіі, а не сродкамі нейтральнай лексікі (як у ТСБМ). Для параўнання артыкул з ЭСРЛ: *блаславенне – асобны знак рукой або ўскладанне рук на галаву, які сімвалізуе передачу... бласлаўляемым міласці Божай. Выконваецца святым* (ЭСРЛ). Біблейскае значэнне гэтай лексемы (‘зварот Божай міласці, ласкі на чалавека альбо самім Богам, альбо людзьмі, якія дзейнічаюць па волі Бога’ (БЭБ)), якое ставіць на месца вытворцы дзеяння Бога, не фіксуецца. Зразумела, што названы слоўнік датычыцца менавіта царкоўнага дыскурсу, але ў агульной сістэме беларускай мовы прыведзенае біблейскае значэнне заслацца па-за межамі навуковага апісання. Гэта і ёсьць адна з прычын няяведання біблейзмаў носьбітамі сучаснай беларускай мовы (гл. дэталёва [5, с. 8]).

Адна з істотных дыферэнцыяльных рыс рэлігійных адзінак – аднесенасць многіх з іх да тэрмінаў. «Асноўная частка рэлігійных лексем – тэрміны; яны характарызуюцца дэрывацыйнай неактыўнасцю, абмежаванасцю ў сферы ўжывання, монасемічнасцю» [6, с. 109]. Тэрміны ў разы радзей «абрастаюць» новымі значэннямі, чым іншыя лексемы. Калі рэлігійная лексіка дастаткова «кансерватыўная» ў семантычным плане, то біблейзмы могуць змяніцца, што пацвярджает фактычны матэрыял.

На практицы размежаваць рэлігійныя і біблейскія адзінкі можна па наступным **алгарытме**:

1) праверыць наяўнасць моўнай адзінкі ў тэксле Бібліі (найперш, гэта пераклады на адпаведную для носьбіта мову, паколькі арыгінальны тэкст Святога Пісьма можа ўтрымліваць некалькі іншую адзінку);

2) праверыць наяўнасць гэтай жа адзінкі ў рэлігійных слоўніках.

Праверка наяўнасці адзінак у названых кропініцах прывядзе да адной з трох высноў:

а) пры наяўнасці адзінкі ў біблейскім тэксле і рэлігійных слоўніках высветліць кантэкстуальнае(-ыя) значэнне(-і) адзінкі ў Святым Пісьме (з улікам яе старазапаветнага ці новазапаветнага значэння) і парапаўнаць з дэфініцыямі ў рэлігійных і біблейскіх слоўніках: адзінка належыць як семантычнаму полю біблейзмаў, так і полю рэлігійнай лексікі;

б) пры адсутнасці адзінкі ў біблейскім тэксле і наяўнасці ў рэестры рэлігійных слоўнікаў можна канстатаваць яе прыналежнасць толькі ЛСП «Рэлігія»;

в) пры адсутнасці адзінкі ў рэлігійных лексікаграфічных кропініцах і пры яе наяўнасці ў Бібліі і ва ўжыванні можна канстатаваць, што адзінка мае статус біблейзма.

Правамерна яшчэ праверыць наяўнасць і тлумачэнне адзінкі ў ТСБМ, а таксама ступень яе ўжывання і кантэкстуальная значэнне для ўстанаўлення факта лексіка-семантычных змяненняў у сучаснай беларускай мове.

Такі алгарытм з'яўляецца абавязковым для лексікаграфічнага апісання біблейзмаў, асобныя нюансы могуць удакладняцца ў працэсе складання рэестра слоўніка біблейзмаў. Для ілюстрацыі выкарыстання прапанаванага алгарыту прывядзём некалькі прыкладаў (табл. 1–3).

Дэталёва знешні выгляд і характарыстыкі анёлаў у біблейскім тэксле разгледжаны Е. Лявонавай [7]. Дастаткова паглыбіцца ў тэкст Святога Пісьма, як становіцца зразумелым аб’ёмае семантычнае напаўненне гэтай лексемы, рэзка адрознае ад рэлігійнага і агульнаўжывальнага.

Табліца 1. Адрозненне значэнняў лексемы *анёл* у некалькіх семіятычных просторахTable 1. Difference in meanings of the lexeme *angel* in several semiotic spaces

Лексема АНЁЛ / АНГЕЛ	
Біблейскае значэнне	Яўр. слова <i>малах</i> і грэч. <i>ангелос</i> азначаюць: ‘пастланец’, ‘веснік’. Абодва слова ўжываюцца ў Бібліі для абазначэння як звычайных пасланныкаў, так і веснікаў (прапракаў, святароў), пасланых Богам, але часцей яны азначаюць нябесных пасланныкаў Бога (БЭБ). Можа быць бязлітасным (Пр. 17:11) і можа прымати розныя абліччы
Рэлігійнае значэнне	«Ангел, пасланец Бога, якога вернікі ўяўляюць у выглядзе юнака або дзіцяці з крыламі» (ЭСРЛ). «1. Зышнатуральная істота, служыцель Бога і Яго пасланец да людзей; 2. // <i>перан</i> . Ціхі, спакойны чалавек» (РССМ)
Тлумачальныя слоўнікі	«1. У рэлігійным вучэнні пасланец Бога, якога малювалі ў выглядзе юнака з крыламі. 2. <i>перан</i> . Увасабленне чаго-н. дадатнага, ідэальнага» (ТСБМ). «Ласкавы зварот да каго-н. (уст., разм.). Дзень анёла (уст.) – імяніны» (ТСБЛМ)
Ужыванне	Усмешка грэшнага анёла знікла з вуснаў Фердзі (Караткевіч). Ён, вядома, не анёл з крылцамі (Навуменка). На твары лорда прабягалі цені прыдарожных дрэваў, нібыта ѿмныя анёлы (Рублеўская)

Табліца 2. Адрозненне значэнняў лексемы *iдал* у некалькіх семіятычных просторахTable 2. Difference in the meanings of the lexeme *idol* in several semiotic spaces

Лексема ІДАЛ / АЙДАЛ ¹	
Біблейскае значэнне	<i>iдалы</i> – язычаскія божаства і іх выявы (БЭБ). Ідалам можа быць нематэрыяльная рэч (гл. Кал. 3:5)
Рэлігійнае значэнне	«Матэрыяльны прадмет, які з'яўляецца аб'ектам рэлігійнага пакланення» (ЭСРЛ)
Тлумачальныя слоўнікі	«1. Статуя бажаства, якому пакланяюцца. 2. <i>перан</i> . Пра таго, каго горача любяць, хто з'яўляецца прадметам нізкапаклонства. 3. Нягоднік (разм., лаянк.)» (ТСБЛМ, 2022). «1. Статуй, скульптура, якім язычнікі пакланяліся як бажаству. 2. <i>перан</i> . Пра таго, хто з'яўляецца прадметам абажання або нізкапаклонства. 3. <i>Лаянк</i> . Нягоднік» (ТСБМ)
Ужыванне	На каралеўскім возе, выши за ёсіх, як <i>ідал</i> , сядзеў кароль і глядзеў на дарогу ў падзорную трубу (Караткевіч). Што ж так моцна ўплывае на людзей? Адказ вельмі прсты: самі карэйскія спевакі. <i>Айдалы</i> вельмі ідэалізаваныя («Бярозка», 2024). Хтосьці крытыкуе <i>айдалку</i> за моцную худабу («Бярозка», 2024)

Прыведзеныя дэфініцыі дэманструуюць наступныя адрозненні: у біблейскім значэнні *ідалам* можна назваць як матэрыяльны, так і нематэрыяльны аб'ект пакланення; рэлігійнае значэнне (толькі ў беларускім слоўніку (ЭСРЛ)) звужана толькі да намінацыі фізічнага аб'екта; згодна з дэфініцыямі тлумачальных слоўнікаў, значэнні набліжаны да агульнаўжывальных, а сучасныя кантэксты дазваляюць адзначыць яшчэ і новае значэнне ‘папулярны карэйскі артыст’.

Табліца 3. Адрозненне значэнняў лексемы *месія* ў некалькіх семіятычных просторахTable 3. Difference in meanings of the lexeme *messiah* in several semiotic spaces

Лексема МЕСІЯ	
Біблейскае значэнне	Ст.-яўр. <i>машыах</i> – ‘памазанік’; арам. <i>Месіас</i> , а ў грэч. перакладзе – <i>Хрыстос</i> (БЭБ). Значэнне слова непадзельна звязана з Ісусам Хрыстом (БС)
Рэлігійнае значэнне	«У іўдаізме і хрысціянстве Божы <i>Пасланец</i> , <i>Выратавальнік</i> , <i>Збавіцель</i> , Які павінен знішчыць зло і ўсталяваць <i>Божае Царства</i> » (ЭСРЛ)
Тлумачальныя слоўнікі	«Кніжн. У іудзейскай і хрысціянскай рэлігіі – пасланец Бога, які павінен прыйсці на зямлю і выратаваць род чалавечы ад зла і пакут» (ТСБМ)

¹ Менавіта гэты варыянт узнік пад уплывам англамоўнага слова *idol*.

Заканчэнне табл. 3

Лексема МЕСІЯ	
Ужыванне	<p>Зноў жа, ці варт спадзявацца на тое, што ў хуткім часе з'явіца нейкі літаратурны месія, які адрыне традыцыі і павядзе літаратуру па зусім новым, адметным ад папярэдняга шляху (Быкаў). <i>[Алесы] – Значыцца, перш чым за справу, на паглядзелкі пойдзем? – Трэба, – сказаў стары. – Но неўдома ўжо, на якога Месію спадзявацца нам (Караткевіч).</i> <i>Эра індустрыйлізацыі... некаторымі паэтамі ўяўлялася нібы прыход нейкага новага месія, які, з'яўшыся, ліквідуе ўсе супярэчнасці, канфлікты, аздобіць жыццё зіхатлівымі бласкамі і колерамі (Навуменка).</i> <i>Навошта здзіўляцца, што на нас коса глядзяць, дзе б мы ні з'яўліся? Калі мы там з'яўляемся не часцей месій... («Звязда», 2015).</i> <i>Імкнёмся ствараць наўмысна простыя музычныя кампазіцыі... Не станавіца ў позу рок-зорак, не быць месіямі, а ствараць песні, якія чалавек мог бы напісаць сам («Звязда», 2016)</i></p>

Даныя, змешчаныя ў табліцы, сведчаць, што ва ўжыванні фіксуюцца значэнні, адрозныя ад значэнняў лексемы ў Бібліі, рэлігіі і ТСБМ. Аднак у прыведзеных дэфініцыях ёсьць несупадзенні паміж біблейскім і рэлігійным значэннямі: у Святым Пісьме не сказана, што Месія павінен знішчыць зло. Верагодна, рэлігійнае значэнне магло паўплываць на значэнне лексемы ў наўнай свядомасці, хоць асноўная сема – ‘збаўца, выратавальнік’ – захоўваецца.

Заключэнне. Рэлігійныя і біблейскія моўныя адзінкі ўваходзяць у розныя семіятычныя прасторы, блізкія паміж сабой. Рэлігійная прастора з'яўляецца вытворнай ад біблейскай і змяшчае знакі, адрозныя ад апошняй. У стылістычным аспекте біблейскія адзінкі больш шырока ўжываюцца і менш абмежаваныя канкрэтным дыскурсам. На ўзроўні лексікі ёсьць фармальна аднолькавыя, але семантычна розныя адзінкі, якія знаходзяцца на перасячэнні лексіка-семантычных палёў біблейзмаў і рэлігіі. Для размежавання біблейскіх і рэлігійных адзінак у лексікаграфіі можна карыстацца прыведзеным вышэй алгарытмам. Адрозненне дэфініцый некаторых адзінак ад біблейскіх значэнняў паўплывала на іх значэнні ў наўнай свядомасці, што адлюстроўваецца ва ўжыванні і часткова ў тлумачальных слоўніках. Патрэба ў стварэнні беларускага слоўніка біблейзмаў надзённая, паколькі правамерна захаваць біблейскую, а не толькі рэлігійную спадчыну ў нашай мове.

Спіс скарачэнняў

БС – Біблейский словарь В. П. Вихлянцева. – М., 2020 [<https://samlib.ru/w/wihljancew/bspdf.shtml>]; БЭБ – Біблейская энциклопедия Брокгауза. – СПб. : «Свет на Востоке», 2013 [<https://bible.by/lexicon/brockhaus/>]; РССМ – Рэлігійны слоўнік старабеларускай мовы. – Баранавічы : Баранав. узбуйн. друк., 2003. – 260 с.; ТСБЛМ – Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы, 2002, правапіс да 2008 г. [<https://verbum.by/tsblm>]; ТСБЛМ, 2022 – Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы, 2022 [<https://verbum.by/tsblm2022>]; ТСБМ – Тлумачальны слоўнік беларускай мовы: у 5 т., 6 кн. – Мн. : Гал. рэд. Бел. Сав. Энцыкл., 1977–1984; ЭСРЛ – Энцыклапедычны слоўнік рэлігійнай лексікі беларускай мовы / У. М. Завальнюк, М. Р. Прыгодзіч, В. К. Раманцэвіч. – Мн. : Изд-во Гревцова, 2013. – 808 с.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Басалыга, П. С. БІБЛЕІЗМ: аўём паняцця, крытэрыі вылучэння, дэфініцыя / П. С. Басалыга // Веснік Полацка-даляніцкага ўніверсітэта. Серыя А, Гуманітарныя навукі. – 2025. – № 4 (76). – С. 56–60. <https://doi.org/10.52928/2070-1608-2025-76-4-56-60>
2. Асновы культуры маўлення і стылістыкі: вучб. дапам. / У. В. Анічэнка, У. Д. Еўтухоў, В. І. Ляшчынская, Т. І. Тамашэвіч, пад рэд. У. В. Анічэнкі. – Мн.: Універсітэцкае, 1992. – 255 с.
3. Багамолава, А. М. Стылістыка і культура беларускага маўлення: вучб. дапам. / А. М. Багамолава, Г. К. Семянёвіч, А. М. Багамолава, А. М. Семянькова. – Мн.: Изд-во Гревцова, 2012. – 303 с.
4. Мечковская, Н. Б. Язык и религия : учеб. пособие / Н. Б. Мечковская. – М.: Гранд: Агентство «ФАИР», 1998. – 349 с.
5. Лепта біблейской мудрости : библейские крылатые выражения и афоризмы на русском, английском, белорусском, немецком, словацком и украинском языках / авт.-сост.: Д. Балакова, Х. Вальтер, Н. Ф. Венжинович, М. С. Гутовская [и др.]. – Могилёв: МГУ им. А. А. Кулешова, 2014. – 208 с.

6. Будзько, І. У. Рэлігійная лексіка старабеларускай мовы: дыс. ... канд. філал. навук: 10.02.01 / Будзько Ірына Уладзіміраўна; НАН Беларусі, Ін-т мовазнаўства імя Я. Коласа. – Мн., 1999. – 121 л.
7. Ляўонава, Е. Анёлы ў біблейскай прасторы / Е. Ляўонава // Фалькларыстычныя даследаванні: Кантэкст. Тыпология. Сувязі: зб. навук. арт. / Бел. дзярж. ун-т; пад навук. рэд. Р. М. Кавалёвай. – Мн., 2014. – Вып. 11. – С. 29–34.

References

1. Basalyha P. S. BIBLICISM: scope of the concept, identifying criteria, definition. *Vesnik Polatskaga dzyarzhaunaga universiteta. Seryya A, Gumanitarnyya navuki = Vestnik of Polotsk State University. Part A. Humanities*, 2025, no. 4 (76), pp. 56–60 (in Belarusian). <https://doi.org/10.52928/2070-1608-2025-76-4-56-60>
2. Anichenka U. V., Eutukhou U. D., Lyashchynskaya V. I., Tamashevich T. I. *Fundamentals of speech culture and stylistics*. Minsk, Universitetskoe Publ., 1992. 255 p. (in Belarusian).
3. Bagamolava A. M., Semyan'kova G. K. *Stylistics and culture of the Belarusian speech*. Minsk, Grevtsov Publ., 2012. 303 p. (in Belarusian).
4. Mechkovskaya N. B. *Language and religion*. Moscow, Grand: FAIR Publ., 1998. 349 p. (in Russian).
5. Balakova D., Val'ter Kh., Venzhinovich N. F., Gutovskaya M. S., Ivanov E. E., Mokienko V. M. *The contribution of Biblical wisdom: biblical catch phrases and aphorisms in Russian, English, Belarusian, German, Slovak and Ukrainian*. Mogilev, Mogilev State A. Kuleshov University, 2014. 208 p. (in Russian).
6. Budz'ko I. U. *Religious vocabulary of the old Belarusian language*. Ph. D. Thesis. Minsk, 1999. 121 p. (in Belarusian).
7. Lyavonava E. A. Angels in the Bible. *Fal'klarystychnyya dasledavanni: Kantekst. Typalogiya. Suvyazi: zbornik navukovykh artykulau* [Folklore studies: Context. The typology. Communications: collection of scientific articles]. Minsk, 2014, iss. 11, pp. 29–34 (in Belarusian).

Информация об авторе

Басалыга Поліна Сергеевна – младший научный сотрудник отдела лексикологии и лексикографии. Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы, Национальная академия наук Беларусь (ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: polinabasalyga7@gmail.com. <https://orcid.org/0009-0008-0692-1990>

Information about the author

Polina S. Basalyga – Junior researcher at the Department of Lexicology and Lexicography. Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganova Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). E-mail: polinabasalyga7@gmail.com. <https://orcid.org/0009-0008-0692-1990>

МАСТАЦТВАЗНАЎСТВА, ЭТНАГРАФІЯ, ФАЛЬКЛОР
ART HISTORY, ETHNOGRAPHY, FOLKLORE

УДК 78.08
<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2026-71-1-53-64>

Поступила в редакцию 14.08.2025
Received 14.08.2025

Т. Г. Мдивани, И. Л. Горбушина, Т. Л. Константинова

*Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы
Национальной академии наук Беларусь, Минск, Беларусь*

**СОВРЕМЕННОЕ БЕЛОРУССКОЕ МУЗЫКОЗНАНИЕ:
НАУЧНЫЕ ШКОЛЫ И НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ**

Аннотация. В статье представлены основные сферы белорусского музыковедения – историко-теоретическая, изучающая музыку академической традиции, а также этномузикология, предметом исследования которой выступает устное народное музыкальное творчество. Выявляются источники их формирования в Беларуси, обозначаются пути развития в контексте сформировавшихся научных школ. Наряду с характеристикой научной деятельности основателей школ определяются ведущие направления исследований их представителей, результатом работы которых выступают защищенные докторские и кандидатские диссертации, изданные монографии и статьи. В качестве одного из актуальных направлений современного белорусского музыкоznания рассматривается отрасль исполнительского музыковедения.

Ключевые слова: музыковедение, этномузикология, история музыки, теория музыки, музыкальное исполнительство, музыкальная медиевистика, научная школа

Для цитирования: Мдивани, Т. Г. Современное белорусское музыкоznание: научные школы и направления исследований / Т. Г. Мдивани, И. Л. Горбушина, Т. Л. Константинова // Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук. – 2026. – Т. 71, № 1. – С. 53–64. <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2026-71-1-53-64>

Tatyana G. Mdivani, Irina L. Gorbushina, Tatiana L. Konstantinova

*Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches
of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus*

**CONTEMPORARY BELARUSIAN MUSICOLOGY:
SCIENTIFIC SCHOOLS AND RESEARCH DIRECTIONS**

Abstract. The article presents a panoramic view of the main areas of Belarusian musicology – historical and theoretical, studying music of the academic tradition, as well as ethnomusicology, the subject of which is oral folk music. The sources of their formation in Belarus are revealed, the ways of their development in the context of the formed scientific schools are outlined. Along with the characteristics of the scientific activities of this schools founders, the leading areas of research of their representatives are determined, the results of which are defended doctoral and candidate dissertations, published monographs and articles. The branch of performing musicology is considered as the relevant directions of modern Belarusian musicology.

Keywords: musicology, ethnomusicology, history of music, music theory, musical performance, musical medieval studies, scientific school

For citation: Mdivani T. G., Gorbushina I. L., Konstantinova T. L. Contemporary Belarusian musicology: scientific schools and research directions. *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seryya humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2026, vol. 71, no. 1, pp. 53–64 (in Russian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2026-71-1-53-64>

Введение. Среди научных дисциплин, изучающих музыкальное искусство, в Беларуси сегодня устойчиво развиваются две старейшие дисциплины – историко-теоретическое музыковедение и этномузикология, а также сформировавшаяся на рубеже XX–XXI вв. и активно набирающая

обороты отрасль исполнительского музыковедения. Формирование в рамках этих дисциплин ряда научных школ, несмотря на работы Е. Дуловой, Т. Мдивани, Р. Сергиенко, К. Степанцевич, остается актуальным вопросом историографии музыковедческой науки, в которой в свое время были осуществлены масштабные проекты [1; 2].

Основная часть. Современное белорусское музыковедение занимается изучением широкого круга вопросов. Начав свое формирование в Институте белорусской культуры (1926 г.)¹, оно охватывает академическое музыковедение и музыковедение учебных заведений среднего и высшего звена – педагогов по теории и истории музыки, сольфеджио, музыкальной критике, а также лекторов, музыкальных журналистов, научных работников и др. Методологическим базисом воспитания отечественных музыковедов выступила российская научно-педагогическая школа, наследующая традиции западноевропейской науки о музыке (Царлино – Рамо – Риман). Именно из России в Беларусь приехали молодые музыковеды, которые создали базу для формирования белорусского музыковедения: К. Степанцевич, Н. Юденич, М. Шифрин, позднее – кандидаты искусствоведения; Т. Щербакова, Г. Глущенко – впоследствии доктора искусствоведения. Они воспитали целую плеяду отечественных музыковедов и определили главные векторы развития отечественной научной мысли. Так, класс Н. Юденич закончили такие ныне известные кандидаты искусствоведения, как А. Друкт, А. Карпилова, Р. Коленько, Т. Лещеня, Э. Олейникова, Т. Титова, которые изучали вопросы соотношения слова и музыки, музыкального стиля, музыки в экранных искусствах и т. п.

В формировании отечественной школы музыковедения современности наиболее активное участие принимали педагоги Московской и Ленинградской консерваторий. Из класса профессора Московской консерватории Владимира Протопопова вышел доктор искусствоведения, профессор Н. Шиманский; Юрия Холопова – доктор искусствоведения, профессор Т. Мдивани; Михаила Тараканова – доктор искусствоведения, профессор Р. Сергиенко; Вячеслава Медушевского – кандидат искусствоведения Н. Степанская; Марины Скребковой-Филатовой – кандидат искусствоведения, доцент Т. Титова; Евгения Назайкинского – кандидат искусствоведения, доцент Т. Щербо; доцента Российской академии музыки им. Гнесиных З. Глядешкиной – кандидат искусствоведения, доцент Б. Златоверховников. Класс известнейшего профессора Ленинградской консерватории А. Дмитриева окончила кандидат искусствоведения, доцент Р. Аладова; профессора Е. Ручьевской – доктор искусствоведения, профессор Е. Дулова. Каждый из учеников стал продолжателем методологических принципов своих великих учителей, которые были переданы новому поколению музыковедов.

Отечественное музыковедение формировалось и в Национальной академии наук Беларуси. Наиболее активно и полноценно оно стало развиваться с образованием Института искусствоведения, этнографии и фольклора им. К. Крапивы Национальной академии наук Беларуси (ИИЭФ им. К. Крапивы НАН Беларуси), когда Б. Смольский и А. Ладыгина вошли в общий сектор истории музыкального искусства, возглавляемый В. Нефёдом (1958 г.); в 1961 г. сектор обрел статус отдела. В период формирования академического музыказнания четко определились его два главных направления – академическая музыка и фольклор, связанные с изучением профессионального композиторского творчества и народной музыки. Среди исследований есть те, в которых изучались новые пласти музыкальной культуры и искусства, разрабатывалась новая методология, а также работы, которые углубили представления об уже известном, исторически сложившемся. С течением времени область музыкальной науки обогатилась знаниями об эстетике музыки – книгой А. Ладыгиной «Искусство и современность» (Мн., 1964).

Каждая из ветвей отечественного музыковедения работала по своей собственной программе, преследуя одну цель – содействовать развитию белорусской науки о музыке. Так, в школе Е. Дуловой рассматривается широкий спектр историко-теоретической проблематики, включающей музыкальный театр (И. Пилатова, С. Немцова-Амбарян, Чжан Бинь), неклассический стиль сов-

¹ Затем Институт литературы, языка и искусства (1944), с 1957 г. и по настоящее время – Институт искусствоведения, этнографии и фольклора им. К. Крапивы НАН Беларуси, с 2012 г. – в структуре Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси.

ременной музыки (В. Беглик, Л. Запевалова, А. Тихомирова), хоровое и гитарное искусство (Гун Ли, Д. С. Шахаб), методику преподавания сольфеджио (М. Пороховниченко), а также культурологическое осмысление музыкальных произведений (И. Двужильная).

В школе Н. Шиманского проводится работа над изучением особенностей композиторского письма разных исторических эпох – от средневековья до современности. Так, в исследовании его ученика, кандидата искусствоведения, доцента А. Пескина впервые раскрыт вопрос взаимодействия пластов фактуры на примере современной белорусской музыки, в работе Л. Шпаковской – специфика литургической монодии XVI–XVIII вв. Класс Р. Аладовой включает в себя исследователей отечественной музыки, которые решают проблемы оперного синтеза (Н. Ганул, А. Буряк), жанровой специфики произведений (С. Воронова); класс Т. Титовой – современной хоровой музыки (А. Садовская), стилевых особенностей и формообразования (Е. Лисова, М. Нестерова, Е. Сущеня). В школе Т. Мдивани, развивающей традиции Ю. Холопова, проявился интерес к проблемам историко-теоретического музыкознания (Е. Карлинская, Е. Бруховецкая, Е. Храброва, О. Дубатовская, Н. Мацаберидзе), исполнительской интерпретации (И. Горбушина), отечественного краеведения (Е. Куртенок), а также внеевропейской концепции музыки (А. де Рой-Субботняя, Хуан Вэньцзин).

Класс В. Яконюка рассматривает широкий спектр научной проблематики на базе двух научных специальностей – музыкальной педагогики и музыкования. По музыкальной педагогике изучаются вопросы совершенствования навыков игры на фортепиано, певческой культуры молодого музыканта, стандартизации педагогического процесса в вузах (И. Богачева, И. Марченко, А. Нижникова). По историко-теоретическому и исполнительскому музыкование особое внимание уделено культуре интонирования, виртуозности и артикулирования музыкального текста (О. Шевченко, М. Хомицкая, И. Оношко), вопросам исполнительской интерпретации и поэтики вокальных произведений (соотношение мелодики и слова) в творчестве современных китайских композиторов (Ся Юньцзин, Пан Вэй, Фэн Лэй, Лю Цзинь Тао, Ван Хонтао), феноменологии фортепианной музыки (Сунь Вэйбо, Не На, Н. Громова), а также такому сложному явлению, как музыка для детей (О. Политанская, Сун Джунан). Особое место в школе В. Яконюка принадлежит разработке темы о восточноевропейских началах в белорусской музыке, что является новым словом в отечественном музыкование (М. Ассуил).

Музыкование мысль белорусских исследователей основывается на многообразии аналитических методик, разработанных в европейском музыкование. Традиции целостного анализа (В. Цуккерман) развиты А. Друктом, Г. Кулешовой, О. Савицкой, Н. Юденич, В. Яконюком; композиционного анализа (сфера формообразования: Х. Риман – И. Способин – Ю. Тюлин – Ю. Холопов) – Т. Мдивани, О. Савицкой, Р. Сергиенко, А. Снытко (Тихомировой), Т. Щербо; музыкально-исторического (Т. Ливанова) – Р. Аладовой, Л. Волковой, О. Дадиомовой; мелодико-тематического (Ю. Тюлин – Е. Ручьевская) – Ю. Златковским, Н. Степанской, Т. Титовой; гармонического функционального (Х. Риман – Ю. Холопов) – А. Друктом, Т. Мдивани, В. Оловниковым; гармонического ступенно-функционального (Р. Луи, Л. Тюиль – А. Григорьев) – Б. Златоверховниковым, Т. Лещеней; фактурного (Э. Курт – В. Холопова) – О. Егоровой, О. Дубатовской, А. Пескиным; полифонического (Х. Риман – С. Танеев) – А. Пескиным, Н. Шиманским; музыкально-стилистического – Е. Дуловой, Н. Мацаберидзе, Т. Мдивани, К. Степанцевич, В. Яконюком; психологического (Э. Курт – Е. Назайкинский – В. Медушевский) – О. Галкиным, М. Старчеус, В. Яконюком; музыкально-эстетического (А. Лосев – Т. Чередниченко) – А. Ладыгиной, Г. Драговец, Н. Степанцовой, Т. Мдивани, Н. Ганул; музыкально-философского (с элементами синергетики) – Т. Мдивани, Н. Борсук; музыкально-социологического – И. Головач, Д. Яконюком; культурологического – В. Антоневич, Е. Гороховик, И. Двужильной, Т. Мдивани, В. Яконюком; источниковедческого – Е. Дуловой, Л. Костюковец, Т. Щербаковой; исполнительского (Т. Корыхалова – Л. Гаккель) – Н. Волковым, И. Горбушиной, В. Кокушкиным, В. Сахаровой.

Результатами научных исследований явились научные статьи, материалы конференций и книги: «Балетный жанр как музыкальный феномен: (русская традиция конца XVIII – начала XX века» Е. Дуловой; «Западный рационализм в музыкальном мышлении XX века» Т. Мдивани; «Му-

зыка быта и русская профессиональная музыкальная культура XIX века» Т. Щербаковой; «Белорусское баянное искусство: формирование академической исполнительской школы» В. Чабана; «Раннее многоголосие» Н. Шиманского; «Тема Холокоста в академической музыке Беларуси, Украины, России» И. Двужильной; «Музыкант. Потребность. Деятельность» В. Яконюка и его же «”Homo musicus”: link muzikinės sąmonės»; «Церковное пение. Белорусская певческая культура православной традиции» Л. Густовой-Рунцо; «Новые тенденции в развитии белорусского музыкального искусства (конец 1950-х – первая половина 1970-х гг.)» К. Степанцевич; «Константин Горский и его опера “Маргер” в контексте белорусской культуры» Р. Аладовой; «Крупные инструментальные формы эпохи барокко: Органская месса. Sonata da chiesa» О. Савицкой; «Фактура хоровой музыки a cappella последней трети XX – начала XXI века» О. Дубатовской; «Формы фактурного взаимодействия в белорусской музыке второй половины XX века» А. Пескина; «Музыкальная психология» Э. Курта (введение и перевод О. Галкина); «Белорусская хоровая музыка a cappella (вторая половина XX – начало XXI в.)» Т. Серновой и В. Черняк, а также ряд статей Л. Баранкевич, Т. Мдивани, книг Л. Густовой-Рунцо и Л. Сидорович, посвященных православной певческой культуре и истории православной певческой культуры на белорусских землях.

Современное отечественное музыкование, будучи подготовленным работами академических музыкантов, развивалось в тесном контакте вузовских ученых и академических работников. Одним из весомых результатов явилось издание словаря «Музычныя тэрміны» (седьмой выпуск из серии «Беларуская навуковая тэрміналёгія», 1926, издаваемой Инбелкультом), который составил Ю. Дрейзин. Достоинством работы является перевод музыкальных терминов с русского и иностранного языков на белорусский, что способствовало адаптации мировой музыкальной лексики к реалиям новой жизни Беларуси и явилось серьезным подспорьем для формирующейся среди музыкантов-профессионалов (Минский музыкальный техникум открылся в 1924 г., Белорусская государственная консерватория – в 1932 г.).

В 1960-е гг. на базе отдела музыкального искусства и этномузикологии ИИЭФ им. К. Крапивы НАН Беларуси опубликованы книги «Беларускі музычны тэатр» Б. Смольского (Мн., 1963), «Белорусская советская опера» Г. Кулешовой (Мн., 1967), ее же «Вопросы драматургии оперы» и «Композиция оперы» (1983), «Белорусский фортепианный концерт» И. Назиной, «Хоровое искусство Беларуси XX в.» А. Смагина (Мн., 1998), «Западный рационализм в музыкальном мышлении XX века» Т. Мдивани (Мн., 2003), «Музыка в драматическом театре Беларуси: XX – начало XXI века» Н. Ювченко (2007), которые были написаны по материалам докторских диссертаций.

Наряду с исследованиями в области теории музыки в отделе изучалась история отечественной музыкальной культуры (О. Дадиомова, «Музычная культура Беларуси XVIII стагоддзя» (Мн., 2002); а также материалы Л. Голиковой, Е. Куртенок, Е. Шестиловской), музыкального образования (В. Прокопцова, В. Рейнт), концертно-исполнительского (Т. Мдивани, Г. Цмыг, Н. Ювченко, О. Савицкая и др.) и эстрадного (Н. Ювченко) искусства. Исследования проводились как сотрудниками отдела музыкального искусства ИИЭФ им. К. Крапивы НАН Беларуси, так и их аспирантами.

Особо следует отметить вклад в отечественное музыкование доктора искусствоведения, профессора Г. Кулешовой, возглавлявшей отдел музыкального искусства и этномузикологии ИИЭФ им. К. Крапивы НАН Беларуси более 20 лет. Ученым исследованы важнейшие и наиболее сложные сферы творческой деятельности композиторов – оперный и канто-ораториальный жанры. Свои знания Галина Григорьевна обобщила в трёх монументальных трудах – «Вопросы драматургии оперы»; «Композиция оперы»; «Белорусская канцата и оратория» (Мн., 1987). Написанная Г. Кулешовой уникальная – единственная до сих пор – Программа по изучению оперного искусства высоко ценится, по ней учатся и по сей день во всех музыкальных вузах Беларуси и России. Именно Г. Кулешова явилась инициатором коллективного исследования «Музычны тэатр Беларусі», состоящего из пяти книг. Многолетняя работа ученых Национальной академии наук Беларуси завершилась в конце 1990-х гг., охватив значительный период развития белорусского музыкально- театрального искусства – от истоков его формирования до современного

состояния в границах национальных и общеевропейских традиций, а также с учетом региональных особенностей становления и развития этого пласта культуры. Результатом исследований явились книги «Музычны тэатр Беларусі. 1917–1959» (науч. ред. Т. Мдивани. Мн., 1993), «Музычны тэатр Беларусі. 1960–1990. Операе мастацтва. Музычная камедыя і аперэта» (науч. ред. Г. Кулешова. Мн., 1996) и «Музычны тэатр Беларусі. 1960–1990. Балет. Музыка ў пастаноўках драматычных тэатраў» (науч. ред. Г. Кулешова. Мн., 1997). Авторам, сотрудникам отдела музыкального искусства ИИЭФ им. К. Крапивы НАН Беларуси (Г. Кулешовой, Т. Мдивани, Н. Ювченко, Т. Дубковой и бывшей аспирантке отдела Ю. М. Чурко), в 1998 г. была присуждена Государственная премия Республики Беларусь в области литературы, искусства и архитектуры.

В этот же период издательством «Беларусь» был опубликован научно-популярный справочник «Кампазітары Беларусі» (Мн., 1997), в котором впервые создана целостная картина развития современной белорусской композиторской школы (Т. Мдивани, Р. Сергиенко). В книге рассмотрены все жанры музыки сквозь призму индивидуального стиля музыкантов, создан полный перечень сочинений и публикаций о них. В 2014 г. Т. Г. Мдивани и В. Г. Гудей-Каштальян была издана вторая книга «Композиторы Беларуси», в которой рассмотрено творчество как маститых мастеров, так и нового поколения молодых музыкантов, утвердивших себя в авторских концертах как в Беларуси, так и за ее пределами.

В 1999 г., в период активизации научной мысли в Беларуси, академическими музыковедами был издан «Музыкальный словарь» (белорусско-русский и русско-белорусский с терминами на иностранном языке), созданный соавторами Г. Кулешовой, Т. Мдивани, Н. Ювченко, Д. Подберезским и др. Наследуя традицию Инбелкульта, авторы словаря тем не менее не ограничились переводом иностранных терминов и понятий: было дано их развернутое толкование (более чем 4000 статей), благодаря чему издание приобрело статус толкового, энциклопедического словаря. В словаре впервые были охвачены такие области знаний, как духовная музыка и православные песнопения, джаз, музыкальный авангард. Для написания статей были привлечены профессора, доктора искусствоведения Ю. Холопов и В. Холопова из Московской консерватории, Л. Костюковец и Т. Лихач из Белорусской государственной академии музыки.

В 2008 г. ИИЭФ им. К. Крапивы НАН Беларуси был издан очередной, 11-й том монументального многотомного издания «Беларусы». Он посвящен музыкальной культуре и искусству большого исторического периода – X–XXI вв. В нём создана эволюционная картина развития отечественной музыки, охарактеризованы все музыкальные жанры – канцата, оратория, хор, симфония, опера, балет, эстрадная музыка (авторы Т. Мдивани, Н. Ювченко, Л. Голикова, О. Дадиомова, В. Гудей-Каштальян, Н. Мацаберидзе и др.). В 2012 г. исследователями отдела музыкального искусства совместно с учеными БГАМ и Московской консерваторией (Т. Мдивани, В. Холопова, Г. Цмыг, А. Карпилова, Е. Дулова) была написана книга, посвященная связям отечественного музыкального искусства с европейским и русским искусством, – «Европейская музыка академической традиции: сущность, истоки, современное состояние (на примере творчества композиторов России и Беларуси)». В монографии впервые на постсоветском пространстве создана целостная картина развития европейской академической музыки, в структуру которой органично входит современное творчество белорусских композиторов. Впервые также отмечаются идентификационные черты национального музыкального менталитета и эволюция музыки в соответствии с изменениями, протекающими в социальных системах, обществе.

Среди научных приоритетов отечественного музыковедения в новом столетии особое место принадлежит концертно-исполнительскому искусству, вбирающему творчество как маститых мастеров, так и молодых талантов. Эта область музыказнания очень сложна, поскольку соприкасается с вопросами исполнительской этики, композиторского замысла, профессионализма, а также исполнительского авторства.

В белорусском музыказнании проблемы музыкального исполнительства рассматриваются с различных ракурсов. Один из наиболее востребованных путей – изучение исполнительского искусства в рамках комплексного исследования, в котором оно рассматривается наряду с компо-

зиторским творчеством, спецификой инструмента, педагогической практикой, иными вопросами. Так, целью диссертационного исследования Т. Бабич «Эволюция мандолинного искусства: опыт теоретической реконструкции» явилась комплексная теоретическая реконструкция мандолинного искусства, представленного в единстве его составляющих – инструмент (мандолина), исполнительство на нем, композиторское творчество. Подобная комплексная методология ввиду своей перспективности была взята на вооружение многими исследователями, о чем свидетельствуют темы кандидатских диссертаций Н. Громовой – «Фортепианный дуэт в музыкальном искусстве Беларуси (композиторское творчество и исполнительская практика)», Д. Шахаба – «Белорусское гитарное искусство второй половины XX–XXI в. в контексте мирового гитарного композиторского творчества и исполнительской практики», Е. Машковской – «Произведения для флейты в творчестве белорусских композиторов второй половины XX – начала XXI века: жанрово-стилевые особенности и исполнительская практика», М. Шкулепы – «Произведения для трубы в белорусской музыке XX–XXI вв.: композиторское творчество и исполнительская практика» и т. д. Исследователи трактуют понятие «исполнительская практика» весьма широко, включая помимо исполнительской интерпретации аспекты истории исполнительства, музыкальной педагогики, психологии, и т. д.

В белорусском исполнительском музыковедении одним из самых ранних направлений выступили работы, репрезентирующие творческие портреты выдающихся отечественных музыкантов, в которых освещалась исполнительская деятельность оркестров, хоровых и инструментальных коллективов. Это статьи О. Дадиомовой, Д. Журавлева, А. Ладыгиной, И. Нисневича, В. Скоробогатова и др. В сферу исследовательских интересов ученых входят и вопросы, связанные с историей отечественного исполнительства, становления и развития исполнительских школ в Беларуси. Авторами этих работ являются Б. Ничков («Духовая инструментальная культура Беларуси: XIX–XX столетия»), Е. Ахвердова («Развитие фортепианного искусства в Беларуси в XIX – начале XX в.»), О. Мазаник («Дирижерское искусство Беларуси XX ст.»), Л. Таирова («Тенденции развития народно-инструментального исполнительства Беларуси XX века»), А. Капилов («Скрипка белорусская»), В. Чабан («Белорусское баянное искусство: формирование академической исполнительской школы»), С. Герасимович («Становление и развитие профессионального хорового исполнительства Беларуси до начала XX века»), А. Нечай («Хоровое академическое исполнительство в Беларуси XX столетия»), Л. Ивашков («Становление и развитие профессионального вокального искусства Белоруссии (дореволюционный и довоенный периоды)»), В. Прадед («Пути развития академического исполнительства на белорусских цимбалах»), Н. Мицуль («Цимбалное искусство как феномен белорусской национальной музыкальной культуры XX столетия») и др. В научных статьях В. Яконюка «Белорусская фортепианская школа: опыт исторической преемственности (о методологии генерализации творческого опыта в сфере исполнительского искусства)» и «Исполнительская школа как фактор музыкального искусства: вопросы методологии» раскрываются проблемы белорусской фортепианной исполнительской школы. Ученый является автором концепции «Родословного древа белорусской фортепианной школы», в которой наглядно представлена схема преемственности от учителя к ученику. Так, генеалогия отечественной фортепианной школы тесно связана с именами выдающихся русских и европейских пианистов, а ее истоки восходят к И. С. Баху.

В многочисленных работах белорусских музыковедов освещаются различные аспекты исполнительского искусства, которые являются важными для понимания механизмов творческого процесса исполнителя. Так, в работе М. Хомицкой рассматривается культура интонирования исполнителей в рамках теории и практики современного пианизма, Т. Ким в своей диссертации анализирует невербальную коммуникацию в деятельности музыканта-исполнителя, И. Оношко изучает виртуозность как фактор формирования и развития фортепианного мастерства, В. Бабарико исследует особенности интонирования полифонической музыки на баяне. Значительный интерес вызывают монографии Л. Густовой-Рунцо «Типология исполнительских стилей белорусской певческой традиции православной практики» и Н. Волкова «Физические и психофизиологические предпосылки формирования звука на трубе и вопросы исполнительской артикуляции». Таким образом, музыковеды сосредотачивают внимание на психологических и стилевых

аспектах, глубоко исследуя специфические исполнительские средства, реализующие замысел композитора.

В числе трудов, посвящённых теоретическим аспектам исполнительской интерпретации, выделяются монографии В. Сахаровой «Интерпретация фортепианной музыки П. И. Чайковского в контексте теории и практики исполнительского искусства» (2007), И. Горбушиной «Исполнительская интерпретация фортепианного произведения: белорусский контекст» (2018), кандидатская диссертация Л. Иконниковой «Интерпретаторское искусство хорового дирижёра (теория и исполнительская практика)» (2015), а также учебно-методическое пособие Р. Сергиенко «Исполнительская интерпретация музыкального произведения» (1992). И хотя данные работы объединены общей тематикой, каждый из авторов использует собственную методологию, которая определяется объектом и предметом их исследования.

Теме концертно-исполнительского искусства посвящены две книги ученых НАН Беларуси с привлечением коллег из Белорусской государственной академии музыки: «Белорусское концертно-исполнительское искусство: последняя треть XX – начало XXI века» (2012) и «Белорусское концертно-исполнительское искусство современности (1991–2016)» (2018), написанные коллективом авторов при научном руководстве Т. Мдивани (Е. Дуловой, Т. Мдивани, Б. Ничковым, О. Савицкой, Н. Ювченко), а также авторская монография А. Капилова «Белорусское музыкально-исполнительское искусство конца XIX – начала XX века» (2025). Являясь существенно новой сферой научных исследований, концертное исполнительство до сих не содержало какого-либо определенного методологического базиса. Его пришлось разработать, выдвинув в качестве ведущего принципа единство пяти составляющих: анализ, атрибутирование, аннотирование, архивирование, аудиозапись. Инновационность (нововведение) научной работы заключается в созданных впервые: 1) целостной панораме современного академического концертно-исполнительского искусства Беларуси; 2) научной базе для его изучения и освоения; 3) инновационной научной методологии; 4) оптимальных способах освоения и внедрения национального академического концертно-исполнительского искусства в педагогическую практику и социум в виде методических рекомендаций. Центральным моментом исследования является понимание концертно-исполнительского стиля как основанного на интерпретации композиторского нотного текста, раскрывающего и его смысловую наполненность, и, нередко, новые грани творческого замысла.

Из важнейших исследовательских направлений академических музыкантов следует выделить выявление роли музыки в формировании актерского мастерства и структурировании драматического спектакля (Н. Ювченко), изучение важнейших аспектов отечественного музыкально-исторического наследия Полоцка (А. Карпилова, Т. Мдивани) и Несвижа («Художественная культура Радзивилловского Несвижа: XVIII–XXI вв.» (авторы Т. Мдивани, О. Баженова, Н. Ювченко)), а также мультимедийные издания из серии «Современные белорусские композиторы» – Е. Глебов, А. Мдивани, С. Кортес, И. Лученок, изданные Т. Мдивани в издательстве «Беларусь».

Во всех работах представлена картина становления и эволюции основных жанровых разновидностей музыки академической традиции. Жанровые трансформации музыкальной сущности рассмотрены в каждом конкретном случае с точки зрения комплексного анализа – выявления образной сферы произведений, характера их содержания и типа композиций, особенностей музыкального языка и черт национального своеобразия. В ряде научных работ, посвященных синтетическим жанрам – опере, балету, исследователи обращаются к системно-структурному методу, который ввиду своей сложности (синтез музыки, сценического действия и сценографии) представляет собой многоуровневую целостность.

Темы, посвященные современной белорусской музыке и ее интеграции в европейскую музыкальную культуру, разнообразны, каждая из работ внесла весомую лепту в развитие отечественного музыказнания. Необходимо отметить, что исследование современной музыки – задача тяжелая и сложная, поскольку сам процесс развития композиторского творчества многоплановый и противоречивый. Отдельные его стороны могут остаться без внимания исследователя чаще всего из-за невозможности бесстрастного «взгляда со стороны» и обобщающего проникновения в сущность явления, которое еще не стало историей. И тем не менее серьезная аналитическая работа с учетом специфики предмета исследования и сложившихся национальных тради-

ций дает возможность выявить основные тенденции современной белорусской музыки в контексте не только национальной, но европейской и всемирной музыкальной культуры. Важнейшей особенностью научных исследований белорусских музыкантов является их многосторонность рассмотрения предмета, будь то теоретический труд или же экскурс в историю национальной музыкальной культуры. Изучение темы обусловлено рассмотрением музыкального феномена сквозь призму обстоятельного музыковедческого анализа с последующим осмыслением явления как акта культуры. Таким образом, материалом научных исследований белорусских музыкантов является отечественная, русская и зарубежная музыка разных эпох, жанров, стилей (старинная, классическая, романтическая, современная; опера, балет, симфония, камерная музыка и т. д.) и творческих направлений – классических, неклассических, а также новая сфера – православная певческая культура (Л. Густова-Рундо, Т. Мдивани, Л. Сидорович).

Одной из важнейших сфер отечественного музыкоznания является изучение музыки устной традиции (этномузыкология) и раннего периода письменной традиции (медиевистика).

Утверждение белорусской этномузыкологии как науки, находящейся на стыке музыкоznания, этнологии и фольклористики, происходило в XIX–XX вв. Уникальность традиционной музыкальной культуры белорусских этнотерриторий в европейском пространстве обусловила огромный интерес к ней со стороны западных (польских, чешских) и восточных (российских) этнографов и собирателей уже с начала XIX ст. Формирование научной школы в области белорусской этномузыкологии происходило под влиянием идей академика Б. Асафьева, чья интонационная теория была сформулирована преимущественно на основе «музыки устной традиции» (термин Б. Асафьева). Кроме того, значительным фундаментом для утверждения магистральных направлений изучения белорусской народно-музыкальной культуры стали научные позиции и идеи Н. Янчука, К. Квитки, В. Беляева, Е. Гиппиуса, З. Эвальд, Ф. Рубцова, собирательская деятельность М. Горецкого, Н. Чуркина, Г. Ширмы, Г. Цитовича, М. Гринблата и др.

Основоположником научной школы этномузыкологии в Беларуси является кандидат искусствоведения, доцент Л. Мухаринская, педагогическая и исследовательская деятельность которой в БГК началась в 1939 г. В ее трудах получили разработку сложнейшие научные проблемы – история музыки устной традиции, ее генезис, процессуальность, стилевое развитие и эстетика («Белорусская народная песня. Историческое развитие», 1977). Постановка обозначенных проблем, относящихся к основам и закономерностям существования музыкального фольклора, способствовала вхождению этномузыкологии в ряд ключевых отраслей белорусского народоведения. Одной из ведущих сфер научного поиска Мухаринской стал масштабный комплекс проблем народно-песенного творчества современности, раскрытый в диссертационном исследовании «Современная белорусская народная песня (Белорусское народное песнетворчество советской эпохи): Историческое развитие. Интонационный склад» (1968), монографических работах «Мелодический язык современной народной песни» (1960), «Партизанские песни Белоруссии и их слагатели: (черты стиля)» (1964), «Белорусская народная партизанская песня: 1941–1945» (1968), «К вопросу об эстетическом освоении действительности в белорусском народнопесенном творчестве» (1982).

Ряд работ Л. Мухаринской положил начало формированию историографического направления в белорусской этномузыкологии. Обращаясь к жанру рецензии, исследователь по факту создавала аналитические портреты виднейших этномузыкологов и фольклористов К. Квитки, Я. Чюрлионите, В. Гошовского, С. Грицы, З. Можайко, Е. Гиппиуса, Ф. Рубцова, Г. Ширмы, Г. Цитовича и др. Ее преемниками в этой области стали ученики и младшие коллеги, подготовившие коллективную монографию «Белорусская этномузыкология: очерки истории (XIX–XX вв.)» (авторы З. Можайко, Т. Якименко, Т. Варфоломеева, И. Назина, Г. Тавлай и др.). Историографический ракурс последовательно выдержан в коллективной монографии, созданной представителями следующего поколения белорусских этномузыкологов – «Экспедиционно-полевое исследование региональных этномузыкальных традиций Беларуси в современных условиях» (авторы Т. Беркович, Т. Константинова, В. Прибылова, А. Данилович, Л. Баранкевич).

Через педагогический класс Л. Мухаринской прошли такие крупнейшие этномузикологи, как З. Можейко, Л. Костюковец, Т. Варфоломеева, Т. Якименко, хотя впоследствии большинство из них окончили аспирантуру под руководством других ученых, привнося в отечественную науку идеи и подходы российских научных школ.

Прямым преемником научной школы Л. Мухаринской является кандидат искусствоведения, доцент Т. Якименко, защитившая диссертацию по теме «Песни-баллады в женской календарной традиции белорусского Севера» (1985). Научные интересы исследователя охватывают изучение системных, историко-стилевых, теоретических и этнопсихологических аспектов музыкального фольклора белорусов; поэтику, типологию, регионалистику и ареалогию белорусского устнотрадиционного песенного мелоса; музыкальное пространство белорусской этнопесенной эпики; белорусское композиторское творчество разных столетий и композиторский фольклоризм. Среди наиболее крупных публикаций – монография «Сучасная беларуская этнамузыкалогія: да практик апошняй трэці ХХ – пачатку ХХІ стагоддзя» (2004), учебное пособие «Беларуская народная музычная творчасць» (1993; в соавт. с Л. Мухаринской); разделы в коллективных монографиях и учебных пособиях «Из истории музыкознания в Беларуси» (2002), «Белорусская музыка 1960–1980-х гг.» (1997), «Белорусская музыка второй половины ХХ в.» (2009) и др.

В специальном классе Т. Якименко прошли подготовку этномузикологи Т. Константинова, кандидаты искусствоведения Т. Беркович, В. Прибылова, К. Кривошайцева, Е. Чернова, Н. Данилович (защитила диссертацию под руководством Т. Беркович). Наряду с развитием магистральных исследовательских направлений школы, охватывающих системные, стилевые, типологические, региональные, ареальные, социологические и этнопсихологические аспекты музыкального фольклора, каждому из данной когорты присущи свои специфические научные интересы: феноменология песенно-игровых форм белорусского календарного мелоса и механизмы мелотворческих процессов в обрядово-игровых формах фольклора, этномузикологический архив, деятельность ведущих представителей белорусской этнамузикологии у Т. Беркович; вопросы теории обходных песенных ритуалов, функциональная и локально-стилевая специфика календарных напевов, проблемы партизанского песнетворчества и художественной самодеятельности у Т. Константиновой; вопросы этнофонии, проблемы формирования и функционирования песенно-обрядовой масленичной традиции у В. Прибыловой, вопросы традиционной музыкальной культуры этнорегионального пограничья у К. Кривошайцевой; специфика этномузикального ландшафта этнорегионального пограничья у А. Данилович; песнопения православного богослужения в белорусской этнамузикальной традиции, устнотрадиционные песенные практики на территориях современного белорусско-польского пограничья, белорусское композиторское творчество ХХ – начала ХХІ ст. у Е. Черновой. В числе наиболее крупных публикаций этих исследователей – монография и сборник В. Прибыловой «Музычны ландшафт песенна-абрадавых традыцый Масленіцы Верхняга Падняпроўя» (2010), «Масленіца. Абрад. Песні. Напевы» (2020, в соавт.), монографии Т. Беркович «Песенна-гульнявия дзеі перыяду сонцавароту ў этнамузичнай традыцыі беларусаў» (2015) и Е. Черновой «Гімнаграфія праваслаўнага богаслужэння ў беларускай музычнай культуры ХХ – пачатку ХХІ стагоддзя» (2018), разделы Т. Константиновой в коллективных монографиях «Белорусы. Т. 11. Музыка» (2008) и «Великая Отечественная война в белорусской музыке: память потомков» (2022).

Научную школу известного российского исследователя-теоретика В. Беляева, отдавшего много сил изучению музыкальных культур народов СССР, в том числе белорусской народной музыке, представляет в своей деятельности доктор искусствоведения В. Елатов. Его собственные научные интересы лежали в области исследования теоретических основ народной музыки, жанрово-функциональных и историко-стилевых аспектов музыкального фольклора – «Ад песні да песні» (1961), «Ладовые основы белорусской народной музыки» (1964), «Ритмические основы белорусской народной музыки» (1966), «Мелодические основы белорусской народной музыки» (1970), «Песні савецкага часу» (1970; в соавт.), «Радзінная паэзія» (1971; в соавт.), «Дзіцячы фальклор» (1972; в соавт.), «По следам одного ритма» (1974), «Жніўная песні» (1974; в соавт.), «Песни

восточнославянской общности» (1977); «Веснавыя песні» (1979; в соавт.), «Валачобныя песні» (1980; в соавт.), «Восеньскія і талочныя песні» (1981; в соавт.). В то же время в его педагогическом классе (руководство дипломными работами, подготовка аспирантов) разрабатывались преимущественно теоретические проблемы профессионального композиторского творчества XX в. (кандидатская диссертация О. Савицкой «К проблеме крупной формы в белорусской советской музыке: симфонии 1960–1980-х гг.»).

Виднейшим представителем широко разветвленной (научные центры в Москве, Санкт-Петербурге, Карелии, Мордовии, Удмуртии и др.) системно-типологической интонационной школы Е. Гиппиуса в Беларуси является доктор искусствоведения З. Можейко, чья плодотворная многолетняя деятельность была посвящена изучению стилевых особенностей и типологии обрядового фольклора, мелоса необрядовой лирики, региональных песенных систем, этнопсихологических аспектов музыкального фольклора белорусов, проблем экологии руральной народно-песенной культуры, истории белорусской этномузыкологии. Полученные ею результаты представлены в многочисленных отечественных и зарубежных публикациях, крупнейшими из которых являются монографические издания «Песенная культура Белорусского Полесья: село Тонеж» (1971), «Зімовыя песні: калядкі і шчадроўкі» (1975; в соавт.), «Песні Беларускага Паазер’я» (1981), «Песни Белорусского Полесья» (1983, 1984), «Календарно-песенная культура Белоруссии: опыт системно-типологического исследования» (1985), «Вяселле: мелодыі» (1990; в соавт. с Т. Варфоломеевой), «Песні Беларускага Падняпроўя» (1999; в соавт. с Т. Варфоломеевой), «Экология традиционной народно-музыкальной культуры: нематериальная культура Беларуси в свете социально-экологических проблем» (2011).

К научной школе Гиппиуса принадлежат прошедшие подготовку в аспирантуре у З. Можейко кандидаты искусствоведения Т. Варфоломеева и В. Ященко. В деятельности Т. Варфоломеевой органично сочетается решение проблем фундаментальной и научно-практической направленности; в сферу ее научных интересов входят вопросы видов, жанров, системной типологии и ареальных характеристик белорусского музыкального фольклора (в том числе переселенческих традиций), проблемы этномузыкальной диалектологии, становления и развития практической фольклористики в Беларуси, современного состояния традиционной художественной культуры белорусов. Ею опубликованы две монографии «Северобелорусская свадьба: обряд, песенно-мелодические типы» (1988) и «Песні Беларускага Панямоння» (1998), два монографических издания в соавторстве с З. Можейко (см. выше) и «Пахаванні. Памінкі. Галашэнні» (1986; в соавт.). Особой заслугой Т. Варфоломеевой стало осуществление масштабного проекта, где она выступила автором идеи, ряда разделов, составителем, редактором, – шеститомного издания «Традыцыйная маастацкая культура беларусаў» (2001–2013), уникального по охвату явлений и презентации современного состояния традиционной художественной культуры.

Продолжателем идей музыкально-фольклористической школы российской исследовательницы А. Рудневой стала доктор искусствоведения, профессор Л. Костюковец, основные научные интересы которой находились в области музыкальной культуры Беларуси XV–XVIII вв. в ее бытовых, профессиональных и народно-музыкальных проявлениях. Она последовательно придерживалась позиции эволюционизма в музыкальном искусстве, разрабатывала универсальные методы анализа и редактирования музыкально-песенных текстов. Л. Костюковец стала основоположником научной школы музыкальной медиевистики в Беларуси, проводя исследования музыки православной традиции, в том числе древнерусского и белорусского знаменного распева, белорусского столпового распева. Ею подготовлен ряд монографий – «Кантовая культура в Белоруссии» (1975), «Стилистика канта и ее претворение в белорусских народных песнях» (2006; 2008) «Фольклоризация канта» (2014); методических изданий – «Подготовка и проведение фольклорной экспедиции: методические рекомендации» (1987), «Беларуская музыка XVI–XVII стагоддзяў: вучэбна-метадалагічныя рэкамендацыі для ігры ў ансамблях» (1990), «Музыка Беларусі XVII стагоддзя (“Рыфматворны псалтыры”): метадалагічныя рэкамендацыі для харовых калектываў і вакальных ансамбляў» (1991); «Рукописный белорусский

Ирмолов на квадратных линейных нотах 091/283к и его песнопение “Наславник царевича Ярослава”» (2011).

Научные позиции и идеи Л. Костюковец нашли продолжение в деятельности ее учеников – кандидатов искусствоведения Л. Баранкевич (диссертация «Духовный стих в белорусском музыкальном фольклоре»), Н. Дожиной (диссертация «Певческая книга Октоих старообрядческой ветковской традиции»), Е. Сакович (диссертация «Супрасльский напев и его претворение в церковно-певческом искусстве Беларуси XVI–XVIII вв.»).

Становление белорусского этноинструментоведения как самостоятельного научного направления в 1960-х гг. происходило на протяжении длительного периода, в течение которого сформировались адекватные объекту изучения научные подходы (органологический, социально-функциональный, историко-сравнительный, региональный, музыкально-этнографический), методы (аналитической нотации – Е. Гиппиуса, стилевого анализа, эстетического анализа) и классификационные принципы (в первую очередь Э. Хорнбостеля – К. Закса), а точкой отсчета его существования стала публикация программного очерка И. Благовещенского «К истории белорусской народной инструментальной музыки» (1965), обозначившего методологию и круг основных проблем данной дисциплины.

Научная школа в области изучения традиционной инструментальной культуры белорусов сложилась позднее и связана с именем доктора искусствоведения, профессора И. Назиной, в числе наиболее значимых трудов которой «Белорусские народные музыкальные инструменты» (в 2 кн.; 1979; 1982), «Белорусские народные наигрыши» (1986), «Беларуская народная інструментальная музыка» (1989), «Жаніцьба Цярэшкі» (1992; в соавт.). Последователями и продолжателями ее научных идей в сфере этноинструментоведения стали доктор искусствоведения Н. Яконюк (кандидатская диссертация «Проблемы формирования национального оркестрового стиля в музыке для белорусского оркестра народных инструментов»), кандидаты искусствоведения М. Козлович («Музыкант – інструмент – музыка ў каляндарна-абходнай абрааднасці беларусаў») и Е. Шатко («Колокола и колокольные звоны православных храмов западных регионов Беларуси: история и современность»). Широкий круг направлений научных исследований И. Назиной (историко-культурное, социологическое, этнографическое, этноорганологическое, этнофоническое, философско-мифологическое) обусловил подготовку в ее классе также специалистов других отраслей музыкования: доктора искусствоведения О. Дадиомовой (кандидатская диссертация «Музыкальная культура городов Белоруссии в XVIII в.») и кандидата искусствоведения Т. Лихач («Літургічна музыка лацінскай традыцыі на Беларусі ў XVIII стагоддзі»).

Заключение. Таким образом, современное белорусское музыкование имеет крепкие и устойчивые научные школы, охватывает серьезные и важные области музыкального искусства и культуры. Главной его тенденцией является стремление глубоко и всесторонне изучить музыку как вид искусства и понять сущность музыкального.

Список использованных источников

1. Белорусская этномузыкалогия: очерки истории (XIX–XX вв.) / З. Можейко, Т. Якименко, Т. Варфоломеев [и др.] ; под ред. З. Можейко. – Минск: Технадзір, 1997. – 254 с.
2. Из истории музыкознания в Беларуси: Белорусская государственная академия музыки: 1932–1992: учеб. пособие / Л. А. Волкова, Г. С. Глушченко, Е. В. Куракина [и др.]; редкол.: Г. С. Глушченко (глав. ред.) [и др.]. – Минск: Бел. наука, 2002. – 366 с.

References

1. Mozheiko Z., Yakimenko T., Varfolomeev T., Nazina I., Tavlai G., Malash L., Solomevich Ya., Gippius E., Mukharinskaya L. *Belarusian Ethnomusicology: Essays on History (19th–20th centuries)*. Minsk, Tekhnalogiya Publ., 1997. 254 p. (in Russian).
2. Volkova L. A., Glushchenko G. S., Kurakina E. V., Leshchenya T. S., Novikova R. A., Savitskaya O. P. *From the History of Musicology in Belarus: Belarusian State Academy of Music: 1932–1992*. Minsk, Belaruskaya navuka Publ., 2002. 366 p. (in Russian).

Информация об авторах

Мдивани Татьяна Герасимовна – доктор искусствоведения, профессор, главный научный сотрудник отдела музыкального искусства и этномузикологии. Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы, Национальная академия наук Беларусь (ул. Сурганова 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: t_mdivani@mail.ru

Горбушина Ирина Леонидовна – кандидат искусствоведения, доцент, заведующий отделом музыкального искусства и этномузикологии. Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы, Национальная академия наук Беларусь (ул. Сурганова 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: 000r000@list.ru

Константинова Татьяна Леонидовна – научный сотрудник отдела музыкального искусства и этномузикологии. Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы, Национальная академия наук Беларусь (ул. Сурганова 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: talekon@mail.ru

Information about the authors

Tatyana G. Mdivani – D. Sc. (Art History), Professor, Chief Researcher of the Department of Musical Art and Ethnomusicology. Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganova Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). E-mail: t_mdivani@mail.ru

Irina L. Gorbushina – Ph. D. (Art History), Associate Professor, Head of the Department of Musical Art and Ethnomusicology. Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganova Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). E-mail: 000r000@list.ru

Tatiana L. Konstantinova – Research Assistant of the Department of Musical Art and Ethnomusicology. Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganova Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). E-mail: talekon@mail.ru

ЛІТАРАТУРА ЗНАЎСТВА
LITERARY SCIENCE

UDC 811'42'373.612.2:821.161.3'06-311.6:821.111'06-311.6
<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2026-71-1-65-73>

Received 21.01.2022

Olga A. Lidenkova

Francisk Skorina Gomel State University, Gomel, Belarus

**IMAGES AND METAPHORS OF POWER IN CONTEMPORARY FICTION
OF BELARUSIAN AND BRITISH AUTHORS**

Abstract. Starting from the second half of the 20th century critics have extensively written about a pronounced historical turn in contemporary fiction. At the beginning 21st century the focus on historical themes has become one of the predominant trends in world literature. The article aims to identify universal elements in the understanding and representation of state power and social hierarchy in the historical fiction by Belarusian and British writers of the late XX – early XXI centuries (L. Daineko, O. Ipatova, L. Rublevskaya, S. Balakhonov, A. Navarich, K. Tarasov, H. Mantel, J. Crace, B. Unsworth and others). The problem of power, along with the problem of identity and trauma, is one of the central issues in contemporary fictional representations of the past. The authors actively turn to the ancient metaphors of theatre and board games (images of chess figures, puppetry, playing Go). On closer examination, the gender distribution of hierarchical powers between characters contradicts the prevailing stereotypes about the difference between female and male prose. At the same time, the attention of writers shifts from the external political aspect to the influence of power on the personality of a leader, actualizing the idea that it is a strong leader, and not circumstances, people or natural determinism that are the driving force of the historical process.

Keywords: historical fiction, contemporary literature, metaphor, power, theatre, hierarchy, stereotype

For citation: Lidenkova O. A. Images and metaphors of power in contemporary fiction of Belarusian and British authors. *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2026, vol. 71, no. 1, pp. 65–73 (in Russian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2026-71-1-65-73>

О. А. Лиденкова

Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины, Гомель, Беларусь

**ОБРАЗЫ И МЕТАФОРЫ ВЛАСТИ В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ
БЕЛАРУСИ И БРИТАНИИ**

Аннотация. Начиная с 1960-х гг. обращенность к историческим темам стала одной из преобладающих тенденций в мировой литературе. Статья посвящена выявлению универсальных элементов в понимании и презентации темы власти и общественной иерархии в прозе белорусских и британских писателей конца XX – начала XXI века (Л. Дайнеко, О. Ипатовой, Л. Рублевской, С. Балахонова, А. Наварича, К. Тарасова, Х. Мантел, Дж. Крейса, Б. Ансурта и др.). Проблема власти наряду с проблемой идентичности и травмы является одной из центральных в современных художественных презентациях прошлого. При ее разработке авторы активно обращаются к древним метафорам театра и игры (образы шахмат, марионеток, батлейки, игры в го). При ближайшем рассмотрении гендерное распределение иерархических полномочий между героями противоречит сложившимся стереотипам о различии женской и мужской прозы. При этом внимание писателей смещается с внешнего политического аспекта к влиянию власти на личность, психику персонажей, актуализируя идею о том, что именно конкретная персона, а не обстоятельства, народ или природная детерминированность являются движущей силой исторического процесса.

Ключевые слова: историческая проза, современная литература, метафора, власть, иерархия, игра, стереотип

Для цитирования: Лиденкова, О. А. Образы и метафоры власти в современной исторической прозе Беларуси и Британии / О. А. Лиденкова // Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук. – 2026. – Т. 71, № 1. – С. 65–73. <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2026-71-1-65-73>

Starting from the 60s–70s of the twentieth century exploration of history started to permeate European and American literatures, and the fact that several of the most important novels of the era focused on the complexities of understanding and representing the past, marked the revival of historical fiction at the end of the 20th century.

In Belarus, historical mysteries and parables by V. Korotkevich (*"The Wild Hunt of King Stakh"*, 1964; *"The Dark Castle Olshansky"*, *"Christ landed in Harodnya"*) become a nationwide phenomenon, and their impact on the genre of the historical novel is predominant even at the beginning of the 21st century. At the end of the 70s a turn to national past marks the works by L. Daineko (the first Belarusian historical fiction cycles *"People and Lightnings"*, 1978; *"The Sword of Prince Vyachka"*, 1987; *"Werewolf's Trail"* etc.). At the same time V. Orlov starts publishing his essays about ancient Polotsk, O. Ipatova writes fictionalised accounts of lives of prominent women: *"Pradslava"* (1971), *"The Black Princess"* (1989).

In Europe three books – Fowles' *"The French Lieutenant's Woman"* (1969), U. Eco's *"The Name of the Rose"* (1981) and S. Rushdie's *"Midnight's Children"* (1980) marked the beginning of a new Renaissance of the historical novel, a genre that had been deemed an unviable relic of the past: *"That recent British and anglophone fiction has taken a historical turn has become an axiom of critical commentary on the contemporary British literary scene"* [1, p. 167].

A distinctive feature of the Belarusian literary process is that in it, history-centred works have always occupied a special place due to their ability to create and disseminate the idea of a unifying common past, which is especially relevant for a country that has fought long and hard for independence and through this struggle has lost the majority of its material cultural artefacts. Numerous attempts have been made to erase or substitute Belarusian identity, claiming it to be a variant of a Polish or Russian cultural space, so that in many cases ideas, legends, myths and bits of witness testimony were the only indestructible thing left. The constant appeal to familial bonds, roots and regional belonging, thus, distinguishes a large number of significant literary texts by Belarusian authors, even if the texts themselves cannot be attributed to the genre of historical fiction in the strict sense of the word. Allusions to the ideas of cultural memory, images of notable personalities become the basis not only of the conventional plots about the Grand Duchy of Lithuania, the uprisings of the 19th century or the vicissitudes of the Soviet period, but also inspire dystopian visions of the future starting with *"A Person with the Diamond Heart"* by L. Daineko (1994) to specifically postmodern, experimental works by S. Balakhonov, M. Martysevich (*"Sarmatia"*, Book of the Year Award, 2018), M. Andrasyuk (*"Full moon"*, 2018). The analysis of the dynamics of social development through many generations of one family, the desire to create a veritable archive of national memory from fragments of personal recollections are distinctive features of the novels by V. Gnilomedov, G. Dalidovich, N. Yakovenko, A. Arkush and V. Orlov.

There are currently an infinite number of ways and models of historical representation within the framework of a literary text, from more conventional works that preserve the tradition of the classic novel to semi- or pseudo-documentary fiction, family sagas, experimental prose that incorporate elements of magical realism, pastiche, metafiction and other techniques favoured by postmodern writers. Despite the existing diversity of literary forms, it is possible to discern a certain invariable problem field, the core of which is made up of three major topics: issues of identity (personal, national), depiction of cultural trauma, and the problem of social hierarchy.

A significant part of the texts aimed at exploring the defining role of the past for understanding the current state of society is focused on the issues of leadership, the figures of rulers and people who, in one way or another, defined their epoch. At the same time, this side of the genre has attracted very little attention of researchers; from the available works, it is possible to name the dissertation *"The Concept of National Existence in the Fiction of Belarusian Immigrant Writers of the 20th century"* by A. Pashkevich (Belarusian State University, 2002), *"Power and Punishment in Scott's Novels"* by Bruce Beiderwell (University of Georgia Press, 1992) and some articles by D. Aristov, I. Domorad, K. Grady and J. Shulevitz.

The aim of the study, therefore, is to identify invariants in the literary representation of the motive of power in history-centred works of contemporary British and Belarusian authors in a comparative aspect. To achieve this it is necessary to consider the principal metaphors and symbols that embody authors' perception of the idea of state power and personal leadership; to analyse literary gender stereotypes of hierarchical relationships; and, finally, to single out the ontological aspect of the topic in contemporary historical fiction.

The study of the nature of power and its influence both on the personality of the bearers and the course of social development is one of the fundamental motives of historical fiction. L. Daineko, V. Charopko, V. Korotkevich believed that it is the personality of a leader, not some generic idea of a people or socioeconomic conditions that determines the fate of the nation. The Swedish history professor and romantic poet E.G. Geijer in his often-quoted statement argued, that the history of the Swedish people is the history of its kings: “*Svenska folkets historia <...> är dess konungars*”, and S. Brantly specifies: “*the history of the Swedish people is the history of its attitude towards Charles XII*” [2, p. 524; 3, p. 164].

The avid supporter of such theory is, for example, the British writer H. Mantel, whose historical books focus precisely on the exceptional figures of the leaders of the French Revolution (“*A Place of Greater Safety*”, 1992), or the reformers and enlighteners of the Tudor period (the Thomas Cromwell trilogy, 1999–2021).

The essence of social relations is described most fully through the metaphors of a (board) game and playacting (political theatre), which in their turn have a very long literary history. Traditionally such analogies convey the idea of a rigid worldly hierarchy with strictly assigned, predetermined roles (often reinterpreted as an idea of an inescapable fate that is impossible to change or avoid). “Endless puppetry”, where “everyone is dancing on a separate stick” and no one is free, that is how the realities of a vicious cycle of Belarusian history are described by L. Rublevskaya, Y. Senkevich and S. Balakhonov: “*Бамлайка без канца. II. А <...> сам у ігрышчи гэным – на кіёчку. Як і астальныя лялькі*” [4, p. 132].

We come across numerous depictions of characters' semblance to chess pieces or figurines from a mechanical music box, which signifies their lack of agency. This is a situation against which they either rebel and win or accept and perish, losing their will and personality. Moreover, in the works of Belarusian authors, the metaphor of playacting turns out to be so ubiquitous, that referring to life as a game is employed randomly, even when such analogies are not fully justified by the plot. They serve as an exaggerated reminder of the absurdity and unpredictability of the state system, in which each of them is a disposable element. Examples can be found in the historical mysteries of M. Klimovich, M. Adamchik, A. Globus (collection of stories and novellas “*The Crown of Vitaut the Great*”), whose characters perceive human relationships exclusively as role-playing. Consequently, in the story, they themselves are often given professions of directors, actors and similar creative positions. These obsession with motives of incessant playacting is inherited by the current generation of authors. For example, the novel “*The King's Triangle*” by E. Asnorevsky (2018) deals with an exceptionally sensitive issue of preservation of historical city architecture by employing grotesque references to chess moves and Indiana Jones-style guessing games. The characters are presented alternatively like surreal comic book super heroes, avatars of famous people from the past or chess figures whose destiny is being written by an invisible puppet-master: “*Вы гуляеце ў гульню, а я буду вас накіроўваць*”; “*Так, гэта ўсё выглядае нейкім коміксам. Я іх люблю, але самому быць героем коміксу, усё-ткі вельмі дзіўна*” [5].

We see exactly the same idea, although much more subtly conveyed, in the novel “*The Thousand Autumns of Jacob De Zoet*” by D. Mitchell, where political machinations are likened to a game of Go, which gradually and insidiously subjugates its initiators. Those who consider themselves masters of the situation, have long lost control over their own intrigues, which continue to develop against their will: “*Do you ever suspect ... we don't play Go, rather Go plays us?*” [6, p. 521].

The idea of playing with the fates of dependant people by princes and magnates is a leitmotif of historical fiction by V. Orlov. In his short story “*The Mercy of Prince Hieronym*” we witness the subversion of one of the primary Christian virtues. The prince easily concurs with the plea to pardon the rebels if the protagonist (who acts as a petitioner for leniency) agrees to be executed in their stead:

“Задумаўся князь на хвіліну <...> – Добра, гарматнік, – гаворыць, – калі ўжо ў цябе душа такая далікатная, можаши не восем, а дзеяць сваіх баламутаў ратаваць. Скеміў? Гэты дзяяты на тваё месца стане, а ты – на ягонае” [7, p. 80].

The same ease in resolving the issues of someone else's life and death on the part of those in power is consistently shown in the “*Prantish Vyrvich*” cycle by L. Rublevskaya. Despite all his talent and medical knowledge, the protagonist is seen only as a useful tool even by those magnates who pose as his patrons and benefactors. There is a memorable scene when aristocrats engage in playing “the game of ‘set the doctor free’” and the matter of life and death is turned into a farce and a bit of entertainment: “Паны рагаталі, нібыта глядзелі ў балагане на дрэсіраваных мядзведзяў, якіх прымушаюць танчыць, выяўляюць з сябе свецкіх хлюстмаў у багатых касцюмах” [8, p. 143].

Throughout the cycle, the heroes rebel against their “instrumental” function, trying to stop being just a means of realising somebody else's goals and ambitions. Prantysh and Lednik are not perceived as equals by the nobility (despite the fact that Prantysh belongs to the szlachta), and duke Baginsky supports the protagonists just to spite his sister: “Пранцысь моўчкі глядзеў, як Лёднік і Саламея Рэніч на каленях дзякуюць дабрадзеям за гэткую высокую міласць. Кланяюцца, стараюцца <...> А паны ўсё рагочуць <...> Рогат нібыта ператвараўся ў перліны, якія затаплялі пакой, як у коліс убачаным жахлівым сне” [8, p. 144].

Deep distrust of state power and the effectiveness of its institutions in general seems to be a universal feature of the analysed texts. It can be promptly expressed by the characteristic “*bald-pated pantaloons*”, “*British boobies*” given to the governing bodies by the characters of P. O'Brian or the popular moniker of the king “*Your Moronship*” in “*A Place of Greater Safety*” by H. Mantel. The prevailing desire to distance themselves from politics and any kind of ruling positions is a stable trait of protagonists in Belarusian texts: “Зашыцца ў які лес, зямлянку выкапаць і жыць у ёй, пакуль не скончыцца ўсё” [9, c. 257]. Therefore, the protagonists are persistently advised not to attract the attention of the king as a necessary condition to survive and navigate the intricacies of social life: “*We're all worms, we're all shit. Do you realize that you could be locked up tomorrow, for the rest of your natural life, if the King put his name to a piece of paper that he's never even read?*” [10, p. 8].

Almost all Belarusian authors of the older generation (K. Tarasov, L. Daineko, O. Ipatova, L. Rublevskaya), J. Meek, and H. Mantel, B. Unsworth, in whose historical works temptations and depravities brought on by power are often one of the central themes (“*The Ruby in Her Navel*”, “*Morality Play*”, “*Sacred Hunger*”), return to the same religious idea of inner freedom, which is the only thing that can give the hero independence from the rules and roles, transforming the political theatre into a metaphysical game of good versus evil. It dismantles the idea of fate, takes the characters out of the cycle of history because everything is decided only by the individual choice: “толькі цяпер, напрыканцы гульні, разумею. – Гульні?! – Прайгранай гульні, – сумна ўдакладніў Дан, – даўно, калі не з самага пачатку, прайгранай. І не абвінаваціш жа ў пройгрышы жыццё, <...> правілы, па якіх мы гуляем хто ў д'ябла, хто ў самога Бога, спадзеючыся выйграць, выбіраем мы самі” [11, p. 103].

The metaphor of politics as a theatre and characters as masks wearers has not lost its relevance since the days of medieval drama. We see numerous examples of its use to describe the royal court in the “*Wolf Hall Trilogy*” by H. Mantel, where truth is always inferior in strength and significance to the script, concocted by clever words: “*the queen does not expect your friendship, only an outward show*” [12, p. 556]. The arrest of Cardinal Wolsey is described as a well-staged play. The real roles enacted by the cardinal's adversaries are later (sometimes prophetically) mirrored in the costumes they wear during the performance in the palace: “*devils wrench off their masks, and toss them, swearing, into a corner; he watches as they try to claw off their knitted devil-coats. They turn to each other, laughing, and begin to pull them over each other's heads. The dead man pulls off his mask. It is Sexton, the fool*” [12, p. 220].

Playacting is an invariable component of a literary portrait of a politician, whose true nature is deliberately obscured by the constant change of personas. B. Unsworth's protagonist from the novel “*Losing Nelson*” is trying to write a biography of his idol Lord Nelson, but sees only a frightening,

confusing multiplicity of the admiral's faces. An aura of mystery and unpredictability is a universal characteristic of literary portraits of leaders, of both Belarusian and English authors:

Усе павінны баяцца твайго маўчання, твайго смеху, твайго позірку, бо ніхто не павінен угадаць, што за гэтым маўчаннем і смехам – гнеў або міласць, што ў гэтым позірку – прысуд смяротны або ўхвалы [13, с. 81].

A man's power is in the half-light, "Cromwell thinks to himself". It is the absence of facts that frightens people: the gap you open, into which they pour their fears, fantasies, desires [12, p. 24].

The deliberate whimsicalness of Prince Mindovg and Vseslav from the novels by L. Daineko, of Hieronym Radziwill from the Vyrvich cycle by L. Rublevskaya, childish tantrums and affected helplessness of King Henry are called to conceal the calculating nature of a true politician: “*The king is a complainer too. He has a headache. The Duke of Suffolk is stupid. The weather is too warm for the time of year. The country is going to the dogs*” [12, p. 227]. All these strategies are emphasized in the first book of the trilogy when the author strives to establish the image of the ruler. The king loves to disarm his opponent with visible friendliness and good-heartedness: “*But,'he says, in the tone of one misunderstood, 'I am a prince known for my munificence'*” [12, c. 38]. However, this is a false weakness and feigned simplicity; a game, which by its very existence only emphasizes the inviolability of social boundaries and the inaccessibility of the elites: “*with the king, you can share a joke with him. But as Thomas More used to say, it's like sporting with a tamed lion. You tousle its mane and pull its ears, but all the time you're thinking, those claws, those claws, those claws*” [14, p. 151].

That is why the motive of power is so often shaped via metaphors of light and shadow, mirrors and reflections. In the book “*The Zone of Interest*” by M. Amis (2014), the mythologization of the image of Hitler is achieved through a folkloric technique of name avoidance. In the novels of H. Mantel and B. Unsworth, the characters are afraid of portraits and mirrors, since in them, as in some Dorian-Gray-like magical artefacts, the true face of the character begins to appear through the usual mask. A vivid description of this process is the study of Admiral Nelson's portrait in the novel by B. Unsworth: “*But it was a borrowed face, it was not his <...> Eyes a greenish brown, an expression cold, pitiless, but not as though native to him—it was induced, laid on his face. The cruelty was something he was bleakly resigned to, as he was resigned to his role. Not the travelling player now. This was Horatio in the part of killer*” [15, p. 50].

This same policy of constant pretence, which at the beginning of the story protects the position and authority of the leader, finally turns against him and proves to be destructive for his personality. In this aspect, the theme of power merges with another major problem of modern history centric works, namely, the problem of gaining and preserving one's true identity. Behind the mask the character does not have time to truly get to know himself, which will inevitably lead to death – as we see in the destinies of political figures, princes and magnates, who until the very end believe in their ability to mould and subjugate reality to their will in the novels by H. Mantel, K. Tarasov, L. Daineko, L. Rublevskaya.

L. Daineko, O. Ipatova and P. O'Brian are among the few authors, whose ideas of power are not reduced to criticizing the despotic nature of the state system or the destructive impact of impunity on a human psyche. They emphasize the crushing burden of responsibility that any leading position imposes on the bearer: “*Усіх нас Бог зрабіў роўнымі, мама. І смерд, і князь – усе стаяць на Страшным Судзе аднолькава, нікому няма перавагі. – Але <...> нашто тады мы, князі? Чаму так на гэтым свеце зроблена? Значыць, нам дадзена болей, чым смердам, з нас болей і спытаемца*” [16, p. 25].

These writers' concept of the political theatre is not that of weak-willed pawns and puppets, but rather the noble farce of Montaigne, whose heroes are equally responsible for their decisions: “*N'est-ce pas une noble farce, de laquelle les Roys, les choses publiques, et les Empereurs, vont joüant leur personnage tant de siecles*” [17, p. 914]. This is a game of a slightly different level and character. A game that does not accentuate the social gap between people, but focuses on the functional conditioning of each role, high and low, while emphasizing their equality before fate.

In other reviewed works, as if highlighting the utopian unattainable nature of the idea of absolute equality and a just society, the authors repeatedly demonstrate an inevitable evolution towards absolutism and despotism of any, even a most enlightened system. H. Mantel, for almost two thousand pages, traces

how King Henry from an energetic enlightened monarch turns into a self-conscious unpredictable despot; how prudent and far-sighted Cromwell is increasingly absorbed by the grandiose ideas of restructuring the society, thus losing the ability to soberly predict the possible consequences of his words and actions. A. Arkush, A. Fedorenko, V. Orlov, L. Rublevskaya, P. Barker in their novels demonstrate how, with the change of historical epochs, the tyranny of a prince or an absolute monarch is replaced by the dehumanising suffocating tyranny of bureaucracy.

Contrary to the stereotypical view that women writers of historical novels prefer to focus on amorous adventures or a private everyday side of events, the issues of power struggle get no less attention from them, than in the works of male novelists, and female characters as a rule are as obsessed with the ideas of hierarchy and control. It's just that their power is of a different kind.

A simplified dichotomy of female characters into hapless victims and mercenary predators is characteristic of a very limited number of authors (L. Daineko, K. Tarasov, L. Rublevskaya).

Belarusian male writers of the older generation are much more prone to sentimentality and reliance on gender stereotypes. The most typical example is the short stories by V. Mazhilovsky, where even a woman murderer is always an involuntary victim of adverse social conditions. The books by Y. Tatarinov (*"Fatal passion of The Grand Duke Mindaugas"*), K. Tarasov (*"The Three Lives of the Princess Rogneda"*) rarely depict a Duchess or a Princess as an active agent but rather a noble martyr or a wellmeaning but ineffective plotter (e. g. comic attempts of Panna Oksana to organise a rebellion in *"The Lithuanian Wolf"* by A. Navarich).

Paradoxically, it is mostly male Belarusian writers of historical fiction that seem to demonstrate the characteristics usually attributed to romance novels: affectation and melodrama, the focus on love life and redeeming female power, idealised images of fair maidens and evil jealous mistresses: images of Zoya in *"Name your son Constantine"* by L. Daineko, fair ladies from *"The Dances over the city"* by V. Orlov.

L. Daineko prefers to create binary oppositions when one heroine will be the embodiment of typical female virtues (patience, kindness, devotion, protective courage) and, the other will illustrate the worst sides of women's nature: lust for power and riches, envy and cruelty towards younger rivals: *"Кожны дзень Дабранега разам з вернай Купінай рабіла абход церама і ўсяго княжацкага двара. Чэлядзь загадзя падмятала, чысціла, мыла ўсе куточки вялікага церама. Страх і трапятанне былі ўсходы"* [18, p. 9].

An inversion of gender roles is presented in the novels of L. Rublevskaya, where the male protagonist is written as a classic Gothic heroine: a vulnerable, talented, virtuous but relatively helpless character who is threatened by a higher-ranking (rich, powerful), strong and unprincipled woman (Panna Polonea, Dana the businesswoman, Empress Catherine the Great, etc.). In the course of the story, he is to be saved by a sensitive, courageous and virtuous heroine.

And yet the majority of authors, both English and Belarusian, prefer more complex and multidimensional female characters, who are actively competing for a place in the social hierarchy.

Women of H. Mantel, T. Bondar, O. Ipatova, even classical Penelope and Helen by M. Atwood are as smart, pragmatic, and often ruthless in achieving their goals, as male politicians and warriors of traditional historical novels. Images of Euphrosyne (Predslava) of Polotsk, Catherine of Aragon, Anne Boleyn, numerous princesses of old are not in any way concerned about collateral damage while realising their ambitious plans and are far removed from ideals of womanly virtues: *"Прадыславу балюча ўка-
лола тое, што тут, у лесе, дзяўчына гаварыла з ёй, нібы з раёнёю"* [16, p. 20]. They all demonstrate rare courage and decisiveness along with the ability to bend moral principles, employ their beauty, feign softness and weakness, but in their essence their power is no more beneficial or peaceful than the power of men: *"Яичэ адну княжую дачку, Звеніславу, князёўну Барысаўну, прывядзе яна ў манастыр –
дары яе манастыру будуць непамерна большыя, чым княжыя ахвяраванні: не пасмее князь Барыс
даць за дачкою пасаг небагаты"* [19, p. 94].

H. Mantel weaves a physical portrait of Anne Boleyn as a phantasmagorical tapestry of the victims to Anne's desire to become queen. In Cromwell's eyes, the delicate pink-grey tones of her dress transform into the innards of quartered monks, and her neat nails sparkle like sharpened executioner's blade: *"Anne*

was wearing, that day, rose pink and dove grey. The colours should have had a fresh maidenly charm; but all he could think of were stretched innards, umbles and tripes, grey-pink intestines looped out of a living body; he had a second batch of recalcitrant friars to be dispatched to Tyburn, to be slit up and gralloched by the hangman. They were traitors and deserved the death, but it is a death exceeding most in cruelty. he kept his eyes on her fingertips, nails flashing like tiny knives” [14, p. 36].

The key difference between male and female power is the uncanny ability of the latter to delegate violence and penchant for psychological non-physical assault, which is insidious and difficult to prove. It is significant that the role of a ghost (victim) in historical fiction is typically assigned to female characters, which, according to D. Wallace, symbolizes their repressed position in life [20, p. 87]. However, it is they who receive the right to revenge and administer justice. The lost girls of S. St. James or M. Atwood’s hanged maidens from “*The Penelopiad*” (2005) are not powerless but fearsome.

The novel “*Fair Helen*” by A. Greig (nominated for the Walter Scott Prize, 2014) contains not only references to the folk ballad of the same name but also alludes to the myth of Helen of Troy. Her choice of a suitor literally determines the life and death of the parties involved. Female characters in the novel, with all their apparent subordination to a husband or father, are far from damsels in distress. Genuine power, unexpectedly for the narrator, is in the hands of wives and mothers: “*He chuckled quietly, his mood changing again. “I wish you luck in getting this past my mother”. “Surely it is the heidsman needs convinced”. “She leads Dand as one leads a bull by the ring”* [21, p. 111]. A woman does not need to subjugate hundreds of warriors, she just needs to win the heart of their leader: “*You are the head of this family?” I managed. “I am the heart”, she said. “And I have my husband’s”* [21, p. 113].

This power is invisible and based not on brutal strength, but on the ability to discover and exploit the weaknesses of others. In O. Ipatova’s novel “*The Sign of the Great Magister*” it is Duchess Maria who talks The Great Duke into political assassinations and causes another woman’s suicide through a masterful game of court gossip: “*ні цяпер, ні раней не хацела ўзгадваць лідская княгіня, што менавіта яна, Марыя, дабілася-ткі колькі гадоў таму ад Ягайлы злашчаснага загаду, згодна з якім запалонены Вітаўт ужо не выйшаў бы з Крэўскага замка жывым!”; “*гэта яна, Марыя, першаю прыдумала плётку, што Вітаўт меў Алену за палюбоўніцу, таму і пайшла тая на смерць*” [22, p. 13–14].*

In the same way, young and fair duchess Polonea from L. Rublevskaya’s historical cycle, without scruples, manipulates the protagonist’s infatuation to force him into political machinations, which gains her the name of “*la belle dame sans merci*”, “*Чароўнай Дамы, якая не мае лімасці, дзеля якой варта паміраць, але не варта чакаць удзячнасці і спагады*” [8, p. 151]. The people in any system are never a subject, but always a means. Social equality, freedom is nothing but an illusion, even high-ranking individuals are slaves to their position:

“*За смерць кожнага дарагога таварыша... суровая плата па законах ваеннага камунізму! Нашая рабоча-сялянская ўлада самая гуманная*” [9, p. 214].

“*You think the Prince’s friend a free man, the Cardinal’s secretary uncompromised, the lady’s maid entirely devoted? At the time I was two men, the one who had come to help my friends achieve their hearts’ desires, and the shadowy other I loosed only at the end of the day*” [21, p. 36].

Both Belarusian and English-speaking authors show surprising solidarity in characterizing the dominant features of power relations of different historical eras, as a result of which a set of invariants can be identified in literary representations of social hierarchy.

On the level of style and imagery, the writers prefer to explore the complexities of political processes through age-old metaphors of chess, puppetry and theatrical play, conveying the ideas of class constraints, the unattainability of utopian equality and specifically the dangers of self-estrangement and loss of identity when the mask substitutes the humanity of the bearer. The general conclusion is that actual freedom from the constraints of the political game and inevitable playacting is possible only through the ontological understanding of personal existence, at the basis of which lies humility, i. e. realistic knowledge of oneself. This idea may look trivial, but it has become trivial exactly because it is true and universal. We may pay attention to the abundance and significance of mirrors (and the fear they

instil in characters) in the Wolf Hall Trilogy, in “*Harvest*” by J. Crace, in historical novels by B. Unsworth, L. Rublevskaya, Z. Kaminskaya. The protagonists are constantly invited to face and accept the (often unpleasant) truth about themselves and reject the distortions, unfounded expectations, unwarranted fears or self-aggrandisement imposed by their social or political status, because what determines their essence lies not outside but within. Here we can remember that Cromwell’s downfall comes when he loses the view of the boundaries of his own personality, of his standing in relation to the figure of the king, “estrangement of self”, how Cromwell himself puts it: “*The mirror presents an alien face, eyes askew, mouth gaping. Lord Montague, and Exeter, and Nicholas Carew suffered this estrangement from self; and Norris and George Boleyn before them. Montague had said, ‘The king never made a man but he destroyed him again’. Why should Cromwell be an exception?*” [23, p. 631]. At the same time, there are practically no examples of a successful ending for those in power. Their progressive aspirations end in bloodshed, death, dissolution of personality.

The examined texts are characterized by a deep distrust and scepticism towards authorities and bureaucratic institutions. Power is presented as a corrupt force that leaves an inevitable imprint on those who are not strong enough to resist its temptations. With the disappearance of the absolute monarchy, its role is taken over by the state bureaucracy, that is, the nature of power in any era remains the same. At the same time, the existing situation of forced subordination on various social levels is interpreted as an inevitable and necessary evil. Utopian projects of social order do not occur (the rare exceptions are B. Unsworth’s cycle “*Sacred Hunger*” and “*The Tolstoy Estate*” by S. Conte).

The destinies of rulers are a way to explore the driving forces of history, the problem of the degree of personal responsibility in a historical perspective, and also, in the case of H. Mantel, to juxtapose the great figures of the past to the weak and bland politicians of today (which she has repeatedly stressed in her interviews) [24]. Weakness is unforgivable in a leader and has a most disastrous impact on the community. This axiom is vividly proved in the novel “*The Western Wind*” by S. Harvey, where the priest documents the disintegration of social, political, psychological order brought about by the corruption of leadership: “*if the village starves it looks to me, and I look to him, and he looks to the archdeacon who looks to the bishop and finds nobody there. And people lose faith because their protectors have not protected them, and the Lord loses faith in the protectors, whom he appointed to keep him in the hearts of all. Once the Lord has lost his faith in you, you’re upriver with no raft and one leg*” [25, p. 42].

The cynical manipulative nature of administrative institutions is emphasized. A. Arkush and A. Fedorenko mockingly turn soviet hospitals into torture chambers that transform people into weresheep (“*Revision*”, “*Heritage*”). P. O’Brian’s Admiralty encourages drunkenness in exchange for obedience: “*If they was only to get half a pint of three-water grog we should soon have a bloody mutiny on our hands. And quite right, too*” [26, p. 93].

Thus, despite the objective discrepancies in the choice of historic material, differences in culture and mentality, Belarusian and British authors at the present stage demonstrate very similar ways of representing various options of power relations and leadership, the factors that determine the historical success or tragedy of the nation.

References

1. Keen S. The historical turn in British fiction. *A concise companion to contemporary British fiction*. Malden, 2006, pp. 167–187. <https://doi.org/10.1002/9780470757673.ch8>
2. Geijer E. G. *Svenska folkets historia*. Stockholm, P. A. Norstedt och söner, 1873, pt. 1. 538 p. (in Swedish).
3. Brantly S. *The historical novel, transnationalism, and the postmodern era presenting the past*. New York, Routledge, 2020. 200 p.
4. Balakhonau S. *The name of the Pear Tree: a novel, stories*. Minsk, I. P. Logvinau Publ., 2005. 226 p. (in Belarusian).
5. Asnareuski Y. *The King’s Triangle*. Elektronnaya knigarnya Publ., 2018. 120 p. (in Belarusian).
6. Mitchell D. *The Thousand Autumns of Jacob De Zoet*. London, Sceptre, 2014. 538 p.
7. Arlou U. A. *The Mercy of Prince Hieronym: novellas and short stories*. Minsk, Yunatstva Publ., 1993. 272 p. (in Belarusian).
8. Rubleuskaya L. I. *Adventures of Prantish Vyrvich, a schoolboy and a spy: a phantasmagorical romance*. Minsk, Newspaper editorial office “Zvyazda”, 2012. 271 p. (in Belarusian).
9. Fedarenka A. *No one’s: stories, novel*. Minsk, Mastatskaya litaratura Publ., 2009. 430 p. (in Belarusian).

10. Mantel H. *A place of greater safety*. London, Fourth Estate, 2009. 880 p.
11. Bondar T. *The Cobweb: mystery-play novel*. Minsk, Mastatskaya litaratura Publ., 2004. 222 p. (in Belarusian).
12. Mantel H. *Wolf Hall: a novel*. New York, Picador, 2010. 604 p.
13. Charopka V. *The Temple without God: a novel*. Minsk, Mastatskaya litaratura Publ., 1992. 262 p. (in Belarusian).
14. Mantel H. *Bring up the bodies*. London, Fourth Estate, 2019. XXI, 485 p.
15. Unsworth B. *Losing Nelson*. New York, N. A. Talese, 1999. 352 p.
16. Ipatava V. *Pradyslava: a novella*. Minsk, Staliya Publ., 2003. 79 p. (in Belarusian).
17. Michel de Montaigne. *Essais*. Paris, Gallimard, 1950. 1273 p. (in French).
18. Daineka L. *The Sword of prince Vyachka: a novel*. Minsk, Yunatstva Publ., 2000. 332 p. (in Belarusian).
19. Bondar T. *Temptation: a novel*. Minsk, Yunatstva Publ., 1989. 397 p. (in Belarusian).
20. Wallace D. *The Woman's historical novel: British women writers, 1900–2000*. Basingstoke, Palgrave Macmillan, 2008. 284 p.
21. Greig A. *Fair Helen: a veritable account of 'Fair Helen of Kirkconnel Lea' scribed by Harry Langton*. New York, Quercus, 2015. 384 p.
22. Ipatava V. *The Sign of the Great Magister: a novel*. Minsk, Knigazbor Publ., 2009. 294 p. (in Belarusian).
23. Mantel H. *The mirror & the light*. New York, Henry Holt & Company, 2020. 784 p.
24. Wood H. Mantel's Last Cromwell Novel “Likely to Miss Summer 2018”. *The Bookseller*. Available at: www.thebookseller.com/news/mantel-cromwell-he-would-have-eaten-alistair-campbell-breakfast-582211 (accessed 28.12.2021).
25. Harvey S. *The western wind: a novel*. Waterville, Thorndike Press, 2019. 457 p.
26. O'Brian P. *Master and commander*. New York, W. W. Norton, 1990. 459 p.

Information about the author

Olga A. Lidenkova – Ph. D. (Philol.), Associate Professor. Francisk Skorina Gomel State University (104 Sovetskaya Str., Gomel 246028, Belarus). E-mail: hollin7@gmail.com. <https://orcid.org/0000-0001-8644-6406>

Информация об авторе

Лиденкова Ольга Александровна – кандидат филологических наук, доцент. Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины (ул. Советская, 104, 246028, Гомель, Республика Беларусь). E-mail: hollin7@gmail.com. <https://orcid.org/0000-0001-8644-6406>

ПРАВА

LAW

УДК 342.72
<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2026-71-1-74-79>

Поступила в редакцию 23.06.2025
Received 23.06.2025

О. У. Шаро

Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

**ТЕОРЕТИКО-ПРИКЛАДНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРЕДЕЛОВ
КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СВОБОДЫ ТВОРЧЕСТВА
И ПРЕПОДАВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ**

Аннотация. В современных условиях вопрос установления границ конституционно-правового регулирования свободы творчества и преподавания выходит на передний план в актуальной повестке юридического сообщества. Повсеместное развитие искусственного интеллекта и новых форм преподавательской активности бросает вызов прежнему законодательному регулированию, которое должно своевременно отвечать на возникающий общественный запрос. Ориентированное воздействие конституционно-правовых норм на общественные отношения, возникающие из сути творческого акта и преподавательской деятельности, подразумевает неукоснительное соблюдение принципов Основного Закона. Текущее законодательство, раскрывая содержание отдельных дефиниций, а тем более устанавливая пределы осуществления творчества и преподавания, не может ни при каких обстоятельствах входить в коллизию с основополагающими конституционными положениями. Статья 23 Конституции Республики Беларусь допускает ограничение прав и свобод человека в случаях, предусмотренных законом, в целях защиты поименованных в диспозиции данной нормы охраняемых конституционных интересов. В представленной статье раскрываются отдельные теоретико-прикладные проблемы определения пределов конституционно-правового регулирования свободы творчества и преподавания, провозглашенной Конституцией, исходя из критериев правового государства и не свойственного сегодняшнему дню правового опыта, имевшего место в период существования Советского Союза.

Ключевые слова: свобода творчества и преподавания, конституционализация, права человека, пределы прав и свобод, закон

Для цитирования: Шаро, О. У. Теоретико-прикладные проблемы определения пределов конституционно-правового регулирования свободы творчества и преподавания в Республике Беларусь / О. У. Шаро // Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук. – 2026. – Т. 71, № 1. – С. 74–79. <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2026-71-1-74-79>

Otto U. Sharo

Belarusian State University, Minsk, Belarus

**THEORETICAL AND APPLIED PROBLEMS OF DETERMINING
THE LIMITS OF CONSTITUTIONAL REGULATION OF FREEDOM OF CREATIVITY
AND TEACHING IN THE REPUBLIC OF BELARUS**

Abstract. In modern conditions, the issue of establishing the boundaries of constitutional and legal regulation of freedom of creativity and teaching is at the top of the agenda of the legal community. The widespread development of artificial intelligence and new forms of teaching activity challenges the previous legislative regulation, which should respond in a timely manner to the emerging public demand. The oriented impact of constitutional and legal norms on social relations arising from the essence of the creative act and teaching activity implies strict observance of the principles of the Basic Law. Current legislation, by revealing the contents of individual definitions, and even more so by setting limits on creativity and teaching, cannot under any circumstances conflict with the fundamental constitutional provisions. Article 23 of the Constitution of the Republic of Belarus allows for the restriction of human rights and freedoms in cases provided for by law in order to protect the protected constitutional interests mentioned in the provision of this provision. The presented article reveals some theoretical and applied problems of determining the limits of constitutional and legal regulation of freedom of creativity and teaching, proclaimed by the Constitution, based on the criteria of a rule-of-law state and the legal experience that took place during the existence of the Soviet Union, which is unusual for today.

Keywords: freedom of creativity and teaching, constitutionalization, human rights, limits of rights and freedoms, law

For citation: Sharo O. U. Theoretical and applied problems of determining the limits of constitutional regulation of freedom of creativity and teaching in the Republic of Belarus. *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2026, vol. 71, no. 1, pp. 74–79 (in Russian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2026-71-1-74-79>

Введение. Реализация свободы творчества и преподавания традиционно происходит между Сциллой и Харибдой юридических препонов, как условных (оценочных суждений, рекомендаций профессионального сообщества и др.), так и императивных. В. А. Лебедев отмечает: «Государство формирует запреты, направленные на защиту свободы всех членов общества; подобного рода ограничения объективно необходимы. Ограничения свободы личности посредством права вполне разумны, когда они соответствуют уровню политического, правового и нравственного сознания людей в обществе» [1, с. 132].

Вместе с тем П. А. Баранов затрагивает вопрос общетеоретической проблемы злоупотребления правом в контексте рассмотрения вопроса об ограничениях прав и свобод человека [2, с. 69]. Любой автор творческого произведения (художник, режиссер, писатель, ученый, преподаватель и др.) в процессе реализации идейного замысла может позволить себе выход за условные границы дозволенного, устоявшегося в творческой (научной, культурной, художественной и др.) практике и общепринятого в среде профессионалов определенной сферы, любителей. Творчество – это всегда создание чего-либо нового. Тем не менее новое творческое содержание далеко не всегда представляет собой злоупотребление конституционным правом на свободу творчества и преподавания, образуя при этом угрозу защищаемым конституционным ценностям.

Основная часть. Можно согласиться с суждением российского конституционалиста Н. С. Бондаря о том, что «ценностная значимость присуща не только Конституции в целом, но и конкретным нормам Основного Закона, которые являются в этом случае отражением фактически сложившихся и юридически признанных представлений о социальных приоритетах и наиболее оптимальных моделях обустройства общественной и государственной жизни, о соотношении ценностей власти и свободы, равенства и справедливости, рыночной экономики и социальной государственности и т. д.» [3, с. 10]. Правовая природа конституционно-правовых пределов реализации прав и свобод, описанных в статье 23 Конституции (национальная безопасность, общественный порядок, защита нравственности, здоровье населения, права и свободы других лиц), содержит основания, обеспечивающие защиту личности, общества и государства от инсинуаций, которые под мнимым предлогом осуществления творчества и преподавания на самом деле направлены на реализацию иных, не связанных с творчеством и преподаванием стремлений.

В контексте определения пределов конституционного права на свободу творчества и преподавания на теоретическом и практическом уровнях могут возникнуть некоторые проблемы, что объясняется особой спецификой творческой и преподавательской деятельности. В обществе, где не сформирована конституционная традиция приоритета творческого акта в его противостоянии с существующими запретами, конкретные пределы реализации поименованного конституционного права неизбежно будут сопряжены с проблемами в части теоретико-прикладного обоснования возможности таких пределов. Несмотря на фактическое отсутствие специальных работ в науке конституционного права Республики Беларусь, вопрос теоретико-прикладных проблем определения пределов конституционно-правового регулирования свободы творчества и преподавания не теряет своей актуальности. Разделяя подходы, установленные в конституционно-правовой науке, и учитывая взаимосогласованность статей 23 и 51 Конституции, изложим правовую позицию о проблемах определения пределов конституционно-правового регулирования свободы творчества и преподавания в Республике Беларусь.

Национальная безопасность – это конституционно-правовой институт, упомянутый в статье 23 Конституции. В апреле 2024 г. Всебелорусское народное собрание своим Решением утвердило Концепцию национальной безопасности Республики Беларусь. Среди стратегических национальных интересов, в соответствии с положениями Концепции, выделяются следующие: сохранение самобытности, укрепление духовно-нравственных ценностей белорусского народа,

развитие современного культурного пространства страны, защита исторической памяти (подпункт 3 пункта 8); совершенствование научно-технологического и образовательного потенциала (подпункт 7 пункта 8); благополучие граждан, создание комфортных условий для жизнедеятельности и развития личностного потенциала (подпункт 8 пункта 8). В соответствии с пунктом 11 Концепции, основными национальными интересами в научно-технологической сфере являются развитие интеллектуального и духовно-нравственного потенциала общества, укрепление патриотизма (подпункт 4 пункта 11). Согласно подпункту 3 пункта 12 указанного акта, развитие интеллектуального и духовно-нравственного потенциала общества, укрепление патриотизма названы в качестве основных национальных интересов в социальной сфере. Основными угрозами национальной безопасности, согласно Концепции, признаются среди прочего посягательства на независимость, территориальную целостность, суверенитет и конституционный строй Республики Беларусь (подпункт 1 пункта 29); вмешательство извне во внутренние дела, навязывание Республике Беларусь политического курса, не отвечающего ее национальным интересам (подпункт 2 пункта 29); проявления экстремизма в любых его формах, в том числе терроризма, расовой, национальной, религиозной либо иной социальной вражды или розни, возникновение массовых и иных беспорядков, в результате которых создается опасность жизни и здоровью людей, территориальной целостности и существованию государства (подпункт 3 пункта 29).

Единая содержательная линия Концепции, как представляется из анализа ее норм, нацелена на защиту конституционного права на свободу творчества и преподавания. Возможность реализации себя в творчестве и преподавании для каждого – залог эффективного развития белорусского государства. Однако, затрагивая аспект уголовно-правовой политики, обратим внимание на то, что статья 51 Уголовного кодекса Республики Беларусь, устанавливающая лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью в качестве вида наказания, не предусматривает законодательно никаких ограничений для назначения судами запрета на осуществление творческой деятельности. Суд вправе назначить запрет на осуществление художественного, научного или публицистического творчества. А ведь творческая деятельность гарантирована Конституцией. В отношении преподавательской деятельности применение уголовного наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью всецело оправдано, несмотря на объективно имеющуюся значительную творческую составляющую в преподавании. Связана данная парадоксальность с неразрывно сопутствующими преподаванию юридическими обременениями, непосредственным взаимодействием преподавателя и обучающегося в ходе трудовой практики. Отметим, что указанное не отменяет творческой составляющей в преподавании, а, наоборот, обосновывает эту деятельность с присущими ей особенностями, что целиком соответствует конституционно-правовому изложению единенности в рамках одной нормы категорий «творчество» и «преподавание» в соответствии с частью второй статьи 51 Конституции. Применительно к тем случаям, когда противоправные действия преподавателя способны принести вред обучающемуся, закон допускает лишение лица права заниматься преподавательской деятельностью с целью защиты прав и свобод других лиц. Судом должно быть приведено убедительное обоснование того, что лишение права на занятие преподавательской деятельностью безусловно необходимо для защиты прав и свобод других лиц.

Нравственность и общественный порядок в Республике Беларусь защищены Конституцией. Учитывая согласованность вышеназванных конституционных принципов и норм со свободой творчества и преподавания, конкретная ситуация, при которой в творческом произведении происходит демонстрация всего того, что условно способно нарушить общественную нравственность, в целом не может служить единственным и достаточным основанием для предпринятого ограничения свободы творчества и преподавания в интересах защиты нравственности, если соблюдены все необходимые требования, установленные, в частности, положениями Кодекса Республики Беларусь о культуре, Закона Республики Беларусь «Об авторском праве и смежных правах», Закона Республики Беларусь «О правах потребителей», иными актами законодательства, касающимися введения возрастных ограничений для публичной демонстрации подобных

произведений. Вместе с тем следует признать, что никто не вправе ограничить свободу творчества и преподавания, основываясь на личностных представлениях об эстетических формах возможного в творчестве. Если автору творческого произведения не хватает художественных средств для пристойного изложения материала и он вынужденно прибегает к антираввенным формам, это свидетельствует об утрате автором своего таланта, а не о наличии законного основания ограничения конституционных прав и свобод.

Полагаем, что такие основания ограничений прав и свобод, как защита нравственности и общественного порядка, предусмотренные статьей 23 Конституции, представляют общее содержательное наполнение, в рамках которого ограничение свободы творчества и преподавания в интересах общественного порядка совершаются методами административно-правового, в некоторых случаях и уголовно-правового принуждения, а в интересах защиты нравственности – методом запрета (отмены), реализованным посредством как юридических, так и профессионально-этических оценок творческого сообщества. В данной связи можно отметить, что применяемые ограничительные меры в отношении свободы творчества и преподавания человека, необходимые для достижения конституционной цели общественного порядка, являются достаточными не только для исходной цели, но и для достижения цели защиты нравственности. При этом, признавая уникальность творчества, нельзя, по нашему мнению, отождествлять реальную действительность с совершающим действием в границах творческого акта. Отграничения указанных понятий сложны в восприятии и трудноосуществимы на практике. Было бы полным абсурдом обвинить в убийстве художника, пишущего картину о войне, на полотне которой изображен человек, стреляющий в другого человека. Автор создает творческую реальность (ирреальность), реализуя естественное право на свободу творчества и преподавания, и, в конечном итоге, имеет все юридические возможности для того, чтобы реализовать это право по своему личному усмотрению, не оглядываясь на неустановленные нравственные догмы и практику, одобряемую в текущем историческом моменте отдельной группой ангажированных экспертов творческой сферы.

Ангажированность (от франц. *engagement* – вовлеченность) – термин, введенный в научный оборот философом Жаном-Полем Сартром. Б. И. Кононенко лапидарно определяет ангажированность как сознательно выбранную позицию [4]. Б. М. Бим-Бад пишет, что вовлеченность (ангажированность) есть глубокая внутренняя связь личности с социально-политическими структурами и окружающим их морально-психологическим климатом, одна из характеристик процесса осуществления активной жизнедеятельности, противоположность инертности, равнодушию, аполитичности. Вовлеченность (ангажированность) – неустранимая характеристика деятельности творческой личности. Вовлеченность (ангажированность) в позитивную социальную и политическую жизнь общества представляет собой одну из целей воспитания и обучения [5, с. 38]. Полагаем, что ангажированность в правоприменительной практике (ситуативная или постоянная) государственного органа или должностного лица при принятии им решений о возможно допустимом ограничении свободы творчества и преподавания влечет существенный вред институту прав человека, подменяет собой законность, справедливость и гуманизм, что априори недопустимо в конституционном государстве.

Хрестоматийный пример неправомерности и ангажированности при преследовании цели защиты нравственности связан с историей так называемого «полочного кинематографа» [6]. В конце 1970-х гг. кинорежиссер Н. В. Обухович получил творческое задание от Ленинградской студии документальных фильмов (ЛСДФ) снять агитационный фильм о жизни советских трудающихся легкой промышленности. Съемки фильма проходили в г. Иваново (РСФСР). В 1979 г. Н. В. Обухович завершил производство документального фильма, получившего название «Наша мама – герой». В том же году в адрес Государственного комитета СССР по кинематографии была отправлена правительенная телеграмма следующего содержания: «Ивановский обком КПСС категорически возражает против выпуска на экраны фильма Ленкинохроники “Наша мама – герой”, посвященного герою социалистического труда, депутату Верховного Совета РСФСР, члену ЦК ВЛКСМ, члену бюро обкома КПСС ткачихе Ивановского камвольного комбината

В. Н. Голубевой. Фильм примитивно, в искаженном свете, нарочито обедненно показывает облик героини, создает неправильное представление об общественной, семейной, духовной жизни людей, совершающих трудовой подвиг. Точку зрения обкома КПСС разделяет Министерство текстильной промышленности РСФСР и его министр, товарищ Баранов. Секретарь Ивановского обкомпарта В. Клюев». Руководство Государственного комитета СССР по кинематографии дало указание ЛСДФ уничтожить кинонегативы, а всех виновных в изготовлении фильма привлечь к дисциплинарной ответственности. Сотрудники ЛСДФ саботировали решение вышестоящей организации. Картина вышла на экраны в 1989 г., имела широкий общественный резонанс и получила восторженные отзывы кинокритиков. В 1995 г. фильм «Наша мама – герой» вошел в список лучших фильмов всех времен и народов, опубликованный к 100-летию кинематографа в журнале «Искусство кино» [7, с. 152].

Приведенный пример демонстрирует, что обращение к цели защиты нравственности для ограничения свободы творчества и преподавания должно быть лишено субъективных оценок, не должно базироваться на эстетических предпочтениях должностных лиц или государственных органов, должны отсутствовать нарекания в излишнем формализме и т. д. Актуализированный смысл части второй статьи 51 Конституции подразумевает: автор творческого произведения самостоятельно определяет баланс нравственных ценностей в своем произведении. Никто не вправе делать это за него. Дискреционными полномочиями публичной власти определяется правовой предел свободы творчества и преподавания лишь в той мере, в которой может изменяться суть акта творчества в угоду иным, не связанным с творчеством и преподаванием стремлениям.

Рассуждая о конституционной цели защиты здоровья населения, позволим себе высказать следующую точку зрения. Ограничение свободы творчества и преподавания на основании конституционно-правового предела в целях защиты здоровья населения обосновано приоритетностью здоровья по отношению к творчеству и преподаванию, невозможностью осуществления творческой деятельности без наличия физического здоровья.

Отдельного внимания заслуживает вопрос ограничения свободы творчества и преподавания в целях защиты психического здоровья населения. Излишним было бы в статье, посвященной теме прав и свобод человека, проводить исследование, относящееся к категории психиатрии или медицинской психологии. Однако, возвращаясь к упомянутому ранее оценочному критерию ангажированности при определении цели защиты нравственности, можно по аналогии выстроить проекцию ангажированности, продуцированную в контексте защиты психического здоровья населения. Иначе говоря, для одного человека творческое произведение может показаться негативно влияющим на психическое здоровье, в то же время на другого человека это же произведение не окажет никакого негативного эффекта либо вовсе оставит его равнодушным. Целеполагание в защиту психического здоровья населения не может существовать в отрыве от физического здоровья. Предлагается тезис: если творческим произведением не причинен физический вред здоровью населения, скорее всего, вред психическому здоровью населения также отсутствует.

Заключение. Широта и разнообразие творческих и преподавательских практик требуют разработки специального правового регулирования установления пределов гарантированной Конституцией свободы творчества и преподавания. В этой связи конституционализация законодательного массива, приведение его в соответствие с базовыми конституционными гарантиями – реальная задача белорусской юридической науки и практики. Основываясь на конституционно-правовых нормах, можно выявить некоторую правовую неопределенность и проблемы в определении пределов свободы творчества и преподавания в уголовном законодательстве (статья 51 Уголовного кодекса Республики Беларусь), административно-деликтном законодательстве (статья 6.7 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях). Также следует упомянуть о несовершенстве уголовно-исполнительного закона в той его части, которая регулирует положение осужденных в местах отбывания наказаний, касающегося занятий творчеством и преподаванием в указанных местах.

Е. Евтушенко в начале 1970-х гг. написал следующие строки:

Предел на белом свете есть всему:
любви, терпенью, сердцу и уму,
и мнимой беспредельности простора.
Тебя напрасно мучает, поэт,
небеспрепдельность сил твоих и лет:
поверь, в ней никакого нет позора.

Таким образом, описанные поэтом пределы реалий творчества как бытия человека вполне соотносимы с пределами конституционно-правового регулирования свободы творчества и преподавания. Креативная способность человека создавать что-то новое и полезное в различных областях жизнедеятельности благотворно влияет как на саму жизнь, так и на конституционное развитие государства.

Список использованных источников

1. Лебедев, В. А. Конституционные основы ограничений прав и свобод человека и гражданина / В. А. Лебедев // *Lex Russica*. – 2017. – № 1 (122). – С. 130–139. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2017.122.1.130-139>
2. Баранов, П. А. Проблемы ограничения прав и свобод граждан / П. А. Баранов // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2021. – № 2. – С. 67–73. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2021-1-2-67-73>
3. Бондарь, Н. С. Конституционные ценности – категории действующего права: проблемы восприятия студентами юридических вузов / Н. С. Бондарь // Социология и право. – 2011. – № 2 (8). – С. 8–25.
4. Ангажированность // Энциклопедия культурологии. – URL: <https://rus-culture-enc.slovaronline.com/69-ANGAZHIROVANNOST> (дата обращения: 19.03.2025).
5. Педагогический энциклопедический словарь / гл. ред. Б. М. Бим-Бад. – М.: Большая рос. энцикл., 2002. – 527 с.
6. Ковынева, М. Что такое «полочное кино»? / М. Ковынева // Культура.РФ. – URL: <https://www.culture.ru/s/vopros/polochnoye-kino/> (дата обращения: 19.03.2025).
7. Вехи // Искусство кино. – 1995. – № 11. – С. 147–168.

References

1. Lebedev V. A. Constitutional basis for the restrictions on human and civil rights and freedoms. *Lex Russica*, 2017, no. 1 (122), pp. 130–139 (in Russian). <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2017.122.1.130-139>
2. Baranov P. A. Problems of limiting the rights and freedoms of citizens. *Severo-Kavkazskii yuridicheskii vestnik = North Caucasus Legal Vestnik*, 2021, no. 2, pp. 67–73 (in Russian). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2021-1-2-67-73>
3. Bondar N. S. Constitutional values – the categories of the current law: problems of perception by students of legal IHLs. *Sotsiologiya i pravo = Sociology and Law*, 2011, no. 2 (8), pp. 8–25 (in Russian).
4. Commitment. *Encyclopedia of Cultural Studies*. Available at: <https://rus-culture-enc.slovaronline.com/69-ANGAZHIROVANNOST> (accessed 19.03.2025) (in Russian).
5. Bim-Bad B. M. (ed.). *Pedagogical encyclopedic dictionary*. Moscow, Bol'shaya rossiiskaya entsiklopediya Publ., 2002. 527 p. (in Russian).
6. Kovynева M. What is a “shelf movie”? *Culture.RF*. Available at: <https://www.culture.ru/s/vopros/polochnoye-kino/> (accessed 19.03.2025) (in Russian).
7. Milestones. *Iskusstvo kino* [The Art of Cinema], 1995, no. 11, pp. 147–168 (in Russian).

Информация об авторе

Шаро Отто Усубович – магистр юридических наук, преподаватель кафедры конституционного права. Белорусский государственный университет (ул. Ленинградская, 8, 220030, Минск, Республика Беларусь). E-mail: ya.otto-sharo@yandex.ru

Information about the author

Otto U. Sharo – Master of Law, Lecturer at the Department of Constitutional Law. Belarusian State University (8 Leningradskaya Srt., Minsk 220030, Belarus). E-mail: ya.otto-sharo@yandex.ru

РЭЦЭНЗІІ

REVIEWS

Паступіў у рэдакцыю 29.12.2025

<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2026-71-1-80-84>

Received 29.12.2025

А. А. Трафімава

*Цэнтр даследавання беларускай культуры, мовы і літаратуры Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі,
Мінск, Беларусь*

ЖЫВЫМ ТРАДЫЦЫЯМ АДДАНАСЦЬ

Нядайна наша грамадскасць адзначыла 110-годдзе з дня нараджэння народнага паэта БССР, акадэміка Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі Максіма Танка. Якраз гэтай падзеі, а таксама Дню народнага адзінства прысвежаны зборнік навуковых артыкулаў «Шчаслівы, што пяю цябе, Радзіма...», які пабачыў свет у выдавецтве «Беларуская навука»¹.

Вядомы танкаўскі паэтычны радок «Шчаслівы, што пяю цябе, Радзіма...» своеасабліва задае агульную танальнасць навуковай кнізе, вызначае змест і харектар яе літаратуразнаўчага дыскурсу. У непарыўнай сувязі М. Танка з Радзімай даследуеца яго дзейнасць як беларускага паэта. Патрыятызм героя і аўтараў артыкулаў – гэта тое, што аб'ядноўвае багаты і разнастайны матэрыял зборніка і прыдае яму актуальнасць, глыбіню і пераканаўчасць.

Першая частка зборніка прысвежана Максіму Танку як неад'емнаму кампаненту, ці суб'екту беларускай гісторыі і культуры. Мэта першых артыкулаў – не проста раскрыць адметнасць і спецыфіку творчай індывідуальнасці паэта, а выявіць веліч, непаўторнасць і значнасць яго асобы для беларускай нацыі. Ужо адны іх назвы сведчаць аб гэтым: “Максім Танк і яго час”, “Максім Танк як грамадска-культурны феномен”. Яны фактычна адказваюць на пытанне: што дала Беларусі і беларускаму народу творчая, грамадская і дзяржаўная дзейнасць паэта і як нам, сучаснікам, рухацца далей, грунтуючыся на ёй.

Пачынаеца зборнік глыбокім, філасофскім, аналітычным артыкулам аднаго з галоўных знаўцаў жыцця і творчасці песняра Нарачы акадэміка У. Гніламедава “Максім Танк і яго час”. Аўтар адзначае, што “паэт жыў на пераломе часоў, старога і новага”, дае дакладную харектарыстыку творчасці Танка па перыядах з улікам грамадской пазіцыі і ідэйна-эстэтычных адкрыццяў паэта, прасочвае эвалюцыю яго творчасці. У цэлым У. Гніламедаў вылучае такія рысы пазіі Танка, як цесная сувязь з рэчаіннасцю, шырокая апора на жыццё, але пры гэтым падкрэслівае, што яна заўсёды была вышэй за тагачасныя сацыяльныя актуаліі і ідэалагічныя патрэбы. Адданасць прызванню быць паэтам, мастаком была ў Танка настолькі моцная, што яе амаль не крануці заклікі савецкай сучаснасці да будаўніцтва камунізму і яго пропаганды. Аўтар заўважае, што паэт быў сапраўдным мастаком, “а ў гэтым спалучалася ўсё – і палітыка, і гісторыя, і філософія, і этыка”. Такі выдатны сінтэз дзвюх рыс Танкавай пазіі дае акадэміку У. Гніламедаву падставы лічыць Максіма Танка выдатным нашым сучаснікам і заклікаць моладзь вучыцца ў яго.

Зборнік працягваеца своеасаблівым трыв'ютам папярэдняму аўтару, У. Гніламедаву. Паэт Васіль Зуёнак сведчыць, што Уладзімір Гніламедаў быў даследчыкам “з паэтычнай душой”. Гэта дапамагло яму ў поўнай меры раскрыцца як выдатнаму літаратурнаму крытыку. У пацвярджэнне адзначанага высокага статусу паэт прыгадвае глыбокія дысертацыі Гніламедава, а таксама называе яго тонкім, далікатным суразмоўцам нашых знакамітых пісьменнікаў – Рыгора Бара-

дуліна, Ніла Гілевіча, Генадзя Бураўкіна і інш. Зүёнак таксама называе Гніламедава сваім чуйным і дасканалым чытачом, які не вучыць, а дае штуршок для чалавечага, асобаснага і паэтычнага росту. Яго крытычнае слова – “падказка для раздуму”. Закранае Васіль Зүёнак і дзеянасць Гніламедава як празаіка, якую таксама ацэньвае вельмі высока. Чытаючы артыкул, мы выразна бачым становучы ўплыў асобы крытыка на паэта, шмат у чым яе настаўніцкую ролю ў літаратурным жыцці В. Зүёнка. Усё гэта выводзіць У. Гніламедава за межы звычайнага крытыка і ўзнімае да суполкі выдатных сучасных беларускіх пісьменнікаў.

Працягвае тэму, распачатую акадэмікам У. Гніламедавым, М. Мікуліч з артыкулам “Максім Танк як грамадска-культурны феномен”. Даследчык аналізуе феномен Танка ў кантэксле “чалавечага характару паэта, яго жыццёвай біяграфіі і, натуральна, мастацкага таленту”. Трохбаковае адзінства творчасці паэта паступова, глыбока і пераканаўча раскрываеца аўтарам артыкула, які прысвяціў аналізу мастацкай спадчыны Танка некалькі манаграфій. І ў выніку гэтага М. Мікуліч падкрэслівае, што “сінтэз рэдкага чалавечага характару і яркага мастацкага таленту, а таксама ўнікальной біяграфіі абумовіў вялікія творчыя здабыткі Максіма Танка”. Грамадскія асновы паэзіі Танка даследчык бачыць у народнасці яго творчасці, звароце да нацыянальнага фольклору, у развіцці ідэйна-мастацкіх традыцый класікаў Купалы, Коласа, Багдановіча. Такім чынам, Мікуліч сцвярджае, што паэт “развіў і паглыбіў лепшыя традыцыі нацыянальнага паэтычнага мастацтва”. У артыкуле таксама вызначаны асноўныя перыяды творчасці Максіма Танка з вылучэннем дамінантных рыс яго паэзіі. Даследчык дэманструе глыбокое веданне творчасці і асобы паэта і таму мае ўзважанае, аб'ектыўнае меркаванне адносна ролі Максіма Танка ў айчыннай гісторыі і арганізацыі беларускага літаратурна-мастацкага працэсу.

I. Саверчанка заваstraе сваю ўвагу на грамадзянскім пафасе творчасці Максіма Танка. Аўтар новага артыкула падкрэслівае вяршэнства грамадска-патрыятычнай тэмы ва ўсім масіве вершаў паэта, ад самых ранніх да апошніх. М. Танк з ранніх гадоў меў актыўную грамадзянскую пазіцыю: заклікаў працоўных Заходняй Беларусі да барацьбы за аўяднанне са сваімі ўсходнімі братамі, а потым радасна сустракаў гэтую падзею. Яго ідэал, як сведчыць даследчык, – Каастусь Каліноўскі, што таксама гаворыць аб шчырым патрыятызме паэта. Шмат напісаў Танк і падчас Другой сусветнай вайны, каб узняць вызваленчы дух суайчыннікаў. Але I. Саверчанка не замыкаеца толькі на грамадзянскіх вершах паэта, ён згадвае і творы Максіма Танка пра прыроду, сяброўства, каханне, пра іншыя краіны, творы філасофска-медытатыўнага характару. Грамадзянска-патрыятычны пафас наскрозь пранізвае ўсю лірыку паэта. Ён застаецца сынам сваёй зямлі, пра што б ні пісаў. “Літаратурная спадчына М. Танка, – слушна сцвярджае I. Саверчанка, – інтэлектуальна надзвычай багатая і каштоўная”.

Другую ўмоўную частку кнігі можна назваць амаль выключна літаратурнаўчай. У першую чаргу тут вывучаюцца сувязі Танка з еўрапейскім рамантызмам, з польскімі пісьменнікамі. М. Верабей адзначае, што беларускага паэта набліжае да рамантычнай традыцыі метад, які ўключае наступныя складнікі: “гістарызм, зварот да фольклору, героя-адзіночку, змагара за справядлівасць”. А. Верабей сведчыць, што Максіму Танку была вельмі блізкая творчасць польскіх пісьменнікаў, але ён “свабодна выкарыстаў вопыт сусветнай і айчыннай літаратур”. Тому даследчык гаворыць і пра традыцыйнае, і пра наватарскае ў паэзіі класіка беларускай літаратуры. Па-першае, гэтыя артыкулы дазваляюць лепш зразумець тое, як фарміравалася мастацкая свядомасць паэта, з чаго вырастай ўнікальны феномен Танка як творцы. Па-другое, яны сцвярджаюць ідэю ўключанасці беларускай літаратуры ў еўрапейскі і сусветны гісторыка-літаратурны працэс. Аб гэтым, дарэчы, сведчыць і ранейшэя гніламедаўская парадунанне Танка з Гамлетам, уключэнне нашага паэта ў шэраг вечных вобразаў сусветнай мастацкай класікі. Па-трэцяе, гэта расправоўка надзвычай актуальнага і прадуктыўнага літаратурнаўчага напрамку – кампаратывістыкі, выяўленне міжкультурных сувязей.

Тэму міжнародных літаратурных адносін працягвае “італьянская старонка” ў творчасці Максіма Танка. Спачатку К. Часнакова разважае аб асаблівасцях перакладу вершаў паэта на італьянскую мову ў межах Анталогіі беларускай паэзіі XX стагоддзя, выдадзенай па-італьянску. Аўтар тлумачыць, чаму менавіта вершы “Гравюры Скарэны” і “Готыка святой Ганны” трапілі ў анталогію. На яе думку, гэтыя вершы звязвае беларуская і італьянская культуры, навучанне Скарэны

ў Падуі і агульная для Беларусі і Італіі каталіцкая вера. Што датычыць саміх перакладаў, то К. Часнакова сцвяржае: “яны зроблены максімальна блізка да тэкстаў арыгіналаў і пры гэтым у іх захавалася мастацкасць”, арыгінальная аўтарская вобразнасць. Гэта сведчыць аб tym, што антalogія максімальна дакладна “захавае для нашчадкаў творчасць беларускіх паэтаў на мове Данцэ Аліг’еры, Франчэска Петрапкі і Джавані Бакача”. Далей У. Чарота распавядае пра знаёмыя Максіма Танка з італьянскім пісьменнікам К. Леві. Літаратуразнаўца вырашае загадку са зліццём імёнаў пісьменнікаў Карлы і Прима Леві і, засноўваючыся на гістарычных звестках і ўспамінах Максіма Танка, адзначае, што з Карлам Леві наш паэт мог пазнаёміцца падчас кангрэса Еўрапейскага згуртавання пісьменнікаў у чэрвені 1960 г. Імя гэтага італьянскага мастака слова значнае для беларускай літаратуры яшчэ і tym, што на яго твор “Хрыстос затрымаўся ў Эбалі” У. Караткевіч праз 10 год адгукнуўся сваім самабытным раманам.

Несумненна, заслугоўваюць пільныя увагі чытача і глыбокія навуковыя разважанні аб характары мастацкіх сродкаў у творчасці Танка В. Старычонка. Ён сцвярджае, што творчасць паэта – гэта “люстэрка жыцця беларускага народа другой паловы XX стагоддзя”. Але, у адрозненне ад іншых даследчыкаў, Старычонак факусіруе свою ўвагу не на актуальным і сацыяльным у спадчыне песняра Нарачы, а на вечных і маштабных тэмах і вобразах. Галоўнымі катэгорыямі паэтычнага мыслення Танка даследчык лічыць катэгорыі чалавека і сусвету. Праз аналіз метафар, якія выкарыстоўвае Танк, Старычонак высыяляе адносіны паэта да вобразаў Сонца, Месяца, Зораў, Акіяну і г. д. Паэзія Максіма Танка – гэта простор, дынаміка, рух. Даследчык назначае, што Танк звяртаўся да адвечнай тэмы космасу, але далёкія планеты ў яго падобныя да Зямлі. Вельмі трапная заўвага аўтара артыкула пра тое, што чалавек у Танка павінен “здейсніцца”, “ажыццяўіцца”. Права звацца чалавекам трэба зарабіць, і гэта адбываецца толькі тады, калі ён патрэбны іншаму чалавеку, людзям. Даследчык разважае таксама пра супазітыўную метафору – своеасаблівую самаідэнтыфікацыю аўтара. Яна складаецца з асабовага займенніка і супазітыўнага цэнтра, што дапамагае лірычнаму герою ажыццяўіць сябе з практична бясконцай рэальнасцю. Метафары дапамагаюць Танку “адлюстраваць жыццё чалавека як жывое адзінства бясконцасці і канечнасці”. Яно мае просторавыя характарыстыкі, перш за ўсё гэта вобраз дарогі, і таксама часавыя. Жыццё – сцежка, шлях; існуюць разам і паслядоўнасць жыцця, і яго хуткаплыннасць. Далей Старычонак адзначае, што для Танка мела сэнс не толькі жыццё, але і смерць. Яна – “глыбінны сэнсавы складнік у экзістэнцыяльным кантынууме”, які дазваляе паэту выйсці на новы філасофскі ўзровень, зазірнуць у таямнічную сферу іншага жыцця. Увогуле аўтар артыкула робіць вывад аб tym, што для лірыкі Максіма Танка характэрна пільная ўвага да чалавека і яго месца ў часе і сусвеце. Гэта пацвярджае вызначэнні многіх даследчыкаў пра гуманістычныя характеристики творчасці паэта.

Канкрэтна філасофскай лірыцы Максіма Танка прысвечаны наступны літаратуразнаўчы артыкул I. Шаладонава. Аўтар гаворыць пра “філасофію жыцця”, якая ёсць у кожнага паэта і пісьменніка. Безумоўна, прысутнічае яна і ў творчасці Танка. Галоўныя яе рысы для аўтара артыкула – “унутраная засяроджанасць, экзістэнцыяльная заглыбленасць і высокая інтэлектуальнасць”. Ён разглядае ў творчасці паэта формы біблейскага светабачання. Як і В. Старычонак, I. Шаладонаў бачыць у паэта “ўмелася выкарыстанне выяўленчых сродкаў”, якія раскрываюць ідэю верша. Адну з метафор – “пакінуць адбітак жыцця // На камні, жалезе і золаце” – Шаладонаў падрабязна разглядае ў сваім артыкуле. І паступова яна вырастает да канцепту разца-слова, энергетыкай насычанага слова праўды. Яшчэ даследчык праводзіць паралелі з падобнымі філасофскімі замалёўкамі рускіх паэтаў Ясеніна, Блока, Буніна. Філасофская лірыка Максіма Танка, назначае даследчык, “дазваляла ўтрымліваць высокую планку мастацкага самасцвярджэння для іншых творцаў”, а значыць, унесла важкі ўклад у станаўленне і развіццё беларускай паэзіі XX ст.

Філасофію жыцця, а таксама творчасці Максіма Танка аналізуе і Т. Барысюк. Яна шукае адказы непасрэдна ў дзённіках паэта і знаходзіць там розныя аспекты асэнсавання канцепту “творчасць”. Важней з’яўляецца ідэя неабходнасці творчасці на роднай мове: “Як ніколі востра стаіць у нас пытанне мовы”. У дзённіках паэта праступае і расчараўванне ва ўсемагутнасці літаратуры, яе магчымасці нейкім чынам змяніць непрывабнае маральнае аблічча сучаснікаў. Але Максім Танк не пакідаў надзеі на лепшыя і ўважлівые сачыў за пісьменнікамі-сучаснікамі: ці адпавядае іх творчасць яго маральнім ідэалам, “наколькі яна адгukaеца ў яго душы”. Шмат разважае паэт

і пра літаратуразнаўчыя катэгорыі: што такое паэзія, якім павінен быць ідэйны змест мастацства. Адзначаў ён і пераклады на іншыя мовы сваіх твораў і твораў сваіх калег. З філасофіяй творчасці спалучаецца філасофія жыцця, у якой Максім Танк “паказаў экзістэнцыяльную значнасць для сябе” самых звычайных тэм і акалічнасцей: неабходнасці дапамагаць жонцы, важнасці гармоніі з прыродай, непазбежнасці смерці і інш. Гэта ўсё, лічыць аўтар, суадносілася з пошукамі паэтам сэнсу жыцця. Увогуле, артыкул Т. Барысюк можна лічыць добрым прыкладам ужывання біяграфічнага метаду ў літаратуразнаўстве.

Наступны артыкул Я. Гарадніцкага “Верлібр Максіма Танка” звернуты да асэнсавання значкамітай формы танкаўскай паэзіі. Аўтар пачынае з гісторыі верлібра ў творчасці Танка: знаходзіць свабодныя вершы яшчэ ў першым зборніку, але адзначае: “Вобразна-выяўленчыя магчымасці верлібра найяскравей выявіліся ў паэзіі Максіма Танка пачынаючы з другой паловы 1950-х гадоў”. Менавіта на сталым верлібры паэта спыняе ўвагу даследчык. Ён адзначае наступныя асаблівасці верлібра Танка: шматтайнасць мастацкай структуры, нечаканыя павароты думкі, наяўнасць прыкмет сюжэта, акцэнтаванае завяршэнне, наяўнасць непрыкметнай рыфмы. Выкарыстанне Танкам верлібра, сведчыць Гарадніцкі, дапамагае вершу ўзняцца да драматычнай рэпрэзентацыі жыцця, набыць прытчавую змястоўнасць. Верлібр – адзін з тых незаменных сродкаў, дзякуючы якім “свет Максіма Танка шматмерны, шматзначны, універсальны”.

Інтymнай лірыцы паэта прысвечаны артыкул І. Шматковай “Жанчыны ў жыцці і паэзіі Максіма Танка”. Даследчыца аналізуе вобраз жанчыны ў біяграфіі і творчасці паэта, разважае, як ён увасобіў блізкіх у сваіх творах. Вершы на тэму кахання, адзначае Шматкова, займаюць невялікі пласт у творчасці паэта, але тыя, што ёсць, з'яўляюцца сапраўднай каштоўнасцю. Па-першае, гэта, безумоўна, вершы пра маці. Для маці, вядома, знайшлося месца і жартоўным, і замілавана-пяшчотным, і глыбока пачцівым пачуццям мастака. Па-другое, самыя пранікнёныя, лірычныя вершы паэт прысвяціў жонцы. Адзін з іх, “Завушніцы”, пакладзены на музыку, аўтар артыкула называе сапраўдным гімнам каханню. Наогул, Шматкова згадвае вялікую ролю жонкі ў літаратурным і штодзённым жыцці паэта. Присвячаў вершы Максім Танк і дочкам, якія нарадзіліся пасля вайны, Ірыне і Веры. Присутнічаюць у яго творах і эпізадычныя вобразы жанчын-працаўніц, жанчын-муз. Гімнам жанчыне гучыць пераасэнсаванае Танкам біблейскае апавяданне пра стварэнне чалавека. На жаль, заўважае Шматкова, так здарылася, што пад канец жыцця паэт страціў усіх сваіх галоўных жанчын – не толькі маці, але і сястру, жонку, дачку. Ён быў так моцна звязаны з імі, што неўзабаве хутка сышоў і сам. Катэгорыю жаночага ў жыцці Танка даследчыца істотна пашырае ў нашым танказнаўстве, злучае яе з домам, Беларуссю, якім паэт таксама захаваў вернасць.

Вялікую цікавасць выклікае маштабнае парайнанне літаратурнай і грамадска-актыўнай дзеянасці Максіма Танка і Ніла Гілевіча, якое зрабіла Т. Нуждзіна. Паэты, розныя па ўзросце і мастацкім стылі, даволі доўгі час працавалі разам у апераце Саюза пісьменнікаў Беларусі. Дзякуючы Танку Гілевіч змалку “адчуў сілу прыцяжэння паэзіі”. Таму старэйшы таварыш па пяры быў для малодшага прыкладам і, як заўважае даследчыца, “блізкімі да танкаўскіх крытэрыяў маральнасці былі і маральныя прынцыпы Ніла Гілевіча”. Ён “па-танкаўску востра” прайшоўся па беларускай мастацка-творчай прасторы. Толькі харектары ў паэтаў усё ж адрозніваліся: Гілевіч быў больш гарачы, нецярплівы, Танк – стрыманы і памяркоўны. Эстэтычна-творчае ўвасабленне Максімам Танкам культурнага вопыту іншых народаў прайвілася і ў вопыце Ніла Гілевіча як перакладчыка. Наглядна бачны становічы ўплыў старэйшага паэта на малодшага, працяг Гілевічам лепшых танкаўскіх традыцый у беларускай літаратуры.

Уражваюць маштабы працы, звязанай з распрацоўкай найбольш поўнага збору твораў Танка. Пра гэта распавядае С. Калядка ў артыкуле “Гісторыя падрыхтоўкі і выдання збору твораў Максіма Танка ў 13 тамах”. Чытач мае ўнікальную магчымасць пабываць унутры складанага літаратуразнаўча-тэксталагічнага працэсу, усвядоміць аб’ём руплівай шаснаццацігадовай працы вялікай колькасці людзей, якіх аб’ядноўвала глыбокая павага і любоў да Танкавай творчасці і жаданне данесці яе да сучаснікаў ва ўсёй сваёй паўнаце і красе. Мэта гэтага артыкула не толькі ў тым, каб раскрыць харектар і вынікі сапраўды фундаментальнай працы, але і ў тым, каб пераканаць аўдыторыю, што час даследавання творчасці паэта не застаўся недзе ў мінулым, ён жыве сёння: праводзяцца канферэнцыі, выдаюцца кнігі, знаходзяцца аўтографы, ажыццяўляюцца адкрыцці,

якія дазваляюць нам новымі вачыма глядзець на такія, здаецца, вядомыя вершы беларускага класіка. Вывучэнне матэрыялаў архіваў не стаіць на месцы і, як сцвярджае аўтар, “чакае ўдумлівага даследчыка”. Нягледзячы на тое, што так шмат і добра сказана пра літаратурную спадчыну Танка, усё роўна застаецца прастора для далейшай працы. І гэта менавіта тое, што можа натхніць маладых навукоўцаў, прывесці іх да асэнсаванага вырашэння займацца творчасцю паэта, звязаць сваю дзейнасць з той ці іншай старонкай спадчыны таленавітага песняра Беларусі.

Адметна вылучаеца ў зборніку слова некаторых сучасных беларускіх паэтав, якіх М. Танк натхніў і натхніе на творчасць. В. Шніп у артыкуле, паэтычна названым “Прайшоў праз вернасць”, прызнаеца: “Я чытаў яго і вучыўся ў яго. <...> Я хацеў быць падобным да яго”. Аўтар артыкула дзеліцца сваімі дзённікамі запісамі – шэрагам успамінаў пра М. Танка, якія працягваюцца і пасля яго фізічнай смерці, што з'яўляеца чарговым сведчаннем пра неўміручаць асобы паэта. У канцы артыкула Шніп прапануе ўласныя вершы, “прысвечаныя Максіму Танку і яго слáўным землякам”. Таленавітая маладая паэтка В. Нікіценка называе Танка “адным з найважнейшых арыенціраў” у сваім жыцці і творчасці. Яна бачыць у вершах М. Танка адбітак яго каларытнай асобы, галоўныя яе якасці – чуласць, чалавечнасць, працавітасць, адданае служэнне свайму народу. В. Нікіценка заўважае, што глыбіня думкі не перашкаджала паэту надаць вершу патрэбную мастацкую форму, каб выйсці “беспамылкова на трасу – да сэрца”. І ў гэтым паэтка бачыць моц таленту М. Танка. Асобна яна гаворыць пра верлібр, які паэт здолеў увесці і замацаваць у беларускай літаратуре. Танкаўскім верлібрам натхнілася і яна сама.

Апошні раздзел зборніка мае больш камерны, інтymны харктар. У ім раскрываеца Максім Танк як звычайны чалавек у паўсядзённым жыцці. Гэта успаміны тых, хто ведаў яго як калегу і члена сям'і. Тут перад чытачом паўстаем жыццё не славутага паэта, а Яўгена Іванавіча Скурко – і гэта, на наш погляд, уносіць не меншы ўклад у раскрыццё феномена творчасці Танка, чым навуковыя, літаратуразнаўчыя доследы. Успаміны дачкі, пляменніка і пляменніцы нясуць непрыхаваную праўду пра асобы паэта. Гэта ўдакладняе і развівае папярэднія слова М. Мікуліча пра Максіма Танка як чалавека “высокай маралі і вялікай сціпласці”, каларытнага грамадскага і дзяржаўнага дзеяча. Такім чынам, ідэя раскрыцця ўнікальнага харктару Максіма Танка звязвае паміж сабой розныя часткі зборніка, надае яму цэласнасць і завершанасць.

Моцным, акцэнтаваным завяршэннем зборніка выглядае матэрыял дырэктара Мядзельскай раённай бібліятэкі, якой прысвоена імя Максіма Танка, Т. Нырцовай. Яна дае падрабязную і вельмі цікавую інфармацыю пра тое, як на малой радзіме захоўваюць і паважаюць памяць паэта. Дырэктар бібліятэкі паведамляе, што яе супрацоўнікі старанна збіраюць усё, “што датычыць жыцця і літаратурнай дзейнасці паэта”, яго блізкіх і родных. Адметная дэталь: у краязнаўчай зале ўстановы ўсе выставы называюцца радкамі з твораў Максіма Танка. Супрацоўнікі бібліятэкі перыядычна праводзяць літаратурна-музычныя вечары паводле творчасці знакамітага земляка, працягваюць папаўненне шматлікімі інфармацыйна-фактурнымі данымі электроннай базы “Максім Танк і Мядзельшчына”, ствараюць медыяплатформу з музычным выкананнем вершаў паэта. У сувязі з гэтым Т. Нырцова лічыць, што фізічнае жыццё выдатнага песняра Нарачы завяршылася, але яго духоўнае жыццё паспяхова працягваеца. Гэты аптымістычны наратыў паказвае прамы кірунак у будучыню для дзейнасці тых, хто паважае і любіць асобы і паэзію Максіма Танка, захапляеца яго вершамі.

Зборнік артыкулаў «Шчаслівы, што пяю цябе, Радзіма...» аздоблены шматлікімі фотаздымкамі, якія даволі ўдала працуяюць на яго агульную канцепцыю, пэўным чынам удакладняюць і падкрэсліваюць той ці іншы аспект зместу кнігі, забяспечваюць дадатковую інфармацыйна-пазнавальную і эмацыйнальна-пачуццёвую падсветку яе матэрыялаў, ажыўляюць іх успрыманне.

Інформация об авторе

Трофимова Анастасія Олеговна – магістр філологіческіх наукаў, младшыя научныя сотрудникі отдела взаімасвязей літературы. Цэнтр исследаваній беларускай культуры, языка і літаратуры, Национальная акадэмія наук Беларусі (ул. Сурганава, 1, корп. 2, 220072, Мінск, Рэспубліка Беларусь). E-mail: zevuchok@gmail.com

Information about the author

Anastasia O. Trofimova – MA (Philol.), Junior Scientific Researcher of the Department of Literary Relations. Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganov Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). E-mail: zevuchok@gmail.com

ВУЧОНЫЯ БЕЛАРУСИ
SCIENTISTS OF BELARUS**ЕВГЕНИЙ МИХАЙЛОВИЧ БАБОСОВ**
(К 95-летию со дня рождения)

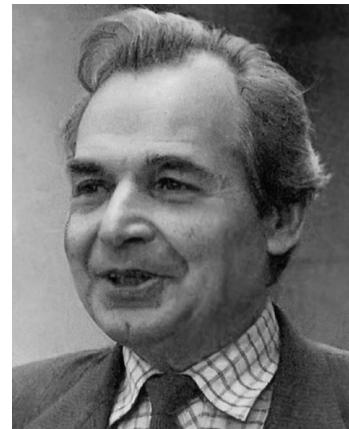
23 февраля 2026 г. исполняется 95 лет выдающемуся белорусскому ученому, доктору философских наук, профессору, академику Национальной академии наук Беларуси, лауреату Государственной премии БССР, заслуженному деятелю науки Республики Беларусь Евгению Михайловичу Бабосову.

Академик Е. М. Бабосов по праву считается признанным лидером отечественной гуманитарной науки, подлинным архитектором белорусской социологии и настоящим патриотом своей страны, успешно реализующим интеллектуальный и духовный потенциал на благо родной Беларуси. Свой путь в науку он начал еще со школьной скамьи, уже тогда в полной мере демонстрируя высокие интеллектуальные и творческие способности. В 1950 г. окончил с золотой медалью столичную среднюю школу № 3 и поступил в Белорусский государственный университет, где началась его активная научно-исследовательская, общественная, а позже – и педагогическая деятельность. В студенческой группе, состоящей почти полностью из медалистов, он отличался своими лидерскими качествами, целеустремленностью и эрудицией. За успехи в учебе был удостоен именной стипендии, а выполненная им на 4-м курсе научно-исследовательская работа получила первую премию на Всесоюзном конкурсе студенческих работ. Е. М. Бабосов стал участником VI (Москва) и VII (Вена) Всемирных фестивалей молодежи и студентов, командиром первого белорусского студенческого отряда, работавшего на целинных землях Казахстана, был избран членом Бюро ЦК ЛКСМБ.

1960–1970-е гг. – особый период для Евгения Михайловича, который он называет «машеровским». П. М. Машеров пригласил молодого и талантливого философа на работу в аппарат ЦК КПБ. Далее – почти пятнадцать лет работы в отделе науки и учебных заведений ЦК КПБ, аналитической группе при П. М. Машерове. Это была работа, где требовалась высочайшая степень ответственности и с которой будущий академик справлялся безупречно.

Вся жизнь Евгения Михайловича неразрывно связана с отечественной гуманитарной наукой, в рамках которой он проявил себя как незаурядный ученый, талантливый педагог и блистательный организатор. Национальная академия наук Беларуси наряду с Белорусским государственным университетом навсегда стала для него родным домом, без которого он и сегодня не представляет своей жизни. После блестящей защиты в Москве докторской диссертации в 1977 г. Е. М. Бабосов переходит на работу в Академию наук БССР и назначается директором Института философии и права. В 1990-м по его инициативе и при самом непосредственном участии был создан академический Институт социологии, который он долгое время возглавлял, а в настоящее время является его Почетным директором.

Евгений Михайлович принадлежит к поколению ученых, которые стояли у истоков современной отечественной социологии, он был одним из тех, кто придал ей высокий академический статус и добился признания со стороны общественности и государства. Под его руководством Институт социологии НАН Беларуси стал ведущей площадкой для комплексных социологических исследований, междисциплинарного диалога и подготовки новых поколений исследователей.

Как инициатор и организатор крупных коллективных проектов он эффективно интегрировал фундаментальную теорию с масштабными прикладными исследованиями, заложив основания для систематического мониторинга социальных процессов в Республике Беларусь. На протяжении значительного периода времени он возглавлял Белорусское отделение Советской социологической ассоциации, являлся заместителем председателя республиканского общества «Знание». С 2012 г. и по настоящее время Евгений Михайлович успешно трудится в должности главного научного сотрудника отдела социологии государственного управления Института социологии НАН Беларуси.

За годы работы в Национальной академии наук Беларуси Е. М. Бабосов приобрел заслуженный авторитет не только в научном сообществе, но и среди широкой общественности. Он выступал с докладами на семи Всемирных философских, социологических и политологических конгрессах, является автором более 1180 научных работ, в том числе более 70 научных монографий, среди которых такие фундаментальные, как «Тейярдизм: попытка синтеза науки и христианства» (1970 г.), «Личность, коллектив, общество» (1975 г.), «Социальные аспекты научно-технической революции» (1976 г.), «Истина и богословие (критика богословских интерпретаций научно-технического прогресса)» (1988 г.), «Человек на пороге рынка: социальные ожидания населения» (1992 г.), «Катастрофы: социологический анализ» (1995 г.), «Социальные последствия Чернобыльской катастрофы, пути их преодоления» (2001 г.), «Социально-стратификационная панорама современной Беларуси» (2002 г.), «Структурная трансформация образа жизни населения Беларуси в конце XX – начале XXI века» (2005 г.), «Социология конфликтов» (2011 г.), «Модернизация социальных систем» (2014 г.), «Человекомерность социальных систем» (2015 г.), «Наука и человекомерность окружающей реальности» (2021 г.), «Философско-методологические основания науки: от классики к высоким технологиям» (2023 и 2025 гг.) и многие другие. В 2025 г. под научной редакцией Евгения Михайловича издан энциклопедический словарь «Политическая социология». Научное наследие академика широко известно не только в Беларуси и странах СНГ, но и в дальнем зарубежье. Написанные им книги издавались на английском, французском, немецком, итальянском, польском и болгарском языках.

Трудовой путь Е. М. Бабосова свидетельствует об исключительной верности избранному делу, вызывает глубокое уважение и служит примером того, как интеллект ученого становится неотъемлемым инструментом эффективного социального развития и государственного строительства.

Евгений Михайлович никогда не был кабинетным ученым, оторванным от реальности. Когда на нашу землю пришла беда Чернобыля, он одним из первых понял, что последствия катастрофы – это не только вызов физикам и биологам, медицинским работникам и экологам, но и сложнейшая социальная травма. Теоретико-методологические основы социологического изучения катастроф стали тем фундаментом, на котором государство выстраивало работу с населением, восполняя недостаток информации и обеспечивая социальную безопасность нации.

Значителен интеллектуальный вклад академика Е. М. Бабосова в становление суверенной Беларуси в 1990-е гг. В период, когда под внешним и внутренним воздействием рушились старые идеалы, он научно обосновал необходимость укрепления государственной власти и суверенитета страны, эволюционного пути развития, недопустимость радикальных слов, сохранил верность истинно человеческим принципам и всегда проявлял твердую гражданскую позицию. Разработанные им научно-теоретические подходы стали одной из интеллектуальных основ формирования и укрепления уникальной белорусской модели общественного развития, которую мы сегодня успешно защищаем и демонстрируем всему миру. Большое внимание в своих работах он уделяет основным тенденциям социально-стратификационного и социально-политического развития Беларуси в конце XX – начале XXI в., глубоко исследует методологические проблемы функционирования духовной культуры, стратегии дальнейшего развития белорусского общества.

Множество высоких званий и наград Евгения Михайловича красноречиво свидетельствует о признании его выдающегося вклада в развитие науки. В 1984 г. за цикл работ по истории со-

циальной и философской мысли Беларуси он вместе со своими коллегами был удостоен Государственной премии БССР, в 1996 и 2015 гг. – премии НАН Беларуси за высокие достижения в научной деятельности, в 1996 г. – почетного звания заслуженного деятеля науки Республики Беларусь, премии Министерства образования Республики Беларусь за лучший учебник по общественным наукам.

В 2005 г. академику Е. М. Бабосову была присуждена премия имени Питирима Сорокина. В 2007 г. он был удостоен высокой награды Российской академии наук – ордена Михаила Ломоносова. В 2011 г. ученый награжден Правительством Российской Федерации и Российской государственным социальным университетом Золотым почетным знаком имени Петра Великого «За благородные труды». В 2016 г. ему была вручена высшая награда Национальной академии наук Беларуси – нагрудный знак «Золотая медаль Национальной академии наук Беларуси “За большой вклад в развитие науки”».

Значительной заслугой Евгения Михайловича является обеспечение преемственности поколений в отечественной гуманитарной науке. За годы своей деятельности в Национальной академии наук Беларуси Е. М. Бабосов создал мощную научную социологическую школу, объединив вокруг себя исследователей разных поколений. Коллеги и ученики знают Евгения Михайловича не только как выдающегося ученого и организатора науки, но и как внимательного, тактичного и требовательного наставника, умеющего сочетать принципиальность с редкой человеческой деликатностью. Для многих он является достойнейшим примером служения науке, готовности брать на себя ответственность за решения, определяющие ее будущее. Высочайшая культура общения, уважение к собеседнику и умение слышать разные точки зрения сформировали вокруг него особую атмосферу интеллектуального доверия и профессиональной солидарности.

На протяжении десятилетий ученый осуществляет успешное научное руководство аспирантами и докторантами, которые затем пополняют кадровый состав учреждений науки и образования, работают в организациях и на предприятиях реального сектора экономики, в органах государственного управления. Е. М. Бабосов подготовил более 100 кандидатов и более 30 докторов наук, среди которых такие авторитетные ученые, как доктора социологических наук А. Н. Данилов, Г. М. Евелькин, В. В. Кириенко, В. А. Клименко, И. В. Котляров, Г. А. Несветайлов, В. И. Русецкая, С. А. Шавель и другие, а также доктора философских наук В. П. Андрушченко, Ю. Л. Баньковская, Е. Х. Капелян, Л. И. Михальченко, И. В. Москаленко, М. В. Тараткевич и другие.

Сегодня академик Е. М. Бабосов продолжает активно и плодотворно трудиться: участвует в выполнении государственных программ научных исследований, пишет научные статьи и монографии, учебники и учебные пособия, осуществляет научное руководство аспирантами и докторантами. Его имя на обложке книги – это подлинный «знак качества» и символ того, что издание будет востребовано не только среди молодых исследователей, но и среди уже состоявшихся ученых.

Высокоактуальны в настоящее время результаты исследований основанной Е. М. Бабосовым научной школы социологии стратификации, конфликтов и катастроф – актуального и практико-ориентированного научного направления отечественной социологии. В фокусе внимания ученого – проблемы укрепления белорусской государственности, развитие национальной культуры, образования и науки, роль цифровых технологий и искусственного интеллекта в жизни общества. Работы, посвященные трансформационным процессам и их влиянию на развитие личности, особенностям взаимодействия научно-технического и социального прогресса, стали важной частью белорусской гуманитаристики и ориентиром для прикладных исследований.

Уважаемый Евгений Михайлович! Во всех жизненных обстоятельствах Вы являетесь примером целеустремленности, верности служебному и гражданскому долгу и патриотизма. Ваша научная и общественная деятельность отмечены высочайшим уровнем компетентности и профессионализма, а Ваш весомый вклад в развитие отечественной гуманитарной науки и высшего

образования, деятельность на благо Беларуси вызывают глубокое уважение. Пусть и впредь успешно осуществляются Ваши творческие планы и замыслы, а каждый день служения науке, обществу и государству приносит чувство исполненного долга! Искренне желаем Вам, дорогой Евгений Михайлович, крепкого здоровья, реализации интересных творческих замыслов и новых научных достижений!

*Академик-секретарь
Отделения гуманитарных наук и искусств НАН Беларуси,
академик, доктор исторических наук, профессор*

A. A. Коваленя

*Директор
Института социологии НАН Беларуси,
кандидат социологических наук, доцент*

H. Л. Мысливец

*Заведующий кафедрой социологии
Белорусского государственного университета,
член-корреспондент, доктор социологических наук, профессор*

A. Н. Данилов

*Заместитель директора
по научной и инновационной работе
Института социологии НАН Беларуси,
кандидат социологических наук, доцент*

H. Н. Сухотский